

ДОШ

Старейший
человек на
Земле живет
в Чечне

стр.30

Владимир ЛУКИН: «Россия должна быть единой, Чечня — свободной» стр.18

К читателям

Прошел год с момента выхода первого номера историко-просветительского, культурологического, публицистического журнала «ДОШ».

Год с той поры, когда интернациональная команда людей, посчитавших своим долгом рассказать об истории и культуре народа, столь много испытавшего и страдающего сегодня, объединилась вокруг этого благородного дела.

Год – и много, и мало. Много – с точки зрения того, что сделано, и мало, если сравнить это с тем, сколько работы еще предстоит в будущем.

Команда, выпускающая журнал, видит свою задачу не только в том, чтобы развивать чеченскую культурно-историческую тематику, хотя это, бесспорно, является важным направлением нашего издания, но также намерена уделять внимание гуманитарным вопросам, темам межкультурного взаимодействия людей в современных условиях, раздвигая при этом любые национальные, религиозные и географические рамки.

Мы очень рады тому, что у нас появились свои постоянные читатели и их с каждым днем становится все больше. Из многочисленных звонков и писем в редакцию и на электронный адрес журнала мы узнаем ваши мнения, оценки наших публикаций, как положительные, так и отрицательные. В связи с этим считаем нужным подчеркнуть: журнал «ДОШ» – независимое издание, важнейшими приоритетами которого являются объективность и беспристрастность. Но в то же время мы не станем утверждать, что идеологически абсолютно индифферентны, ибо придаем большое значение пропаганде идей общечеловеческого братства и примирения. «ДОШ» не связан обязательствами ни перед одним политическим лагерем, следовательно, мы вольны освещать совершенно

разные, подчас даже полярные точки зрения на те или иные темы, поднимаемые в журнале. Надеемся на ваше понимание и поддержку!

«ДОШ» можно приобрести в киосках печати г. Грозного, в аэропорту «Магас», в киосках, расположенных на территории мечетей г. Москвы. Также можно заказать журнал по тел: 782-42-99. Всегда можно посетить веб-сайт журнала: www.dosh-journal.ru

РЕДАКЦИЯ

В НОМЕРЕ

- 2 **ДЕЛА МИНУВШИХ ДНЕЙ**
ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ
Андрей БИРЮКОВ
- 5 **МОЙ ПРАЗДНИК**
Инна БУТОРИНА
- 7 **ЗА ВЕРНОСТЬ И ОТВАГУ**
Степан КАШУРКО
- 11 **САМАШКИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ**
Тамара АХТАЕВА
- 15 **ЧЕТВЕРТЫЙ ПОПУТЧИК**
Мария КАТЫШЕВА
- 18 **ВЛАДИМИР ЛУКИН:**
РОССИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ЕДИНОЙ, ЧЕЧНЯ СВОБОДНОЙ
Абдулла ДУДУЕВ
- 22 **ПРАВО НА НАЦИОНАЛЬНОСТЬ**
Светлана АЛИЕВА
- 24 **МЕЖДУ ГРОЗНЫМ И ТАМБОВЫМ**
Милана АРАПИЕВА
- 25 **СТРАСБУРГСКАЯ СИРЕНЬ**
Тина БРЮССЕЛЬ
- 27 **БОЛЬШАЯ ЕВРОПА**
Виктор КОГАН-ЯСНЫЙ
- 30 **В ГОСТЯХ У ДОЛГОЖИТЕЛЬНОЙ**
Тамара АХТАЕВА
- 33 **ГОЛОС БАНЫ**
Инна БЕЛЯЕВА-АРСАНОВА
- 34 **ИМАН-ВАЛЕРИЯ ПОРОХОВА:**
Я СЧАСТЛИВА, ЧТО УСПЕЛА СТАТЬ МУСУЛЬМАНКОЙ
Исмаил КУРБАХАЖИЕВ
- 37 **ТАЛАНТ РАДОСТНЫЙ И ЧЕЛОВЕЧНЫЙ**
Ася МУРТАЗАЛИЕВА
- 41 **ПОЭЗИЯ**
Банга ГАЙТУКАЕВА
- 42 **ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ СУЛТАНА**
Тина БРЮССЕЛЬ
- 44 **ПЕВИЦА, КОТОРУЮ НЕ ЗНАЮТ В ЛИЦО**
Мария КАТЫШЕВА
- 47 **ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ**

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Исрапил ШОВХАЛОВ – главный редактор
Абдулла ДУДУЕВ – зам. главного редактора
Ирина ВАСЮЧЕНКО
Виктор КОГАН-ЯСНЫЙ
Георгий ЗИНГЕР
Светлана АЛИЕВА
Степан КАШУРКО
Мария КАТЫШЕВА
Тина БРЮССЕЛЬ
Тамара АХТАЕВА
Исмаил КУРБАХАЖИЕВ
Олег ЧИРИКОВ
Хожа ГЕРИХАНОВ
Инна БУТОРИНА
Людмила АЛДОШИНА

ДИЗАЙН И ВЕРСТКА

Паша САХОМОВ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ

(095) 782-42-99

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

«Общественная организация «Региональная гражданская инициатива – право на жизнь и гражданское достоинство»
(председатель правления В. Коган-Ясный, исп. директор О. Чириков)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

РФ, 103982, г. Москва, пер. Лучников 4, подъезд 3, комната 1.
тел. (095) 206-05-82
тел./факс (095) 206-88-52
Мнения, высказанные в авторских материалах и в интервью, не обязательно совпадают с позицией редакции и издателя.
Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат редакции.
Перепечатка без разрешения редакции запрещена.
При использовании и цитировании материалов ссылка на «ДОШ» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.
Свидетельство ПИ №77-15652 от 9 июня 2003 г.

Тираж 5000 экз.

Отпечатано в ФГУП «ПИК ВИНТИ»
140010, Россия, Люберцы-10, Октябрьский проспект, 403.
Тел. (095) 554-21-86

Заказы на размещение рекламы в журнале «ДОШ»:
тел./факс (095) 206-88-52
e-mail: dosh1@mail.ru
doshdu@mail.ru

ДЕЛА МИНУВШИХ ДНЕЙ

Публикуется впервые

В распоряжении редакции имеется богатая подборка документов, в большинстве своем ранее не видевших света, касающихся первых контактов (не всегда мирных) между русскими и чеченцами. Редакция приступает к их публикации и намерена продолжить ее, а также напечатать посвященный этим материалам исторический обзор А.В. Бирюкова в следующих номерах «Дош».

История непосредственных контактов России и горских народов Северного Кавказа начинается с 1722 г. Хотя, как утверждает Н.М.Покровский (Завоевание Кавказа. В кн.: История России в XIX веке. М.: А. и И. Гранат, б.г. Т. V. С. 292-293) «Русские колонисты, если верить чеченским сказаниям, являются на северных отрогах Кавказского хребта ещё в XVII в. Но то была частная предприимчивость отдельных удайцов с Дона и Волги. Они переходили Терек и Сунжу не по поручению московского правительства, а именно потому, что надеялись укрыться от его длинных рук».

Во время Персидского похода Петра I отряды кавалерии двигались из Астрахани в Дербент сухим путём (пехота была отправлена морем). На пути авангард кавалерии был атакован жителями селения Андреева (совр. Эндирей, на западе Дагестана). Дождавшись подхода основных сил,

командир отряда бригадир Ветераний «разбил наголову андреевцев, а само селение, состоявшее тогда из 2000 дворов, совершенно разорил» (Георгий Михайлович, вел. кн. История Апшеронского полка. 1700-1892 / Сост. Л.Богуславский. СПб., 1892. Т.I. С.3.)

В связи с этим инцидентом особенный интерес представляют письма «князей Андреевской деревни», относящихся к 1721 году, которые хранятся в Архиве внешней политики Российской Империи (далее – АВПРИ). Из писем к Петру I и к Астраханскому губернатору видно, что авторов прошений связывала с Россией многолетняя служба.

К сожалению, остаётся неизвестным, почему уже в следующем году андреевцы напали на русские войска, что привело к разгрому селения.

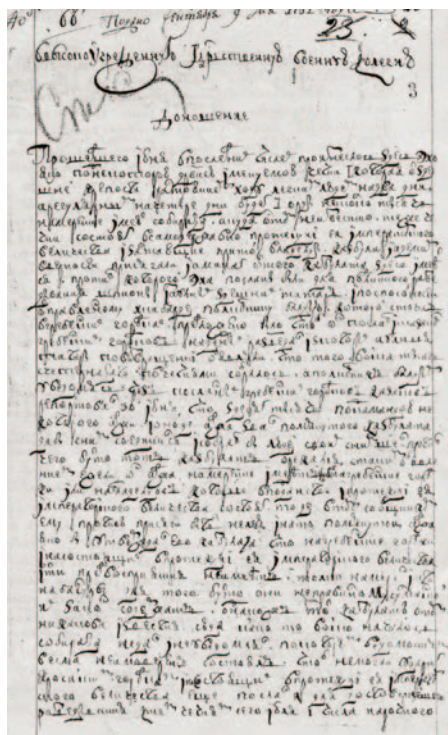
Андрей Бирюков.

Копия расспросного листа Е.Халимбекова, 1 июля 1732 г.

Копия

1732 году июля 1 дня посыланной от Генерала лейтенанта графа Дукласа в деревню Чечень для разведования о пришедшей орде окочинской татарин Ельдар Халимбеков по возврате в канцелярии означенного Генерала лейтенанта допрашиван.

А в допросе сказал: по отправлении моем из крепости Святого Креста июня 27 дня в реченую деревню и другой день в ночи я прибыл и переночевал. Видел я своими глазами, что от той деревни расстоянием в версте стоят в поле кумык козлинжских, а болше тавлинцов, числом всех, конных и пеших, тысячи с четыре. А господарь той деревни, житель у которого я стоял, Ааи салтан, сказывал мне, яко в том собрании имеются тавлинцы, казайнжуския кумыки и подвластные владельцов Мусала да Демира жители деревни Окоцкой, да аксайского владельца Албека деревни Сысу и Кошкой, которых будто всех обще числом тысяч с десять или с восемь будет. А командиром у них, как я подлинно слышал, родом тавлинец, а где его жителство, не осведомлен, по имени Азжа. А ко оным де аксайским татарам оной Албек яко бы присылал нарочных, сказывая, чтоб они

возвратились в свои жилища. А ежели не возвратятца, то жен их и детей он, Албек, русским отдаст. А от чеченских жителей слышал я, что оные орды намерены итти в горы на колчинские народы, яко бы для превращения их в веру магаметанскую (ибо

де оные орды сведомы, будто оные колчинцы держат веру христианскую), а подлинно ль туды ль пойдут или в другие места, о том разведать ни от кого не мог. И как я с означенным известием от туда отправился, то видел едущих ко мне встречу выше-означенной деревни окоцкой татар человек с дватцать, что идут в то же собрание. Да означенной же чеченской житель, господарь мой, сказывал, якобы для совокупления к той орде к споможению будет аварской тавлинской владелец Би с несколки войски, которому и положен срок прибыть вчерашнего числа. Да будет в Чечнях, слышал я, якобы Расламбек и Алегук, собравшись с ордами, пришли к Кобарде, а что с ними войск и зачем пришли, не выведал, а болше оного ни от кого не о чем не слышал.

РГВИА, ф.20, оп.1 / 47, ед.хр.36, л. 32-32 об.

Копия расспросного листа Ж.Тимирова, 2 июля 1732 г.

1732-го году июля 2 дни посыланной от генерала лейтенанта графа Дукласа в Андрееву деревню с письмами аульной татарин Женака Тимиров по возврате в канцелярии оного Генерала лейтенанта допрашиван.

По прибытии моем вчерашнего дня в Андрееву деревню посланное

со мною к тамошнему владельцу Мусалу письмо подал, которой написав против того ответное письмо ж мне отдал, с которым я сюда и прибыл. А будучи тамо, слышал, что на Чечне при командире Аджи стоит тавлинцов тысяч с восемь, а куды оные итти хотят, никто в той деревне Андреевке будто не известны и мне не ответили. Да к нему ж Аджи якобы едут в помощь Сурхаевы дети с своими десятью тысячами войска, да означенной Мусал скзывал мне, яко подданные ево деревни Аук два человека поехали без ево ведома к означенному Адже к ево войску. Толко он Мусал послал за ними своих же шесть человек и велел тех двух человек возвратити. А ежели б де кто из Андреевой деревни покусил ся ко оному Аджи в войско итти, о том де как он, Мусал, уведает, тот час доносить будет писменно генералитету. А болше того как от него, Мусала, так и ни от кого ни о чем не слыхал.

РГВИА, ф.20, оп.1/47, ед.хр.36, л. 33.

Перевод письма владельца сел. Эндери Мусала Чепалова генерал-лейтенанту Г.Дугласу, [1 июля] 1732 г.

Перевод с письма татарского, писанного от андреевского владельца Мусала Чепалова получено июля 2-го чрез аульного татарина Сженака сего [1]1732 году.

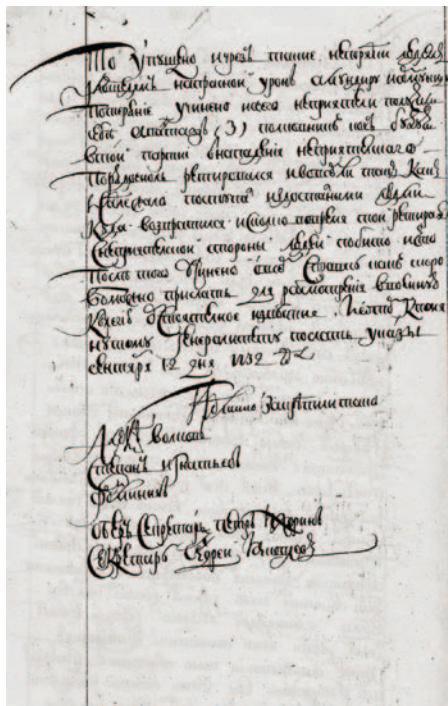
Благородному и высокопочтенному Слацкого города сераскеру графу Дукласу Его Превосходительству много, много кланяюсь и при том доношу. Письмо Ваше я, приняв, получил, в котором изволите писать и я из оного усмотрел и своих андреевских подвластных всех под штрафом утверждал и никуда для художества и в Грузию ходить запретил. Тако ж и к Аджи, как ныне не пустил, так и впредь не пушу, и затем я к вашему сиятельству сам буду, а что изволите мне приказывать, по оному исполнять и буду.

РГВИА, ф.20, оп.1/47, ед.хр.36, л. 34.

Перевод письма Брагунского мудара генерал-лейтенанту Г.Дугласу, июля 1732 г.

Перевод с письма татарского, писанного от Брагунского мудара, получено июля 4 дня 1732 году.

Много, много кланяюсь генералу. Ето войско к брагунам и к русским блиско состоит, от которого войска я боюсь. А я государев верный холоп и мне изволте верить, что ближе к неприятелям состоял, а я как присягу дал, в том стою. Деревни Андреевой присягу учинили и в том состоят и людей давали что за русских стоять, а неприятелей побже-

дать. Государев я холоп.

На обороте ево Мударова печать.
РГВИА, ф.20, оп.1/47, ед.хр.36, л.35.

Протокол офицерского консилиума, состоявшегося в отряде генерал-лейтенанта Г.Дугласа 5 июля 1732 г.

Консилиум учиненной в марше при лагире под деревню Корагичем июля 5 дня 1732 году

Понеже по происходимым о собрании под командою некоторого Аджи с ордою в несколько тысячей под деревню Чечнею ведомостям, а по учиненной в крепости Святого Креста консилие сего июля 3-го дня в собрании генералитета, яко то генерала лейтенанта графа Дукласа, генерал маэора Эропкина и штап афицеров положено для подозрения такова, что об оном войске куда намерено. Хотя достоверно известно не было об Адже, что в границах Ея Императорского Величества многим числом собрался и опасно, дабы по лехкомыслию своему чего не учинили, положено ту собранную орду атаковать или разрушить. Зачем я нижеподписавший генерал лейтенант и штап офицеры из крепости Святого Креста с доволною командою к Чечням выступя, уже следуем и к вышеписанной деревне Карагичу достигли. Числа ж вчерашнего по новопроисходимым ведомостям известно учинилось, яко помянутое собранное войско намерены были и пришли разорять деревню Балсу, которой де обыватели произыскивая всякие способы, просили того Аджи

с войском дать малое время, между которым дали о том знать билакстановым владельцам Магомет Али Мурзину, Бате мурзе Хану и Пиште и Казии Мамбулатову. Почему те владельцы сожелев той деревни Балсу сообщась с ними, то под командою Аджи войско с божиею помощию разбили и намерение их злое к предвсприятию шествие до Кабарды (о чем потому ж было известно), разруша, не допустили. И сего ради не без многмого подозрения на чеченского владельца Казбулата, что он яко верноподданной Российской империи, по присяжной своей должности не толико о том собрании в крепость Святого Креста генералитету известия не дал, но еще он, Казбулат, сообщник тому Аджи явился и с людьми своими с ним, Аджею, пошел. Что в немалую противность Ея Императорскому Величеству происходит. И за оное надлежит ли тот Казбулат и его подвластные разорены быть. Требуется от ниже подписавшихся мнения, ибо брагунской владелец мудар писмом своим ко мне генерал лейтенанту объявил, что к Брагунам и к российским собранное войско блиско стоит. Чего он опасается да и другие тому ж видно последовать могут. И ежели без усмирения того Казбулата оставить и возвратится пакки к крепости, то кроме труда не впоследствии б стыда нынешней команде, что праздно выступя возвратились и тем здешнему народу подать бы поводу впредь к таковым же поступкам и не восприняли б беспутного с того куражу себе. Что рассматривая, мнение мое я, генерал лейтенант, полагаю вышеписанных ради резонов помянутого Казбулата и всю деревню Чечни разорить и к лутчему ево, Казбулата, и знатных узденей забрав, привести в крепость Святого Креста и оное подтверждая, подписуюсь.

У подлинного подписано тако Генерал лейтенант Густав Дуклас. Вышеписанное в консилие изображенное во всем мы нижеподписавшиеся согласо содержанием и подписуем сего июля 5 дня 1732 году.

Маэор Александр Ешков
Маэор Ламздорф
Подполковник князь Григорей Волконский
Полковник Фон Бандемир
Полковник Кох
РГВИА, ф.20, оп.1/47, ед.хр.36, л.37-37 об.

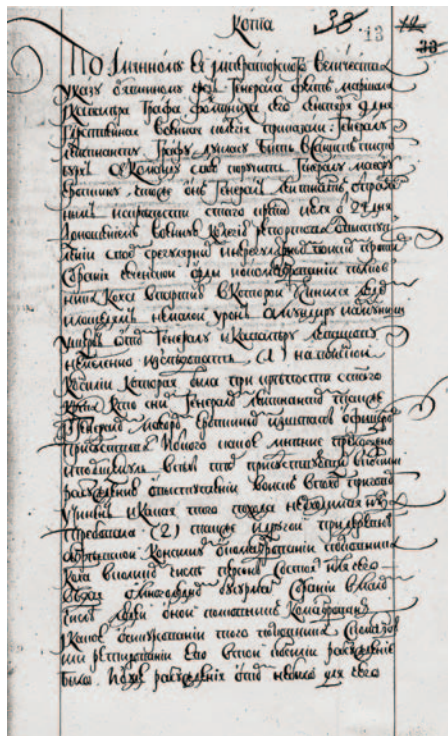
Доношение генерал-лейтенанта Г. Дугласа в Военную коллегию от 20 июля 1732 г.

№ 66. Подано сентября 9 дня 1732 года.

В Высокоучрежденую Государственную Военную Коллегию.

Доношение.

Прошедшего июня в последних числах произнеслось здесь эхо яко под некоторою деревнею именуемою Чечня (которая от здешней крепости расстоянием ходу легким людям на два дня, а регулярным — на четыре дня будет) орда в несколько тысяч намерение имеет собираться, а куда, о том не известно. Те же Чечни состоят в самодержавной протекции Ея Императорского Величества. И застающие при том владельцы: Хазбулат и Аделсар в верности присягали аманат от того Хазбулата здесь имеется. И против которого эха посланы были для подлинного разведывания шпионы из аульных здешних татар. И, по способности, отправленному к Кабарде полковнику Балуеву, который стоял в гребенских городках, предложено было, чтоб он послал из казаков гребенских городков надежных, разведаль. Из которых аульные татары, по возвращении, объявили, что того войска тысяч с четырнадцать под Чечнями собралось. А полковник Балуев, уведомясь через посланных гребенских городков казаков, рапортовал 30 июня, что с десять тысяч, под командою некоторого Аджи. И оной, Аджа, звал помянутого Хазбулата, дабы с ним соединился и собрав бы людей своих, с ним шел. Против чего будто, тот Хазбулат отреагировал с таким объявлением: ежели он, Ахжа, намерение имеет ударить на гребенские городки или на владельцев, которые в подданстве и протекции Ея Императорского Величества состоят, то де в том сообщником ему против присяги быть нельзя. И на то помянутый Ахжа якобы утверждал его, Хазбулата, что на гребенские городки и на состоящих в протекции Ея Императорского Величества идти предвосприятия не имеет. Только намерен идти на Балсури для того, будто они неправильно Мусульманский закон содержат. Однакож тот Хазбулат о том никакова известия сюда, како то войско начало собираться, не дал и не уведомлял. По которым ведомостям весьма неимоверен состоял, чтоб не могли ударить к российским городкам и на состоящих в протекции Ея Императорского Величества. Еще послал я для достовернейшего разведывания к тем Чечням сего июля 1-го числа нарочного офицера поручика Радкова с десятью человеками нерегулярных казаков и с ним писал до вышеписанного Ахжи, упоминая, что таких собраний в границах российских чинить небезподозрительно и неприлично, дабы оному войску велел от Чечни отступить и при посланном от меня распустил откуда пришли. Но на то ответствия не дождался и по отправле-

нии же с тем означенного поручика для опасности того собрания из команд и работ людей присовокупил к крепости. И 3-го дня текущего месяца имел я с господином генерал-маэром Эропкиным и штаб-офицерами по тем известиям консилиум. При чем положили то войско, недопуская к размножению, посланною командою отвратить и разрушить. А 4-го дня, собрав здесь по крайней необходимости каманду регулярной кавалерии тысячь десять, от пехоты, два пушек, двести гранодер, казаков донских и яицких четыреста восемьдесят три и аульных татар несколько, да пушек шесть с некоторыми артиллерийскими служителями. Из крепости я выступил, поруча здесь каманду генералу маэру Еропкину. А хотя и надлежало в той каманде егугенерал маэру быть, точию он тогда в слабом здравье и весьма болен находился, затем при здешней крепости оставлен. А в тот же день в марше нашем с камандою чрез следующего из Кабарды полковника Эль Мурзу Бековича Черкасского, который с нами в пути встретился, достоверное известие получил, что июля 2 числа помянутое войско с Аджою, которого объявляют четырнадцать тысяч, вознамерившись и знатно услыша о собрании войск российских, понеже здесь хотя весьма скрытно делается, но за пребывающими здесь аманатчики всегда чрез одноверцов и одноязычников в горы тайным образом даются известия, пошли было к Малой Кабарде, где были и чеченские татары, и начели деревни тамошние разорять. До которого не допусая, Ма-

лой Кабарды чилахтановские владельцы Магамет Али Мурзин, Бич Мурза хан Пишта и кази Мамбулатов, собрав своих людей сколько могли, того Аджу с войском разбили и немалое число людей побито и ранено с стороны Аджиной. Против которых ведомостей, имевши при некоторой деревне Карагиче лагерь, учинен с камандированными штаб-офицеры 5-го июля консилиум. При котором положили за неверность и сообщение с Аджою вышеписанного Хазбулата и что он о собрании помянутого войска в крепость к нам, против присяги своей не уведомлял, другим в страх, дабы також поваживатца не могли, и не праздно б каманда выступала, вышеписанную Чечень разорить. И, учиня тот консилиум, маршрут свой восприняли. И проехав Карагич, посланный в Чечню для разведывания поручик Рожков, в пути являсь, вышеписанные же ведомости о разбитии Аджи и собрания ево объявил. И потом до Андреевой деревни, которая по тракту ж к Чечне прилежала и понеже во оной были некоторые из владельцев неприсяжные и сообщались большегорским тавлинцам, которых ради при той Андреевой деревне я остановился и сыскав их, неприсяжных, из знатных человек с пять, а имянно: Ахмет хан Девлет Гирей Чюбуков, Бигаши Шююков, Алипкан Мамаков, Усми Шиняев, приводил. В Чечни же для разорения отправил при полковнике Кохе из Андреевой деревни 6 числа регулярных триста и нерегулярных двести человек, с инструкцією. Откуда ходу по объявлению было на один день. Но как она каманда отправилась, то за обходом переправ и речек на два дни ходу нашлось. А какова инструкция дана оному полковнику Коху, о том копия. И с полученного от владельцев Малой Кабарды, что оные о злом того Аджина войска намерении объявляли и какой поиск учинили, перевод с татарского письма при сем приложен. Стоячи ж при Андреевой деревни, от того полковника Коха чрез два и три дни дождав известия, небезсумнителен остался, послав уведомиться нарочного прапорщика, что тамо производится. И тот посланный, також и за ним другой, ротмистр Раслан бек, с правянтном тем трактом куда оной полковник шел, не могли проехать, за тем, что леса были завалены, и принуждены были для получения того известия, обезжая от гребенских городков, обратца. И 9-го числа посланный прапорщик с репортом от полковника Коха возвратился, в котором репорте объявлено, что он, Кох, по данной инструкции, прибыв 7 числа под Чечни, ту деревню разорил и выжег. И как

то окончил, намерен был тем же трактом возвратиться назад, следовать тогда <осмотром> по разведыванию, что путь ево, которым к той деревне шел, собраниями из разных деревень (которых к тем Чечням принадлежит с девять) в лесу завален и засечен. Что видя, принужден сыскивать другого способу к ретираду и проходил от той деревни иным местом, где лесу меньше было. Только де от многого от ех деревень собрания все приличные к проходу места были захвачены, и как начал к проходу происки воспринимать, тогда начался бой из ружья, в котором с обеих сторон не без упадку было. И в необходимых местах запавшие в лесах пешие татары и конница собранная ударили на ево, Кохову, каманду, где регулярных и нерегулярных несколько побито и ранено, також лошадей побито и протчего осталось. Что же числом, о том в приобретенной при сем копии с репорта оно-го полковника явствует. И о происхождении тамо обращении явственно

в поданном от него, полковника, против данной инструкции известии значит, с которого потому ж точная копия включена при сем. А сколько с их стороны побито, о том достоверно знать невозможно, разве впредь известие подлинное сыскатца может, о чем приложу старание исследовать. Сего ради о поступках, за таковые тех чеченцов противности, на оставшие деревни, что Ея Императорского Величества указ повелит, требую выхода с смотрительнейшего определения. Понеже те деревни, как из вышесанного моего покорнейшего представления видно, весьма к злему намерению и сообщению воров в горах, непостоянных тавлинцов и возмутителей склонны. И тому точию суть: того для не повелено ль будет туда сильную каманду послать и те деревни до основания разорить; а малою камандою, за сообщением их с воровскими людьми тавлинцами, и ретирадами в горах, ничего сделать невозможно. И пока те деревни в состоянии своем

будут, то покоя от злоумышленного их ухищрения и воровства гребенских городков казакам и жительствовавшим близ той Чечни соседям, как Брагунской владелец поданным прошением мне представлял и просил защищения от них (с которого копия по переводе на русский диалект сообщена) не будет. Ибо непрестанно у тех казаков гребенских лошадей и скот с полей крадут и отгоняют.

О сем покорно доносит от кавалерии генерал лейтенант граф Густав Дуклас. Июля 20 дня 1732 году.

Gustaf Douglas

РГВИА, ф.20, оп.1/47, ед.хр.36, л.3-4 об.

Все приведенные документы публикуются впервые с сохранением орфографии подлинника. Палеографическая обработка текста произведена ст. научным сотрудником РГВИА (Российский Государственный Военно-Исторический Архив) А. В. Канунниковым.

(Продолжение следует)

РАССКАЗ

Инна БУТОРИНА

МОЙ ПРАЗДНИК

Не в каждом столетии найдется знаменательная дата, которую отмечали бы всенародно, с чистым сердцем, добрыми слезами и светлым воодушевлением. А вот в середине двадцатого века есть такой день.

С раннего детства был и оставался для меня священным день 9 мая. Долгие годы я чтала эту дату как праздник, полный высокого значения. Наряду с тяжелыми и грустными воспоминаниями, которые навеивает мысль о войне, особая радость разгоралась в душе, наполняла ее возвышенным и абсолютно естественным (в отличие от других государственных праздников) чувством волнующей гордости: ведь был побежден страшный, очень сильный враг, грозивший всему человечеству.

Война помнится мне еще с детского сада. Это было в городе Муроме. Мы играли в войну, рисовали танки и самолеты, читали для раненых стихи в госпитале. Помню гул немецких самолетов. «Летят бомбить Горький», — говорили друг другу взрослые, тревожно поднимая глаза к небу.

Потом Москва, школа, парад на Красной площади...

Когда после войны мы с мамой приехали в Германию, где ей предстояло работать переводчицей («Какой ужас, как мы будем жить среди немцев?», — думалось мне, да и мама, помню, побаивалась), я увидела за вокзалом сплошные груды камней. Это был Берлин. Стояли длинные цепочки изможденных детей, к нам тянулись тоненькие

ручки-ниточки: «Клепа, клепа!», — просили они. А взрослые продавали разные невиданные вещички. Мне стало жалко детей и почему-то совестно.

На развалинах тоже цепочками стояли мужчины и женщины в передниках, все одетые бедно (как сейчас вижу — сплошные заплатки), но чисто. Они передавали друг другу кирпичи. «Что они делают?» — спрашивала я маму. — «Хотят снова построить свой город». — «Где же они живут, если кругом ни одного целого дома?»

Ответа на этот последний вопрос я, кажется, так и не дождалась.

Таким было мое знакомство с побежденной Германией. Но ведь и у нас дома, кроме парада на Красной площади, много страданий, остались безногие инвалиды, нищие, банды бесчинствуют, и есть такие же разрушенные города, взять хотя бы послеблокадный истощенный Ленинград. Я помнила об этом, так что обида и ненависть не могли так просто рассеяться. Но вот вижу виноватых, изможденных людей, голодных детей. Что-то тут не так, думала я. Ничего, вырасту — разберусь. Выросла. И кое-что узнала. Когда пришло время защищать диплом, темой выбрала движение неонацистов в Западной Германии. Разве могла я тогда предположить, что через несколько десятилетий и у нас в стране раздадутся голоса их братьев по духу? И уж совсем не ведомо мне было то, что долгое время тщательно

Сотрудники советского посольства у памятника советским воинам в Берлине. 1964 г.

скрывали от всего народа.

Много изменений претерпело государство за прошедшие десятилетия. Последствия и сюрпризы войны, странные людские взаимоотношения часто ошеломяли, приводили в негодование. Бывает до жгучих слез обидно, когда невинный человек подвергается гонению, унижениям, издевательствам. Никогда мне не забыть одно из впечатлений послевоенных лет: как старенького, по-моему, всех любившего (или боявшегося?) еврея-аптекаря, тихо жившего у нас во дворе со своей семьей, дразнили наши мальчишки, бросали этим людям в окно невероятные гадости, стараясь попасть в кастрюли. А каково, если целый народ травят, изгоняют?..

С годами наперекор заговору молчания стала медленно просачиваться на свет Божий правда об истории чеченского народа. С огромным интересом, сказать точнее, с недоумением и ужасом узнала о ней и я. Узнала поздно, всего-то лет десять назад. Но ведь это и мой народ, а Россия — моя вторая родина, взрастившая и воспитавшая. Мне не раз любить ни Чечню, ни Россию так же, как я обречена на любовь к отцу-чеченцу и к русской матери.

И вот первая тень легла на мой лучший праздник. Воинов, прибывавших с фронта, которых мы чествовали и любили, наших отважных защитников — арестовывали. Потому что они были чеченцами. Или ингушами... Их родные, их семьи, друзья — весь народ с муками, болезнями, смертями был насильно переселен в дальние края.

Народ умеет забывать обиды, хотя рубцы вечны. Ведь надо жить, развиваться, крепнуть. Новый росток всегда потянется к солнцу. Вот он и вырос, щедро раскинул ветви,

зацвел. Уже стал давать плоды. Но, как в страшной сказке, чья-то черная перепончатая пятерня незаметно, исподтишка наложила на зеленое дерево порчу. И нашелся тот, кто убеждал всех, что виновато само дерево, такое уж оно плохое. И тогда его сожгли. Но корни-то — остались! Крепкий корень вновь даст свежий побег.

Ожившую и расцветшую Чеченскую землю уже десятилетие убивают. Уже по-новому: танками, самолетами, пытками. Настоящая война. Но без правил. Ее причина, так называемый *casus belli* забыт. В 96-м я увидела Грозный, где когда-то родилась, жила во младенчестве. Увидела и... вспомнила свою первую встречу с Берлином. Но Берлин-то ведь был столицей вражеской страны! А Грозный?! Кто это сделал? Свои! Да как же это могло случиться? Не-е-т. Здесь не один человек повинен, вдруг давший команду. Это какая-то гадкая, коварная система, веками отработанная «школа», возможно, даже и не у нас впервые зародившаяся.

Так еще одна тень легла на мой праздник. И он померк. Нет, я не отрекаюсь от любви ко всем защитникам Отечества. Но только к тем, в той войне. Мы всегда будем называть ее и Великой, и Отечественной. Она поистине была священной и справедливой. Из школьных учебников мы знаем, что войны делились на справедливые, что ведутся во имя защиты своего дома, и захватнические, агрессивные.

В какую новую войну ввязалась армия великой страны, победившей фашистских захватчиков? Не в агрессивную ли?

Теперь ушла прежняя чистая, незамутненная радость Дня победы. Тех воинов, ветеранов священной войны остается все меньше. А нынешнее воинство не вызывает ни восторга, ни гордости, ни хотя бы просто уважения. Есть лишь единицы. Их сердца, я знаю, честны, а руки не замараны невинно пролитой кровью. Да только много ли таких?

В былые времена звучало много песен о войне. Я всегда считала, да и теперь с уверенностью скажу: в России рождались гениальные военные песни, и в старину, и в годы Великой Отечественной.

*«С берез неслышен, навесом слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон» играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы и, словно в забытых,
Сидят и слушают бойцы, товарищи мои.
И вот он снова прозвучал в лесу прифронтовом,
И каждый думал и молчал о чем-то дорогом.
И каждый думал о своей, припомнив ту весну,
И каждый знал: дорога к ней ведет через войну...»*

Сейчас у новоявленных бардов из горячих точек песни полны агрессии, рев и хрип рвутся из глоток. Модно? Но есть и другие мальчишки, коварно отправленные убивать непонятного врага, в их голосах не слышно бравады, звучат песни трогательные и печальные.

Недавно я видела рисунки чеченских детей. Они точно такие же, как те наши, шестидесятилетней давности. Только крестов фашистских нет.

Что вернет мне уважение к воинству? (День 23 февраля, праздник надуманный, цинично скрывший 23 февраля 1944 года, дату позорной и трагичной депортации ни в чем не повинных народов, превратился просто в Мужской день, предваряющий Женский. Если без них никак нельзя, ну же, нельзя найти для этого Мужского праздника какое-нибудь другое, не замаранное число?)

Много ли еще лет мне отпущено на этом свете? Доведется ли когда-нибудь отметить без стыда и смятения День Победы, освобожденный от омрачающих его теней? Не знаю.

Есть лишь один древний рецепт, который иногда применяли лучшие из людей, тем спасая свой народ. Слово покаяния. Нация, сумевшая очиститься от скверны, — что может быть выше, сильнее, надежнее?

Степан КАШУРКО

заместитель председателя
Международного Союза ветеранов войн
и Вооруженных сил, академик АБОП,
кавалер ордена Петра Великого 1-ой
степени, бывший порученец маршала
Конева

ЗА ВЕРНОСТЬ И ОТВАГУ

Говорят, счастлив тот, кто живет в счастливом Отечестве. Народы Советского Союза особым благополучием похвалиться не могли, но когда на их недобрую, бедную, а все же родную страну обрушилось вражеское нашествие, они встали на защиту. В том числе личное участие в боях с гитлеровцами с первых дней Великой Отечественной войны приняли сорок тысяч чеченцев и ингушей.

Население республики горячо откликнулось на призыв партии, правительства и Сталина «Все для фронта, все для победы!». Машиностроители, нефтяники, горнодобытчики и колхозники бесперебойно снабжали армию горючим, боеприпасами, продовольствием и теплой одеждой. Ремонтировали танки, орудия и автомашины, граждане и коллективы передавали в фонд фронта свои последние сбережения, лошадей и военное снаряжение. А женщины — в селах и в городах — связали и отправили бойцам и командирам Красной Армии более ста тысяч пар теплых шерстяных носков и варежек. Не раз правительство страны и командование фронтов благодарило кавказцев за помощь.

Уже в первые дни войны 250 бойцов-чеченцев проявили героизм при обороне осажденной фашистами Брестской крепости. Однако и тогда, когда шли бои, и потом вплоть до 80-х годов говорить и писать об этом запрещалось. Упорное замалчивание подвига чеченцев распространялось не только на драматические обстоятельства обороны Бреста, но и на деяния других героев Великой Отечественной войны, если они принадлежали к этому народу, снискавшему особую неблагосклонность вождя. Так постарались предать забвению, к примеру, имя прославленного на Балтике и в Ленинграде командира штурмового авиационного полка, первого летчика

Чечни Д. Акаева, ценой своей жизни пробившего воздушную блокаду Ленинграда и спасшего погибавших от голода жителей города на Неве.

Страна могла бы гордиться и многими другими отважными сыновьями репрессированных кавказских народов: летчиками-асами А. Ахмадовым, Р. Ахриевым и А. Мальсаговым, непревзойденными мастерами танкового боя Х. Алироевым, М. Мазаевым и М. Мальсаговым, снайперами И. Идрисовым и М. Амаевым, легендарным командиром кавалерийского полка М. Висаитовым, который прорвался с боями на Эльбу, за что Президент США Гарри Трумэн наградил его высшим американским орденом. А как не вспомнить командира пулеметного взвода Ханпашу Нурадилова, который в кровопролитном бою под Сталинградом сокрушил целый полк вражеской пехоты? Об этом его подвиге фронтовая газета Сталинградского фронта писала: «Ханпаша Нурадилов воплотил в себе лучшие черты доблестного чеченского народа — его героизм и орлиную удаль, его смелость и отвагу, мужество и доблесть...».

И вот за все это — за доблесть, верность, мужество — сталинское правительство плюнуло в душу всех чеченцев и ингушей, объявив их поголовно изменниками, поставив вне закона, вычеркнув из списка народов страны и изгнав с материнской земли в Голдуную степь Средней Азии. Всех — отцов, матерей, жен, сестер и детей фронтовиков, а их самих, аннулировав все представления к наградам, убрали с фронтов и выслали на поселения подальше от родных гор.

Трудно представить, что творилось в сердцах воинов, узнавших о варварском Указе об упразднении их республики, о тотальном выселении родных и близких, об объявлении их самих пособниками фашистов...

Вечная память! — говорим мы, скорбя о неисчислимых жертвах великой войны. Но, может быть, всего горячее молитва о тех, чья память была так подло втоптана в грязь.

Вечная память воинам — чеченским и ингушским, которые в бою приняли смерть после 23 февраля 1944 года, так и не узнав о беде, постигшей их близких.

Вечная память жителям республики, для которых 23 и 27 февраля 1944 года оказался последними днями на земле предков.

Вечная память и тем созданиям Божиим, которые еще в утробе матери были объявлены «врагами народа» и сожжены сталинскими палачами, едва успев появиться на свет.

Вечная память жертвам Хайбаха, принявшим мученическую смерть по палаческому приказу подручного Берии генерала Гвишиани.

Помолимся же за то, чтобы такие злодеяния никогда больше не повторились.

И за тех страдальцев помолимся, которые вопреки злой воле уцелели, выжили, вернулись домой, родили и вырастили детей — не дали исчезнуть своему народу, обеднеть роду человеческого...

О БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИХ И БЕЗ ВЕСТИ ЖИВУЩИХ

А эти утверждения лживы,
Что вы исчезли в мире тьмы,
Вас с нами нет. Но в нас вы живы
Пока на свете живы мы.

К. Ваншенкин

Если верить официальным источникам, солдаты из Чечено-Ингушетии за годы войны пропадали без вести много чаще, чем выходцы из других республиках. Так надо ли верить этому? Нет. Дело в том, что из политических соображений начиная с 1943 года и после войны погибших в боях чеченцев и ингушей умышленно относили в разряд без вести пропавших, ведь надо было доказать, что их поделом объявили предателями. И потому осиротевшие семьи в большинстве

своем получали извещения: «Пропал без вести». А что значила такая формулировка в военные годы и потом ещё долго? Не что иное, как приговор солдату и его семье, родственникам, землякам.

Истинную цену этому приговору знают те, кому довелось обращаться за помощью и за пособием в военкоматы, райкомы или исполкомы. В какие бы кабинеты вдова с малолетними детьми ни стучалась, чиновники цедили сквозь зубы: «А может быть, он дезертир или власовец?» И до смерти напуганные такими словами бедолаги, глотая слезы, возвращались домой ни с чем. Защитить честь и достоинство фронтовика было невозможно. Зато для государства, конечно, выгодно. Не надо тратить бюджетные деньги, подкармливая семью павшего.

Позор и проклятие тем, кто допустил, чтобы в 5 миллионов семей (в масштабах Советского Союза цифра именно такова) пришли равносильные приговору извещения о том, что их кормилец пропал без вести!

Подумать только: сталинская бесчеловечная политика без суда и следствия заклала пять миллионов воинов вечным постыдным клеймом «пропавших». Их детям, матерям, братьям и сестрам выпало пожизненно нести тяжкий крест неизвестности и незаслуженного позора. А ведь до сих пор, хотя уже не только сами те воины, но и многие их родные ушли из жизни, выжившим, даже внукам не безразличны судьба и честь исчезнувших, люди не успокаиваются, хотят знать правду, пусть горькую.

Мне понятны их чувства. До боли жаль их, потому-то я и отдал 40 с лишним лет жизни для того, чтобы на свете стало меньше горя и слез. Одно-го не пойму: почему эта всенародная беда совсем не волнует ни бывших, ни нынешних руководителей страны? Их не мучает стыд, не тревожат угрызения совести. А энтузиастам поискового движения не под силу без финансовой помощи правительства выполнить долг перед «пропавшими без вести» солдатами — теми, чей прах, рассеянный по пространствам спасенного ими отечества, поныне остается без погребения. Чайной ложкой, будь она хоть золотой, море слез не вычерпать, а у нас уж какое золото?

Наш поисковый центр Международного Союза ветеранов войн на сегодняшний день обнаружил в лесах и болотах останки свыше 175 тысяч советских воинов, чтобы, как подобает, предать их земле; и я, разумеется, сообщил об этом их семьям. Среди этой массы забытых, обогланных воинов-победителей есть чеченцы и ингуши. Их много, но вот новая беда, еще одна

проклятая преграда, мешающая даже этому запоздалому восстановлению справедливости: затяжная непонятная война в Чечне, которая уже тянется в 2,5 раза дольше Великой Отечественной, не дает связаться с родственниками найденных героев. Ведь их семьи опять согнаны с мест постоянного проживания, а их дома разрушены или сожжены. Однако сегодня, когда забрезжила надежда на окончание этой внутринародной бессмысленной бойни, я буду рассказывать на страницах журнала «ДОШ» о своих находках, проливающих свет на судьбы доблестных воинов Чечни и Ингушетии.

В этом номере журнала я сообщу только о некоторых воинах, чьи следы были мной найдены, — об участии других, а их гораздо больше, мне еще предстоит поведать...

ЗНАЙТЕ, ЛЮДИ! ОНИ НЕ ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ!

ОНИ УШЛИ ИЗ ЖИЗНИ ГЕРОЯ-МИ!

Дай же Бог хоть душе отлетевшей моей,

Исчезая, увидеть обломки цепей!

Р. Цуров

1941 год БИТВА ЗА МОСКВУ

20 декабря в бою за село Щербинка Рузского района Московской области пал смертью храбрых рядовой 18-й стрелковой дивизии 16-й армии генерала Рокоссовского **УМЕЕВ МАРАТ УМЕЕВИЧ**

1919 года рождения. Домашний адрес: ЧИАССР, село ШАРОЙ. Похоронен в селе Щербинка на территории совхоза имени генерала Доватора, в 50 километрах от Москвы.

На том же участке фронта армии Рокоссовского под Волоколамском, названным «воротами Москвы», 28 декабря до последнего вздоха геройски сражался с гитлеровцами в горящем танке командир танка 31-й танковой бригады генерала Котукова младший лейтенант **ЛУКИН ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ**,

1917 года рождения, из села Орехово Ачхой-Мартановского района. С почестями похоронен на Ваганьковском кладбище Москвы.

Осенью того же года при выполнении боевого задания по борьбе с бандитизмом в горах Шатоя за неисполнение приказа командира «открыть огонь на поражение» курсант Грозненского Пехотного училища **АХИЛЬГОВ МАГОМЕТ — БАШИР ОСМАНОВИЧ**, 1917 года рождения, из Орджоникидзевского района Ингушетии, был смертельно ранен; скончался 14 ноября.

Его мать Дзаликан Симберговна долго пыталась наводить справки о судьбе сына и только через 12 лет, находясь в Акмолинске в ссылке, узнала о его трагической гибели.

1942 год

Командир отделения 131 Кавалерийского полка **ПЛИЕВ УСМАН УМАТГИРЕЕВИЧ**, 1913 года рождения, из села Плиево Назрановского района, погиб на завершающем этапе Битвы за Москву: в день Нового 1942 года, то есть 1 января. Похоронен в селе Озерове Юхновского района Калужской области.

Телефонист-наводчик 398-й Артиллерийской дивизии **КОТИЕВ БЕКМУРЗА**, 1920 года рождения, из села Кескем Пседахского (ныне Малгобекского) района, убит 27 февраля в атаке при первой попытке деблокировать Севастополь. Похоронен на побережье Феодосийского залива в селе Кой-Асан.

Сабельный 5-го гвардейского Кавалерийского полка **МАМАЕВ АХМЕД МАМАЕВИЧ** 1919 года рождения, из села Гойты Урус-Мартановского района. Погиб 24 августа во время рейда по тылам противника у деревни Колосово Спас-Деменского района Смоленской области.

1943 год

Сабельный, гвардии казак 30-го гвардейского Казачьего кавалерийского Краснознаменного Кубанского полка **УСМАНОВ АБУЯЗИТ УСМАНОВИЧ** 1923 года рождения, из села Ачхой-Мартан. Убит 27 января в поселке Алексеевка Куйбышевского района Запорожской области.

Разведчик отдельного лыжного батальона 182-й стр. дивизии **АЙБУШЕВ ИБРАГИМ САЛИХОВИЧ**, 1906 года рождения. Домашний адрес: г. Грозный, Дагестанская, дом 1, жена Екатерина. Погиб 18 марта на окраине деревни Парфино одноименного района Новгородской области, в так называемом «Рамушском коридоре».

В составе группы фронтовой разведки выполнял в тылу врага особо важное задание командующего центральным фронтом генерала Рокоссовского по захвату новейшего танка «ПАНТЕРА», тайно переправлявшегося от железнодорожной станции Комаричи в Орел, 3 марта попали в западню на реке Нерусса под городом Дмитровск Орловской области и геройски погибли два кадровых бойца-чеченца 193-й стрелковой дивизии 65-й армии

генерала Батова. Командир отделения, сержант АЛТЕМИРОВ КАИР ЮСУПОВИЧ, 1919 года рождения, был родом из села Надтеречное одноименно-

Каир АЛТЕМИРОВ

го района. До призыва в Красную армию в 1939 году Каир Альтемиров возглавлял отдел пропаганды Надтеречного райкома комсомола. Вместе с ним принял героическую смерть его земляк из Гудермеса, рядовой АБДУ-РАХМАНОВ АБДУЛ-ХАЛИМ, 1920 года рождения, чемпион республики по многоборью.

Безвестному праху обоих суждено было пролежать в глубокой бомбовой воронке, куда их вместе с другими разведчиками забросили гитлеровцы, целых 42 года, до тех пор, пока в начале июня 1985 года я не организовал эксгумацию, после чего их с воинскими и гражданскими почестями перезахоронили из болота в красивую Соловьиную рощу, что в селе Балдыж у стен города Дмитровска. На траурно-торжественную церемонию 5 июня собрались тысячи жителей из окрестных сел. Они с благодарностью узнали имена своих освободителей и вдохновенно говорили: «Слушайте, дорогие, пенье соловьев, а не кваканье лягушек. Мир и покой вам!»

В том же году погибли также:

Гвардии старший сержант, командир пулеметного отделения 15-й гвардейской Кавалерийской дивизии БАЛТОЕВ МАГОМЕД, год его рождения установить нам не удалось, но известно, что он был родом из села Плиево Назрановского района. Убит 27 сентября в селе Неудача Черниговской области УССР, когда наши войска преследовали противника, отступавшего за Днепр.

Разведчик 62-й Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова Стрелковой дивизии АГАЕВ ИСМАИЛ ДЖАБРАИЛОВИЧ, 1918 года рождения, уроженец г. Грозного. Кадровый военный, одним из первых в составе Степного /2-го Украинского/ фронта, которым командовал в тот период генерал армии Конев И.С., переправился через кипящий от снарядов и мин Днепр, 30 сентября погиб при удержании плацдарма у села Мишури Рог Кременчугского района Полтавской области.

Герой Советского Союза, командир пулеметного отделения 16-й гвардейской Кавалерийской дивизии Центрального Фронта под командованием генерала армии Рокоссовского МУХАМЕДМИРЗАЕВ ХАВАЖИ, 1910 года рождения, из села Алхазурово Урус-Мартановского района, пал смертью храбрых 4 октября при обеспечении форсирования войсками Днепра. Похоронен с воинскими почестями в селе Левковичи Черниговского района одноименной области. В Грозном на заводе «Спецдеталь» работала комсомольско-молодежная бригада, носившая его имя.

А вот удивительная биография, которую хочу рассказать в заключение, — история еще одного храбреца, который прошел всю войну до победы, но это не спасло ни его, ни его близких от репрессий.

Гвардии старший лейтенант, командир огневого взвода 1-й батареи 71-го пушечно-артиллерийского полка Волховского фронта под командованием генерала армии Мерецкова АЛБАКОВ АХМЕТ ИЗНАУРОВИЧ, уроженец посёлка Карцы Пригородного района, был кадровым офицером с 1940 года. В бой ему довелось вступить в первый же день войны на Западной границе, и далее он продолжал самоотверженно сражаться с фашистскими захватчиками: если не считать вынужденного трехмесячного перерыва, он пробыл на переднем крае всю войну.

Особое мужество и смекалку испытанный в сражениях артиллерист Албаков проявил в дни прорыва Ленинградской блокады, когда воинские части двух фронтов — Ленинградского и Волховского — рвались навстречу друг другу. Впрочем, о том, какова там была роль Албакова, лучше всех красноречивых слов говорят скупые строки наградного листа:

«В кровопролитных боях за город Мга — мощный опорный пункт противника на пути воссоединения двух фронтов, командир огневого взвода Албаков с 24 по 26 января 1944 года неоднократно проявлял чудеса храбрости, выдержки и стойкости. Под ожесточенным огнем противника ему приходилось 6 раз менять огневые позиции, чтобы поддержать мощным огнем наступающую пехоту сблизившихся фронтов — Ленинградского и Волховского.

Не считаясь с опасностью для жизни, Албаков отлично справился с выполнением боевых задач. Только за два дня боев за город Мга огнём батареи подавил 7 огневых точек врага, подбил 5 автомашин с пехотой и 3 бронетранспортера, чем нанёс противнику большой урон, обеспечив нашей пехоте успешное преследование гитлеровцев, вступление в город Мга и занятие его железнодорожной станции.

В своем подразделении старший лейтенант Албаков личным примером героя-коммуниста воспитал бойцов в духе бесстрашия и преданности Родине.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и умелое руководство огневым взводом Албаков представлен к ордену «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА».

Командир полка гвардии подполковник Проскурин, начальник штаба гвардии майор Катесонов 5 февраля 1944 года».

Приказ о награждении Албакова был подписан 9 февраля командующим артиллерией 8-й Армии Волховского фронта генералом Безруком.

Вручали и обмывали орден «Красной Звезды» в торжественной праздничной обстановке. А происходило это в тот самый день, когда семью героя вместе со всем населением его родной Чечено-Ингушетии, подталкивая штыками, загнали, как скот, в тележки вагоны и повезли в ссылку. А ровно через три недели и его самого отправили туда же. Случилось это так. 16 марта на командный пункт батареи вошли три молодца в форме особистов. Для начала, боясь, что боевой офицер применит оружие, бесцеремонно выхватили из его кобуры пистолет и уже потом объявили об аресте. Ошарашенный Албаков, толком не поняв, что происходит, зло пошутил: «Граждане тыловые крысы, давайте разберемся, кто из нас предатель?»

Возмущившись неслыханной дерзостью, старший тройки капитан Саголович, после того, как артиллеристу скрутили руки, сорвал с него погоны и орден, наотмашь ударил по лицу...

Депортированного в Сибирь орденосца содержали при комендатуре НКВД в Новосибирске. Тошно там было боевому командиру, и он сбежал из-под охраны на фронт, к своим. Командующий артиллерией теперь уже всего фронта генерал Безрук приказал поменять фамилию Албаков на Абалкин, а имя и отчество на Андрей Иванович, да с тем и назначил его командиром батареи. И счастливый Албаков-Абалкин с Богом войны, как на фронте окрестили артиллерию, дошел до Берлина, получив от командующего артиллерией, чуткого и умного патриота Родины, ещё три ордена: Красного Знамени, Отечественной войны 2-й и 1-й степени.

В 1946 году орденосец вернулся в родной Владикавказ с документами Албакова и Абалкина и сдался властям. Тут его боевые заслуги были до известной степени учтены: под суд не отдали — безо всякого суда под конвоем депортировали в Сибирь к жене и сыну.

Умер герой в шестьдесят лет в поселке Карца, что под Владикавказом, в доме, построенном своими руками. Дома этого больше нет — в 1992 году его сожгли разъяренные осетины.

Случай Албакова — Абалкина не единственный. Подлинная, объектив-

ная, а не политическая история Великой Отечественной войны ещё не написана, а она изобилует потрясающими сюжетами. Наша поисковая группа энтузиастов по крупицам собирает факты героизма советских людей и не теряет надежды, что рано или поздно появится честный, совестливый историк, способный поведать о тех событиях, отрезавшись от межнациональ-

ной нетерпимости, которая пропагандируется и культивируется сегодня поджигателями русско-кавказской розни...

Но написана правдивая история или нет, это не освобождает каждого из нас от обязанности хранить память, стремиться к правде, словом, быть достойными высокого звания Человека.

Всё, подлежащее
сп. № 6/60

Копия

НАГР А Д Н О Й Л И С Т

1. Фамилия, имя и отчество АЛБАКОВ АХМЕТ ИЗНАУРОВИЧ

2. Военное звание ГВ. СТ. ЛЕЙТЕНАНТ 3. Должность, часть командир огневого взвода 1-й батареи 71-го пушечно-артиллерийского Мгинского полка.

Представляется к к ордену "Красная Звезда"

4. Год рождения 1916 5. Национальность ингуш 6. Партийность чл. ВКП/б

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Участник ВОВ с 25 июня 1941 года.

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне нет

9. С какого времени в Красной Армии с 6 июня 1940 года 10. Каким РВК призван Галашкинским РВК ЧИ АССР

11. Чем раньше награжден (за какие отличия) медаль "За оборону Ленинграда"

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес семьи г. Срджоникидзе, Пригородный район, с.Талгав

Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В боях за город Мга командиру огневого взвода Албакову А.И. приходилось несколько раз под ожесточенным огнем противника менять огневые позиции и поддерживать огнем наступающую пехоту. Не считаясь с опасностью для жизни, Албаков отлично справился с выполнением боевых задач. только за два дня боев за город Мга огнем батареи подавил 7 огневых точек противника и нанес ему большой урон, обеспечив нашей пехоте успешное преследование про изника и вступление в город Мга.

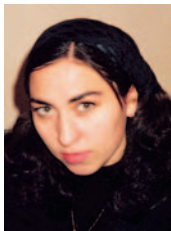
В своем подразделении Албаков личным примером воспитал людей в хе бесстрашия и преданности Родине.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и умелое руководство взводом Албаков представлен к ордену "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

Командир полка гвардии подполковник Проскурин
Начальник штаба гвардии майор Катесонов
5 февраля 1944 года.

Редакция журнала «ДОШ» поздравляет своего постоянного автора — Степана Савельевича Кашурко с очередной наградой, выданной Академией Проблем Безопасности, Обороны и Правопорядка РФ — «Орденом Петра Великого 1-й степени, за выдающиеся заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление Государства Российского»!

Тамара АХТАЕВА

САМАШКИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ

***В этом мире не вырастет правды побег,
Справедливость не правила миром вовек,
Не считай, что изменишь течение жизни,
За обрубленный сук не держись, человек!***

Эта горькая мысль посетила Омара Хайяма 800 лет назад, но применительно к современному миру его слова звучат все более актуально. Разум в первую очередь должен отделять истинное от ложного. Но нет сегодня истины с большой буквы. Или она есть, но пока о ней не принято говорить, и потому она находится за семью печатями.

Полномасштабная война, что ведется против мирного населения Чечни то под видом «наведения конституционного порядка», то под названием «антитеррористической операции», не дает никому нравственного права оставаться сторонним наблюдателем. Под вакуумными, фосфорными, шариковыми, игольчатыми и глубинными бомбами еще в первую войну погибли десятки тысяч жителей Чечни (не говоря уже о жертвах продолжающейся пять лет второй), среди которых женщины, дети, старики. В одном только Грозном погибло почти пятьдесят тысяч мирных жителей, из них более шести тысяч – дети.

Сотни чеченских мужчин, в том числе подростки, исчезли или похлечены в фильтрационных лагерях. Полностью сожжены или разрушены целые города и села. Оказавшиеся без крова чеченцы сегодня разбросаны по всему миру. Под предлогом «зачисток» военным можно: сжигать стариков, женщин и детей из огнеметов живьем, вешать детей в здании школы, как это имело место в Самашках.

То, что происходило и происходит в Чечне, умом не понять, а принять сердцем тем более невозможно.

Увы, преступление в Чечне обрело статус закона. Чечня стала особым регионом, где можно безнаказанно беспредельничать, нарушая права человека. И это не будоражит мировое сообщество, почти все смирились с тем, что так уж вершится у нас внутреннее дело России под весьма актуальным названием «антитеррористическая операция», «борьба с терроризмом».

Безусловно, терроризм – серьезная проблема современности, и с ним нужно бороться. Но важно понять причину его возникновения, чтобы предотвратить дальнейшее распространение, нужно прочувствовать порождающую его реальность сердцем а затем проникая в суть – подвергнуть честному, непредвзятому анализу.

В повседневной суете, погоне за материальными благами, земной властью и почестями мы забываем о простых установлениях Всевышнего. Он создал нас разными, разделил народы и племена для того, чтобы мы узнали друг друга. Каждый народ – зеркало, в котором другой видит свои достоинства и недостатки. Ведь только Создатель вселяет в нас душу. И только Он вправе нас лишать ее. Это право Бог сохранил за собой и в Коране, и в Библии – людских посягательств на то, чтобы его присвоить, не оправдывают перед Ним никакие цели и средства.

Село Самашки с населением более 11000 человек расположено на западе Чечни.

О трагедии Самашек написано немало. Жители села за период с 1995 по 1999 год пережили три штурма, в ходе которых погибло более восьмисот человек мирного населения, разрушены или сожжены 2260 дворов.

По масштабам убийств и зверств Самашки сравнимы с Хайбахом 1944-го года.

6 апреля 1995 года генерал-лейтенант А. А. Антонов (он же генерал Романов, впоследствии подорванный на «Минутке») предъявил самашкинцам ультиматум: до 7 часов 7 апреля сдать 300 автоматов, 2 пулемета и одну БМП (якобы выделенные на вооружение ополченцев еще Джохаром Дудаевым). Члены Самашкинской делегации на встрече с генералом заявили, что такого количества оружия они сдать не могут, так как его нет. И попросили продлить срок ультиматума.

Самашки. Апрель 1995 г.
Фото А.Блинушова.

тиматума на три дня для того, чтобы собрать хотя бы четвертую часть требуемого. Однако обстрел села начался в ночь с 6-го на 7-ое апреля. С 22 часов вечера до 2-х ночи велся интенсивный артиллерийский, минометный обстрел, а с 5-ти утра село подверглось и бомбардировке, по нему велся огонь из пушек БМП.

На очередной встрече с главой администрации села Самашки Л. Абдулхаджиевым генерал-лейтенант Антонов (Романов) так и сказал: «Не смогли мы с тобой договориться. Сейчас это уже не в моих силах, там будут действовать другие войска, которые мне не подчиняются».

А новый генерал и слышать ничего не желает: твердит, что с 16:00 начнет исполнять свой долг — бомбить село. Глава администрации и старейшины, поняв, что договориться не удалось и у них всего два часа отсрочки, предложили односельчанам срочно покинуть свои жилища...

В селе паника. Ранен подросток, горят дома. вероломства военным не занимать: шквал огня из всевозможных орудий накрыл село за 20 минут до конца срока ультиматума. Многие жители не успели выйти из села до начала обстрела, немало оказалось и тех, кого он накрыл по дороге. Пугало самашкинцев еще и то, что на выходе из села хватают всех мужчин и на вертолетах отправляют в фильтрационный пункт в Моздок, поэтому многие рискнули остаться.

По данным разных источников операция по занятию села осуществлялась сводным отрядом внутренних войск МВД (Софринская бригада) с приданными сотрудниками Московского и Подмосковного ОМОНа, а также Оренбургского СОБРа. Было создано 10 штурмовых групп. Известно также об участии в операции людей из отряда «Витязь».

Российские войска, «наводя конституционный порядок», действовали самыми изощренными методами:

Для жителей, не успевших покинуть село, Самашки под шквалом огня на пять дней превратились в настоящий ад:

Рассказывает Б. Ахметов.

«Мои родители были грамотными, хорошо говорили по-русски. Отец член партии, имел медаль за трудовые заслуги. Был безусловно уверен, что федералы не причинят ему и остальным старикам вреда.

В день штурма в подвале, кроме моего отца Ахметова Абдул-Вахаба, матери А. Аби и брата А. Балавди (он приехал к родителям погостить из Кемерово, офицер, окончил военную Академию в Хабаровске и никакого отношения к боевикам не имел), находились еще и соседи-старика — Дога Цатышоев, Маду Расуев, Юки, Бала и другие.

7 апреля вечером во двор на БТРе ворвались военные. Осмотрели дом, подвал, двор — ничего. Попросили у матери дать попить, она им открыла несколько банок компота. Уходя, решили захватить с собой моего брата Балавди, уверив мать и стариков, что повезут в штаб, проверят на предмет принадлежности к боевикам и вернут обратно. Всю ночь мать ругала себя и остальных, почему позволили увести сына.

Утром, услышав грохот подъехавшего БТРа, мать выбежала встречать сына, сходу у ворот в нее выстрелил офицер, один из тех, что еще вчера пили из ее рук компот.

Такая же участь постигла и отца, выбежавшего с криком: «Да что же вы стариков убиваете?!» Ос-

тальных стариков, находившихся в подвале, они сожгли из огнемета. А Балавди они привязали к БТРу и зверски убили в тот же вечер».

Рассказывает Шепя.

«Они с нами обращались, как с собаками, вели себя развязно, грубо. Чуть ли не пинками выставили из подвала всех: и женщин, и детей, и стариков. С нами в подвале был еще больной старик Шамсаев, его тоже приказали вынести. Мужчин всех, независимо от возраста, построили вдоль улицы, заставили раздеться до пояса, снять ботинки, ремни. С грязной бранью, подгоняя собаками и танками, нас погнали в лагерь на конец села. Больного на носилках заставили нести родственников, а когда поняли, что он задерживает процесс, велели поставить на землю, сказав, что сами о нем позаботятся. И позаботились: предварительно выстрелили, а потом проехали на БТРе по больному старику Шамсаеву».

Рассказывает Хасан.

«Я скрывался от огня в соседском подвале вместе с другими жителями. Утром 8 апреля вбежавшие в дом федералы убили нескольких людей, среди которых были женщины и дети, а потом, не давая никому возможности выйти, подвал подожгли: бросили лимонку. Женщины кричали, что там их дети и старики.

Меня привязали к БТРу и тащили за собой, не топясь, так как по пути поджигали каждый четвертый дом, предварительно его ограбив. Они очень много курили. Найдя в одном доме русского, приехавшего погостить к своему сослуживцу, они и того избили, только за то, что к чеченцу приехал. Его, а потом еще двух чеченцев тоже привязали к БТРу и повели к переезду. Отвязали и бросили в канаву. Командир рявкнул: «Расстрелять!» В этот момент подъехал грузовик, и нас вместо расстрела загрузили в машину и привезли в лагерь. Бросили на землю рядом с другими. Всех били прикладами, натравливали собак, а потом заставляли со связанными руками лезть в машину. Мы ложились друг на друга в четыре-пять слоев. Многие были раздеты до пояса, некоторые в одних трусах. Нам еще повезло: мы оказались наверху. Снизу кричали, что задыхаются, а если попытаешься сползти, то собака кусала или удар прикладом получал. Был случай, когда парень отказался повернуться, его били по-страшному, а он все на своем стоял, не помогал даже уговоры отца. Точно не знаю, что они с ним сделали, но в живых они его вряд ли оставили. Нам и голову поднимать не разрешали.

Нас привезли к вертолетам. Из машины выбрасывали, как мусор, надо было бежать через строй к вертолету, опоздаешь — собаку натравят, а прикладами нас били на протяжении всего пути. Наконец привезли в Моздок. То, что творили с нами в фильтрапунктах, описать невозможно. Камеры переполнены, дышать нечем. Еды не хватало, пить дали через сутки. На допросах издевались самыми изощренными методами. Кто оставался в живых, выходили оттуда калеками.

Пытали электрошоком, засовывали даже в рот, обрубали пальцы ног, под ногти втыкали иголки, ломали или отрезали руки, ноги, били по почкам и по груди.

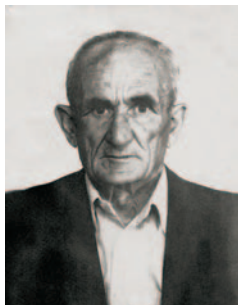
Заставляли вслепую подписывать какие-то бумаги. Говорили: «Для нас ответа «нет» не существует», и многие, не имея к боевикам никакого отношения, на ходу сочиняли истории и имена боевиков, словом, под пытками говорили все, что от них хотели услышать».

Рассказывает Тоита.

«Когда всем объявили, что надо бежать из села, мы с мамой и сестрами стали собираться, а отец со своим братом-инвалидом наотрез отказались. Отец был уверен, что их не тронут: «Я с русскими солдатами общий язык найду, я пенсионер, брат инвалид, а они не звери. За нас не переживайте».

Отца, Сурхашева Сайд-Хасана застрелили во дворе с тарелкой руках: видимо, он кормил дядю и, услышав шум подъехавшего БТРа, поторопился навстречу предупредить, что в доме одни старики... Дядю, Сурхашева Сайпи они подожгли вместе с домом.

Нас долго потом не пускали в село. Самашки были неузнаваемы: кругом разрушения, на улицах растер-

Сурхашев Сайд-Хасан 1928 г. р.

Сурхашев Сайпи 1934 г. р.

занные тела людей и животных.

Отец лежал весь опухший, останки дяди еле удалось собрать. У мамы на почве этого потрясения появилась раковая опухоль, и ровно через три года, день в день, мы ее похоронили.

Нашего соседа-пенсионера Ваху Абдуллаева карательный отряд застал молящимся. Когда они к нему вошли, он, естественно, молитвы не прервал, за что они автоматной очередью прошили ему голову. Это страшная картина, Не дай Бог никому такое увидеть».

Расследовать причины и обстоятельства массовых нарушений элементарных человеческих прав, убийств, пыток, поджогов, издевательств попытались многие правозащитные организации. Были созданы комиссии, заслушаны доклады... Однако парламентская комиссия в своем «Заключении», опираясь только на сведения военных и полностью проигнорировав многочисленные свидетельства самашкинцев, заявила, что со стороны военнослужащих нарушений норм международного права нет.

Убедившись, что достучаться до справедливости невозможно, уставшие от всего жители потихоньку стали заново обустраиваться, налаживать свой быт.

А в марте 1996 года федералы разрушили и это. Военные затеяли операцию по установлению контроля над Самашками, а если говорить открыто, стали добивать оставшихся женщин, детей и стариков.

Когда 15 марта 1996 года федеральные войска начали штурм села, в Самашках находилось по меньшей мере 11000 человек, которых использовали в качестве «живой мишени». На село обрушился шквал огня, бомбили из тяжелых орудий, наносили ракетно-бомбовые удары. Выйти из села на этот раз удалось

немногим, замешкались — были уверены, что дважды в одну и ту же реку не входят.

При этом штурме военные снова отличились особой жестокостью. Можно сказать, что на этот раз они еще больше ополчились на жилища сельчан: сжигали дома целыми улицами, конечно, предварительно ограбив. Выносили из домов дорогую аппаратуру, шерстяные ковры, срывали с женщин золотые украшения.

Были очень изобретательны в заботах о собственной безопасности. Додумались сажать на танки, БТРы чеченских женщин, приговаривая: «Если ваши стрелы, умрем вместе». По рассказам одной из них, они действовали в соответствии с полученными строгими указаниями: количество пленных и убитых людей, как и число сожженных домов, за каждым было в точности установлено. Одна, к примеру, сидя на танке, слышала, как офицер, разговаривая по радиации, спросил: «Сколько домов сожжено?», а потом добавил: «Мало! Должно быть десять».

Не щадили никого и ничего. Подвалы с детьми и женщинами забрасывали лимонками.

Вот новые свидетельства выживших:

Рассказывает Иман.

«Село очень долго, почти беспрерывно бомбили всеми имеющимися средствами, дома поджигали, жителей расстреливали... От прямых попаданий люди не знали, куда бежать. Прятались в подвалах с бетонным покрытием, в одном из таких я и сам находился. Там набилось очень много народу, тесно. Слышим, как подъезжает танк. Двумя выстрелами он снес дом. Нас окутало облако дыма и пыли. В подвале паника, крики, плач. Но, к нашему удивлению, танк развернулся, видимо, не догадались о подвале, иначе сожгли бы, как других. Нам повезло, но не всем...

Трудно было успокоить женщин и детей, а одна столетняя глухая старушка, которая ничего не понимала, все просила выпустить ее из «ада». В подвале было много народу, духота, есть нечего. Мы старались ей объяснить, что там еще хуже, если выйдешь, тебя убьют русские солдаты. Она не хотела в это верить: «Они не могут меня убить, ведь мой муж воевал вместе с ними против немцев».

Когда стало совсем нечего есть, старик Зиявди зарезал свою корову, а мясо раздал по подвалам. У него здесь же в подвале была беременная жена на девятом месяце и трое детей. Во время обеденного перерыва он с семьей пошел к себе домой, видимо, перекусить, и на обратном пути по ним ударил снаряд.

В подвал вбежала его младшая дочь вся в крови. Она сказала, что отец, мать брат и сестра ранены, им нужна помощь. Меня поразило то, как эта семилетняя девочка в ответ на поднявшийся крик и плач женщин сказала: «Не плачьте, не надо, все будет хорошо». Скорее всего она повторила слова отца, когда их всех смертельно ранило, а она чудом уцелела.

Когда мы, несколько мужчин, прибежали к ним на подмогу, беременная женщина и ее дочь были уже мертвы, но отец с сыном еще дышали. Они лежали в луже крови. Мы попытались их приподнять, но кости были настолько раздроблены, что хватаешься за руки, за ноги, а в руках одна кожа. Син стонал, а Зиявди посмотрел на нас и произнес свои последние слова: «Эх, мужики, мир рушится! Катится в бездну... Держитесь!»

Мы их похоронили, вернее, закопали во дворе: отца вместе с сыном, мать рядом с дочерью и вместе

с еще одним так и не успевшим родиться ребенком.

Убитых и раненых было много. Мы, поняв, что нас убивают всех без разбору, и смирившись с мыслью о смерти — какая разница, где тебя убьют, в подвале или по дороге, двинулись к выходу. К нам присоединялись многие другие из тех, что хоронились в соседних подвалах. На выходе скопилась целая толпа. Нас не хотели выпускать. Более того: вертолет, нанося-

Кулаев Юнус

щий ракетные удары по селу, выпустил ракету в гущу людей. Двоих убило, более десяти были ранены. Юнису Кулаеву вырвало оба глаза, и когда мир для него померк, он, подумав, что умирает, стих. Старик прочитал над ним «дуа», но когда произнес последние слова: «Да простит Аллах твои грехи!», он неожиданно для всех сказал: «Не рано ли меня хоронишь, Воша?» — это как раз та ситуация, когда говорят: «смех сквозь слезы».

По рассказам самашкинцев, собравшихся у выхода людей держали на холоде без воды и пищи три дня. Их не выпускали, и к ним не подпускали никого. Раненые здесь же умирали от гниющих ран, помочь было нечем. Одним словом, гибли те, кому при оказании необходимой медицинской помощи можно было сохранить жизнь.»

«Это была страшная картина — говорит шестидесятилетняя Жансари, — кругом разрушения, на улицах валяются пристреленная скотина, разорванные тела, стоит жуткий запах гниющих трупов. Увидев на земле шприц панадола, я поняла, что они себя подбадривали всякими наркотическими препаратами, придавали храбрости, ведь в нормальном состоянии кто на такие зверства способен?

И правда: когда у выхода из села по людям ударили с вертолета ракетой, солдаты-срочники, видя жертвы, слыша крик женщин и плач детей, сами плакали, они понимали, какую, мягко говоря, несправедливость творят по отношению к мирным жителям, но не могли ослушаться приказа. То, что с нами произошло — ужасно, такое не забывается, мы, может, и простим когда-нибудь, но простит ли Бог?!»

Страдания самашкинцев не закончились и на этом. В октябре 1999-го повторяется почти то же

Дербишева Элина
1987 г. р.

самое, но на сей раз с воздуха. Село подверглось сильной бомбежке, наносились, как утверждали потом, точечные удары по «боевикам»: одной из таких жертв оказалась голубоглазая двенадцатилетняя Элина. Отличница в школе, любимица соседей и, несмотря на малолетство, большая помощница мамы. Останки Элины, разбросанные по всему двору, отец собирал в узелок, так с узелком и пошел один под обстрелом хоронить дочь.

Таких случаев очень много, за раз всего не расскажешь.

Сейчас жизнь в Самашках худо-бедно наладилась. Пусть в стесненных условиях, но функционируют средняя и восьмилетняя школы, больница, где жители могут получить не только первую и необходимую амбулаторную помощь, но и стационарное лечение. Жители села собственными силами отреставрировали две мечети, при которых открыты курсы классического чтения Корана.

Но что касается безопасности, тут слишком много вопросов и почти ни одного ответа. Дело в том, что с 1999 года в Самашках среди похищенных и без вести пропавших числятся более тридцати человек. Бесконечные убийства, похищения под предлогом «зачисток» держат жителей в постоянном страхе. А правительство почему-то видит разрешение проблемы безопасности в кадровой перестановке. Как будто это панацея, когда сами главы администрации являются объектом их нападения! Так, например, зимой 2004 года, узнав, что в Самашках идет незаконное задержание жителей неизвестными лицами в камуфляжной форме и масках, теперь уже бывший начальник сельской администрации Султан Сугаипов с охраной решил им воспрепятствовать, но их встретили автоматной очередью и окриком: «Не вмешивайся!» В результате у Сугаипова пробито бедро, а охранника с тяжелыми ранениями пришлось срочно госпитализировать. Султан очень долго старался найти этих военных, виновных во многих преступлениях, но дальше военной прокуратуры дело не идет. О каком порядке можно говорить, когда те, кто приехал его наводить, безнаказанно беспредельничают и им все сходит с рук?» — сетовал начальник администрации.

С 1 марта 2004 года С. Сугаипова сменил молодой энергичный уроженец Самашек Хизир Алдамов. Дай Бог ему удачи, терпения и стойкости.

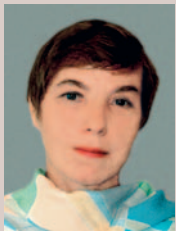
Самашки — Москва

Хаджиев Беслан 1972 г.р.
Погиб в результате
ракетно-бомбового
удара во дворе
собственного дома
20 марта 1996 г.

В первом номере нашего журнала (июнь 2003) в одном из материалов редакция оставила без должного комментария досадную неточность, допущенную в интервью одним из наших уважаемых собеседников. Конечно же, Андрей Дмитриевич Сахаров посещал не только Армению, но и Азербайджан и лишь после этого составил свое личное мнение о ситуации в обеих республиках в конце 1988 в начале 1989 гг.

Мы признательны читателям, обратившим наше внимание на допущенный просчет.

Мария КАТЫШЕВА

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОПУТЧИК

В провинциальный городок, куда нам дали направление в федеральной миграционной службе, поезд отправлялся ночью. Досиживая на вокзале оставшиеся часы, мы только и мечтали поскорее забраться на свои полки, уснуть. Спать хотелось больше всего на свете. За последние три месяца это стало смыслом жизни, сладким наваждением: улечься так, чтобы ничто не тревожило, никто не дергал, и спать, спать, пока вдосталь не выспишься.

Что такое пытка бессонницей, мы поняли еще в Грозном, когда началась война, о безмятежном сне и вовсе пришлось забыть. Только ужас, сжимающий до булавоочной головки, до крошечной точки все твое существо, одна мысль — куда бы заползти, спрятаться от грохота рвущихся снарядов и бомб, от всех тех звуков, которые сопровождают крушение мира. Кромешный ужас и, помимо всего прочего, неотступная боязнь за ребенка: ему девять лет, если меня убьют, что будет с ним? Утробный страх подавлял все, даже способность спать.

Но потом, когда в феврале 95-го года мы выкарабкались оттуда и прибежали в Москву, — увы, выпастись тоже не получилось. Почему? Сейчас расскажу.

Знакомые земляки, издавна живущие в столице, сняли для нас комнату в коммуналке на то время, пока мы определимся, решим свои проблемы в миграционной службе.

С первых же дней стало ясно, что Москва действительно слезам не верит. Здесь жили так, словно в стране не происходит ничего страшного, не идет война в одном из регионов России. Холод и безразличие в прямом и переносном смысле. Мы хоронили своих соседей и знакомых... Александру Васильевну — учительницу моего сына... Олежку Кузнецова, шестнадцатилетнего мальчишку, снайпер подстрелил среди бела дня рядом с домом, где он жил... За январь мы закопали в школьном дворе шестерых соседей. А армия буквально харкала, как харкает кровью чахоточный больной, харкала обугленными телами своих солдат — парней, призванных отсюда, из центральной России. Но никто не митинговал на Красной площади, никто не возмущался, кроме разве что солдатских матерей. Те же, кто благословил эту войну, теперь занимали телеэкран научно-практическими конференциями о том, как устанавить мир на Северном Кавказе...

...Толпе отмеченных печатью войны людей, таких же, как мы, скитальцев в «предбаннике» миграционной службы не оставляли никаких шансов на скорое решение нашей проблемы. В гнетущей атмосфере бездомности, безысходности, витающей над этой очередью, гасли ростки надежды и в душу вползало отчаяние. Для тех, кто сидел в кабинетах благословенного этого ведомства, призванного помочь нам, мы все были просто однородной угрюмой и скандальной массой. Не жертвы войны, развязанной отсюда же, из Москвы, а просто люди без прошлого, без каких-либо заслуг перед Отечеством, люди, которые оказались не способны устроить свою жизнь, ничего не создали и только поэтому ничего не имеют. Мы свалились с луны и еще смели чего-то требовать. «Мы призваны не вам помогать, а защищать государство от таких, как вы», — с циничной откровенностью сказал мне один из чиновников.

В этом «предбаннике» мы с сыном и проводили боль-

шую часть дня, слушая сетаования товарищей по несчастью на судьбу, излияния обиды на бюрократов, воспоминания о хорошей жизни в довоенном Грозном. Особенно жадно очередь хватала информацию о том, кто, где и какими путями сумел устроиться, чужой опыт здесь мог очень пригодиться. А вечером возвращались в свою китайгородскую коммуналку.

Дом этот купила какая-то турецкая фирма, и жильцов расселяли. Из всех прежних обитателей коммуналки оставались только женщина лет сорока и ее восемнадцатилетний сын. Они-то и сдавали внаем пустые комнаты своих бывших соседей.

Когда мы пришли сюда в первый раз, то, даже не осматрившись как следует, расстелили на полу свои куртки, улеглись на них и тут же уснули, убаюканные верой, что теперь-то все будет в порядке: завтра, получив направление в Центр временного размещения, мы спокойно покинем столицу.

Однако из-за бюрократических проволочек пришлось задержаться в Москве почти что на месяц. Скажете, радоваться бы такому неожиданному празднику жизни, приходиться в себя после всех треволнений? Да только не праздничную нарядную сторону столичного быта увидели мы, а его грязную изнанку. Я и сейчас вспоминаю о том времени с отвращением. Хозяйка оказалась большой любительницей выпить. Каждый вечер к ней приходили гости, и веселье гремело чуть ли не до самого утра.

Станным был круг друзей этого дома. Помытые, небритые-нечесанные, какие-то опустошенные мужчины и женщины. Они выглядели так, словно тоже только что выбрались после бомбежки из грозненского подвала. Вскоре я их всех просто возненавидела. Не из-за внешнего вида, а потому, что они совершенно не давали нам спать. Громкая музыка, пляски, пьяная ругань — всю ночь, как в самом скверном притоне. Да, собственно, здесь и царил дух притона.

Закрывшись в своей комнате, мы тщетно пытались уснуть. Если было еще не очень поздно, шли на кухню, чтобы посмотреть по телевизору новости. Впивались глазами в экран, где каждый день, каждый час рушился и горел наш родной город. И мы плакали — безудержно, безутешно. Долгая изуверская казнь любимого города отзывалась такой болью, словно у нас на глазах казнили близкого человека. А в это время из-за стенки доносились звуки шального веселья. Иногда кто-нибудь заходил на кухню что-то взять, пытались пригласить и нас в свою компанию, но наткнувшись на мой злой колющий взгляд, ретировались, извиняясь с пьяным подобострастием.

Сын хозяйки еще осенью должен был идти в армию, ему регулярно приходили повестки из военкомата, но мать прятала его, опасалась, как бы в числе прочих новобранцев не попал в Чечню. Однако от судьбы не уйдешь, видимо, на роду было написано этому парню прожить не больше восемнадцати лет: однажды днем, когда дома никого не было, он принял слишком большую дозу наркотика и умер. Мать только тогда и узнала о его болезненном пристрастии.

Да, и хозяева, и чиновники в миграционной службе вызывали аллергию: уже к концу первой недели мне

до смерти опротивели они. Стало казаться, что население столицы делится на две почти равные части. Одна — холерные, элегантно одетые женщины и безжизненные бледнолицые мужчины в однотипных, чаще серых, костюмах и обязательных галстуках — все самодовольные, заученно-любезные, холодно-вежливые, с напускной деловитостью снующие по министерским коридорам. Чиновная братия. Другая часть — разгульные, опустившиеся, потерявшие смысл жизни и чувство собственного достоинства, озабоченные только одним — как бы достать выпить — граждане и гражданочки, гости моей хозяйки. Конечно, я заблуждалась, но в тот момент круг моего общения ограничивался только этими двумя социальными категориями, а все остальные москвичи представлялись, словно фон, громадной агрессивно-суетливой массой в метро.

Наконец заветная бумага у меня в руках. Сразу же из миграционной службы, не заходя в постылое жилье — благо из вещей нам только и осталось то, что на нас надето, — мчимся на вокзал. До отправления поезда добрых пять часов. Но уже до того хотелось уехать, так все здесь надоело и так истосковались по какой-то на есть определенности, что мы предпочли ждать своего поезда на вокзале. Околовокзалные впечатления добавили свою порцию негатива. Пожилая пьяная женщина валялась прямо на снегу, на каких-то картонках, около мусорных баков. Прислонясь к стене, сидел молодой оборванец, тоже пьяный. Вокруг бутылки водки кучковались побитый мужик и две подружки с опухшими лицами, они глотали прямо из горлышка, передавая бутылку друг другу. У себя в Грозном мы даже и представить не могли, что где-то есть такая жизнь. Да, пьющие попадались и там, но таких, валяющихся в грязи, опустившихся до болезненной зависимости от спиртного — нет, не было. Хотя, помнится, даже вытрезвитель имелся. Однажды в нем случился пожар, и мужчины, потягивая пиво у ларька, что стоял рядом с магазином, шутили: «Враги сожгли родную хату». Здесь же этих несчастных — от детей школьного возраста до старух возраста пенсионного — встречаешь то и дело. Как будто они не отбросы общества, а его лицо... Удивительным казалось, что никто не обращает на них внимания, словно они — обязательная, естественная принадлежность здешнего пейзажа. Из Москвы хотелось бежать так же, как мы бежали из грозненского ада.

Конечно, оказавшись в поезде, мы сразу же улеглись на свои полки. Сын мгновенно уснул, а я предалась сладостным грезам о том, как чудесно мы заживем в тихом зеленом городке, где чистые улицы, рядом лес и река, а люди — неторопливы и приветливы...

Соседкой по купе оказалась опрятная старушка с простым деревенским лицом. С хорошим лицом, без следов порока, как на тех физиономиях, что мы видели на московском вокзале. Тихий голос, который не мешал мне думать о своем — старушка что-то принялась рассказывать — успокаивал, и я очень быстро уснула. Однако меня вскоре разбудил какой-то шум: появился четвертый попутчик.

Это был молодой офицер. Он и два его товарища сели на подмосковной станции и, казалось, заполнили собой весь вагон. Высокие, красивые, крепкие парни, излучающие силу и уверенность, топтали по проходу, как по казарме. Для моих оголенных нервов это было слишком, и настороженный сон тотчас оборвался. Сын, правда, продолжал посапывать на своей верхней полке, а старушка-соседка еще, оказываясь, и не ложилась. Впрочем, наш новый спутник, забросив на вторую верхнюю полку свою дорожную сумку из камуфляжа, шапку и куртку, удалился к своим товарищам в соседнее купе. За свободным боковым столиком они расположились на ужин. Бутылка «Столичной» оживила поначалу негромкий мужской разговор, из которого я поняла, что они едут к месту постоянной службы —

на военную базу, находящуюся неподалеку от нашего городка, на одной из промежуточных станций.

... Вновь я проснулась от того, что наш захмелевший после ужина попутчик, взбираясь на свое место, просил соседку не забыть разбудить его вовремя. Он зычным голосом твердил, что боится проспать да как бы ему не проехать. Старушка, которая, кажется, вовсе не собиралась ложиться, тихонько его успокаивала, заверяя, что обязательно разбудит. Но пока они разбудили меня. Тщетно пытаюсь снова заснуть, я мысленно ругала лейтенанта.

Очевидно, сон не шел и к нему. Он все вздыхал, что-то бубнил себе под нос и в конце концов слез со своей полки, сел рядом со старушкой и сбивчиво-пьяным шепотом заговорил:

— Я от Алешки еду... Алешку навещал... Сыночка моего... Знаете, какой у меня Алешка... Ему три года... Чудный парень, я за него кому угодно горло перегрызу...

— Что же, он не с вами живет? — поддержала разговор собеседница.

— С женой моей. Мы с ней в разводе...

— Чего так?

— Изменила она мне, пока я был в командировке, вот и пришлось развестись.

Видимо, это его больная тема, и рана слишком свежа: он как бы обрадовался, что нашел участливого слушателя, и принялся рассказывать историю своей несчастной любви. То понижая голос до шепота, то в запальчивости повышая, он говорил, не останавливаясь, возбужденно, как свойственно людям подвыпившим или очень взволнованным. Однако его сбивчивая и не в меру громкая речь стала последней каплей, переполнившей чашу моих собственных неприятностей. Вскипела злость: «Господи, ну неужели в этой России нет спокойного места? Одни пьянчуги... Спать не дают... И этот... вроде такой симпатичный, военный к тому же... тоже алкаш? Чего ждать от армии, если офицеры спиваются?.. Почему они здесь все так много пьют?..»

Он все говорил и говорил, словно хотел с кем-то поделиться своей душевной болью, в обыденной жизни тщательно скрываемой. А в поезде что? Болтал о чем хочешь, исповедуйся — унесет все твои печали случайный попутчик, даже имени твоего не знающий, а тебе, глядишь, полегчает. Ему-то, может, и вправду легче становилось от этой откровенности, от теплого материнского участия собеседницы, но меня его эмоциональная речь все больше раздражала.

— Да не переживайте вы так, — предложила банальный рецепт излечения от несчастной любви старушка. — Вы такой видный, интересный мужчина. Найдете себе другую, лучше и красивее.

— Найти-то нетрудно, — был ответ. — Да не знаешь, на кого наткнешься. Все они до свадьбы хорошие... Вон у моего сослуживца... Тоже со мной в командировке был... Так жена с его же приятелем уехала... Он квартиру купил, оформил на ее родителей, чтобы не потерять шанс еще и служебную получить... Так она эту квартиру продала, а деньги все забрала себе... Не знаешь, кому сейчас можно верить...

Он что-то слюнявил про коварную женскую натуру, потом внезапно вспоминал Алешку и опять с какой-то страстной настойчивостью повторял: «Да я за него... Пусть только кто посмеет его тронуть...»

«Чертов гренадер», — костерила я мысленно этого горе-вояку, не решаясь, однако, сделать замечание вслух. По Москве поняла: с пьяным связываться — себе дороже. «Правильно, что жена от тебя ушла, от слюнтя... Из-за юбки раскис... Если офицер такой, чего же от солдат ждать? Хороший он «отец» для них...»

Праздник ожидания встречи с маленьким уютным го-

родком померк в моей душе. Воображению, больному от длительного стресса, будущее уже представлялось черной бездной, где не мерцает ни одного огонька, способного стать ориентиром в этой огромной и беспорядочной стране — в краю пьяных мужчин, неверных жен, осиротевших детей. Что ждет здесь моего сына? Я вдруг с мучительной остротой осознала: ему уготовано то же, что и неведомому мне маленькому Алешке — в свой час они станут в руках государства всего лишь пушечным мясом для очередной войны в очередной Чечне. Ничего хорошего их не ждет, представителей титульной — «имперской» — нации! О нас вспоминают, когда надо цепину поднимать, усмирять кого-то, вкалывать на ударных стройках... Но никому не станет дела до твоего сына, когда его труп, раздираемый одичавшими за войну собаками, будет валяться в грязном месиве на улице очередного Грозного. А ты, мать, будешь стучать во все возможные двери и сердца, пытаясь узнать, где он, что с ним, но никто тебе не ответит. Скажут, он выполнял свой долг. Познакомилась я в Грозном с одной такой матерью. Полубезумная от горя женщина из Ярославля исходила пол-Чечни, искала труп сына. Его совсем недавно призвали, прошлой осенью. Он видел автомат только во время присяги, а уже в декабре его послали в Чечню. Какой он солдат? Удивительно, солдатские матери создали комитет, как-то выражают свой протест. А что же солдатские отцы? Почему их не слышно? Или у нашей армии нет отцов? Сирота, никем и ничем не защищенный, не имеющий корней, не находящий жизненных сил и в самом себе — таким представился мне в эти минуты образ моего народа. Полупьяный бред, ни к чему не обязывающие вагонные разговоры «за жизнь» стали последней каплей, переполнившей чашу моего терпения. Горло перехватила острая жалость к сыну, к себе, нахлынуло ощущение беспомощности перед судьбой — и беззвучные слезы покатались на жидкую дорожную подушку.

— Неужели ваша командировка такая долгая была, что ей невтерпёж стало? — голос старушки вернул меня к реальности.

— Да какая там долгая, — послышался ответ, — всего три месяца...

— Ай-яй-яй, — собеседница, видимо, покачала головой. — Если уж так приспичило, могла бы приехать к вам, навесить...

— Ну нет, не могла. Знаете, где я был?... — лейтенант понизил голос до шепота. — В Чечне...

Это слово действовало на меня, как магическое заклинание. Слезы мгновенно высохли. Делая вид, что сплю, я напряглась, вслушиваясь в разговор, которого до сей минуты так старалась не слышать. Этот человек был посланцем войны, убившей мой город, истерзавшей и уничтожившей мое прошлое, теперь, в воспоминаниях, казавшееся блаженной чередой одних только ясных дней и безмятежных ночей. Он был одним из тех, кто заставил нас дрожать от холода и страха в подвале собственного дома, а потом выбросил в сегодняшнюю бесприютность и обрек на эту пытку бессонницей. Странно, но злоба и раздражение, терзавшие меня еще несколько минут назад, исчезли. Может быть, потому, что теперь я уже знала: армию подставили. Сейчас мне просто стало интересно, что скажет этот человек о моей Чечне, какие у него там были мысли и чувства. А его понесло:

— Вы знаете, что это за война? Это не война, это бойня. Без смысла и без конца. Кто-то наваривает деньги на нашей крови. Когда-нибудь выяснится, кто и для чего это затеял, да ребят уже не вернешь... Меня на три месяца послали, но я не смог... Когда понял, что к чему, не смог выдерживать до конца. Может, вы осудите меня, скажете, а как же воинский долг, присяга... Скажете, что я слабак... Вот, потрогайте...

— Шрам? Вы были ранены? — сочувственно ахнула собеседница.

— Нет, это я сам... Сам в себя выстрелил. — Внутренний барьер был разрушен, плотину прорвало. Болтовня стала чем-то вроде исповеди, он словно вынимал занозу из души. От хмельных интонаций не осталось и следа. — Говорю вам, я не стерпел... Не мог убивать просто так. А там столько мирных людей осталось, в домах, в подвалах прятались. И знаете, все больше наши, русские. Старики, женщины с детьми... Тысячи людей. Нам при отправке из Моздока велели бить в Грозном все, что движется, мол, там только пособники Дудаева... Нет... Не смог я...

Помолчав, он вдруг выдал, будто сквозь комок в горле: Вы когда-нибудь видели, как на гусеницы танка... наматывают ребенка? Я видел... как... наматывали пятилетнюю девочку... Нет, я не смог там быть. Я бы этих б...й, Ельцина и Черномырдина, будь моя воля, сам бы танком раздал... Гады... Заварили кашу и не знают, как расхлебать...

... Перед рассветом лейтенант вышел на своей станции. Но мне совсем расхотелось спать. Думалось: как же я была неправа, что судила только по своим ограниченным впечатлениям! Не потерял мой народ, раз есть в нем люди, умеющие терпеливо и чутко усмирять чужую боль, как эта старушка; он жив, раз не утратил способности протестовать против преступной политики. Понимаю, у лейтенанта был и другой выбор — подать рапорт и уйти в отставку. Наверное, это было бы правильнее. Но... «не судите, да несудимы будете» — этот урок я уже усвоила.

Утром и мы приехали к месту своего назначения. Городок оказался маленьким, с закованной льдом речкой, с черной зубчатой стеной еще зимнего леса у самой окраины и с грудями уже по-весеннему грязного снега на улицах. Я намеренно его не называю: как бы Ельцин с Черномырдиным не обиделись да не принялись вычислять моего четвертого попутчика.

1995 г.

Абдулла ДУДУЕВ

Общественная деятельность Владимира Лукина началась в 1968 году, когда он, будучи ответственным сотрудником выходившего в Праге международного журнала «Проблемы мира и социализма», витрины советской идеологии за рубежом, выразил недовольство вводом советских войск в Чехословакию. Затем была научная работа в Москве, дружба с независимо мыслящими деятелями культуры и искусства. В 1990 году избран народным депутатом РСФСР как представитель движения «Демократическая Россия» и стал председателем Комитета по международным делам демократически избранного Верховного Совета РСФСР. В 1992 году назначен первым послом современной России в США. Вернулся в Россию в декабре 1993 года, чтобы участвовать в формировании к выборам в первую Государственную Думу предвыборного блока «Явлинский – Болдырев – Лукин», на базе которого затем было создано объединение «Яблоко», впоследствии ставшее партией. В 1993–99 гг. председатель Комитета Госдумы по международным делам. В течение ряда лет заместитель председателя Парламентской

Ассамблеи Совета Европы.

С марта нынешнего года Владимир Лукин – Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

С момента учреждения был первым заместителем председателя объединения (затем партии) «Яблоко»; в соответствии с Конституцией России оставил эту должность после избрания Уполномоченным по правам человека.

Владимир Лукин:

РОССИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ЕДИНОЙ, ЧЕЧНЯ СВОБОДНОЙ

Владимир Петрович, что бы вы могли сказать о вашей новой должности? Каков ее смысл? И, если можно, несколько слов о том, как вы оцениваете деятельность своих предшественников?

Предназначение моей должности – по мере возможности содействовать тому, чтобы права простого, обычного человека в России защищались хоть немного лучше. Это должность особая, она согласно Конституции была установлена как абсолютно независимая, хотя и государственная. Таким образом, речь идет о деятельности государственного защитника прав человека, то есть преимущественно о защите людей от самоуправства государства, его бюрократии, чиновников. Очень непростая работа, поскольку надо иметь рычаги воздействия на государственные структуры и одновременно быть абсолютно независимым, иметь репутацию человека, который не пасует перед начальством, а напротив, является перед ним в качестве адвоката простых людей, причем адвоката, к которому прислушиваются.

Вот как примерно я рассматриваю свою должность. Первые месяцы показали, что работа эта очень трудная, но определенную пользу принести может. Приходит огромное количество жалоб, обращений людей, организа-

ций. Проблемы самые разные, сорок процентов из них связаны с самоуправством правоохранительных органов, милицейских и других. Очень многие жалуются на всякого рода социальную несправедливость и непреодолимые житейские затруднения, возникающие в связи с тем, что большинство нашего населения, как известно, живет в бедности. У меня нет рычагов для того, чтобы решать все эти проблемы непосредственно: я не располагаю для этого ни деньгами, ни властью. Но есть возможность заставить соответствующих начальников прислушиваться к жалобам населения, вот это я и стараюсь делать, и бываю случаи, когда это удается.

Что касается предшественников, не думаю, что было бы этично судить о них: для этого мне надо уйти в отставку, на пенсию, писать мемуары, в них и толковать обо всех этих вопросах. Я с большим уважением отношусь к обоим своим предшественникам – к Сергею Адамовичу Ковалеву и Олегу Орестовичу Миронову. Сергей Адамович был первым, он взялся за это дело, когда и закона об Уполномоченном по правам человека еще не было; Ковалева знают во всем мире, очень многим он внушает глубокое почтение, многие другие высказываются о нем критически, считая, что по ряду проблем он занимал несколько

одностороннюю позицию. Основная же заслуга Миронова, по-моему, – создание института Уполномоченного по правам человека в том виде, в котором он ныне существует: аппарат, механизмы, система функций Уполномоченного разработаны Мироновым, он действовал уже после принятия закона и реализовывал его. Он добился многого, кое-что ему не удалось. Но его роль значительна: за годы своего пребывания в этой должности он, можно сказать, совершил целую революцию, и она принесла хорошие плоды.

Президент Путин недавно произнес свою инаугурационную речь. Не могли бы вы ее прокомментировать?

Как речь она, на мой взгляд, очень хороша, ведь основной акцент в ней сделан на том, что Россия должна быть государством правовым, многопартийным и уважающим права человека. Со всем этим я согласен. Но чтобы осуществить сказанное, нужно преодолеть огромное сопротивление, которое существует как в центре, так и в регионах, тенденцию воссоздания в России тоталитарных, авторитарных традиций, их активизации. Проблема существует, все чувствуют, насколько она серьезна, поэтому намерения президента мне очень нравятся, но важно,

какие пути для этого будут избраны.

В Послании президента федеральному собранию сохранились те же основные принципы, которые были сформулированы в его краткой инаугурационной речи, намечены пути реализации этих, по-моему, очень правильных идей.

Как вы в качестве Уполномоченного по правам человека предполагаете строить взаимоотношения с общественными организациями, а также с прессой как источником информации?

На основе самого тесного сотрудничества. Оно уже происходит. Периодически мы встречаемся в неформальной обстановке, вне стен нашего ведомства, в кафе и библиотеках с лидерами основных правозащитных организаций, с наиболее активными их членами. Средоточием структурных вопросов стало для нас создание экспертного совета. Экспертный совет аккумулирует идеи и предложения, поступающие в помощь Уполномоченному со стороны неформальных организаций. Недавно мы обсуждали его регламент и основные направления работы. Было решено, что экспертный совет возглавят оба моих предшественника, Ковалев и Миронов, они дали на это согласие. Собираться будем в основном по секциям: собрание в большом коллективе всегда

немножко смахивает на митинг, а тут должно быть совещание экспертов для выработки конкретных предложений и определения задач. Секциям надлежит реагировать на все важные события, которые наши общественные деятели и правозащитники считают существенными, и вырабатывать для Уполномоченного рекомендации. Я же буду решать, как мне их использовать, ведь и сейчас правозащитники мне помогают: пишут, советуют, и многое из этого мне удастся провести в жизнь.

Какие направления в своей работе вы считаете самыми важными?

Вопрос не простой: их очень много. Весь комплекс социальных проблем. Конечно, я хорошо понимаю, что базовые политические права и свободы – традиционная сфера правозащитного движения, мне необходимо ими заниматься. Но есть вещи, которые и очень важны, и востребованы людьми в данный период, а есть такие, которые по важности не уступают, однако востребованы меньше. Например, трудовой кодекс вызвал большую волну критики, поскольку там много такого, что по сравнению с предыдущим отнюдь не расширяло бы права трудящихся (в частности, право на забастовку, права женщин, несовершеннолетних). Сейчас я го-

товлю заявление, содержащее рекомендации по изменению ряда статей этого кодекса, что стало бы ответом на многие запросы общества. Проблема митингов и манифестаций – казалось бы, политическая, но когда возник проект закона, принятый Думой в первом чтении, но вызвавший справедливую критику (в том числе было и мое заявление на сей счет), мы также подготовили предложения и поправки к этому закону, который сейчас обсуждается.

Стало быть, на первом месте социалка, а также проблемы политических прав и свобод, которые, к сожалению, меньше востребованы обществом, но объективно ему нужны. Некоторые люди плохо понимают, что если им будет отказано в возможности устраивать митинги и демонстрации, то они не смогут отстоять и свои социальные права. Все еще жива во многих душах слепая вера, что доброе начальство после очередного поклона смилостивится и что-то им даст. А это заблуждение. Ничего не перепадет. Во всех цивилизованных странах только законное, в рамках Конституции, но массовое движение, способное настоять на своих требованиях, приводило к реальному улучшению жизни. Есть и другие очень важные проблемы. Вот, к примеру, участь детей, так называемых социальных

сирот, растущих в неблагополучных семьях или вообще без родителей. Таких в нашей стране огромное количество. Или проблемы женщин, их неравноправного положения, недостаточной востребованности на квалифицированных работах, работорговли с сексуальным уклоном. Требуют защиты и права военнослужащих, все еще не исполняется в должной мере закон об альтернативной военной службе. Все эти вопросы являются очень важными, можно сказать, приоритетными в моей работе.

К нам нередко обращаются родственники и близкие людей, которые при разных обстоятельствах были похищены и бесследно исчезли. Имеет ли смысл передавать лично вам копии подобных обращений — поскольку, на наш взгляд, правоохранительные органы этой темой занимаются мало?

Я получаю такую информацию из разных источников. Согласен: действительно считаю — этому вопросу уделяется недостаточное внимание. Наши правозащитники, общественные деятели в том числе, работающие в районе Кавказа, в частности, на территории Чечни и Ингушетии, снабжают меня кое-какими сведениями. Я, конечно, не могу реагировать на каждый случай, коль скоро должен действовать во всероссийских масштабах: у нас 89 субъектов федерации, нельзя концентрироваться только на одной проблеме, даже очень острой. Но когда ко мне приходят материалы о вопиющих бесчинствах, я обращаюсь к генеральному прокурору, в МВД, чтобы они взяли под свой контроль рассмотрение этих дел. Помню, недавно в Чечне погибли мать и пятеро ее детей — чудовищный случай. Я направил генпрокурору заявление с требованием вплотную заняться этим делом и с нетерпением жду ответа. Это не единственный случай, я привожу его как пример.

Что делать с очевидно несправедливыми, противоречащими здравому смыслу судебными приговорами, особенно теми, которые были вынесены давно и чрезмерно жестоки? Суды, защищая «честь своего мундира», отказываются их пересматривать.

Я отвечаю только за те злоупотребления, которые случились, когда я уже являлся Уполномоченным по правам человека. О том, что было до меня, лучше спросить у моих предшественников. Понимаете, Уполномоченный не может вмешиваться в дела судов. Как бы я ни относился к уголовному кодексу, у нас он не предусматривает смертной казни, но пре-

дусматривает пожизненное заключение. Такой приговор, насколько мне известно, выносится людям, совершившим очень тяжкие преступления. Жестоко пожизненное заключение или нет, но я не вижу причин протестовать, если к нему приговаривают людей, которых суд признал виновными в совершении многочисленных убийств и т.п. Например, в Америке за совокупность некоторых особо тяжких преступлений могут приговорить на 90 лет, на 60 лет, то есть фактически пожизненно. И тоже без права помилования. Так что не вижу, чем наше судопроизводство в этом смысле отличается от американского или европейского.

Если я посчитаю, что приговор чрезмерно жесток, я заявлю об этом публично, но отменить решение суда мне закон не позволяет. Когда речь идет об общественно значимом деле, я не промолчу, выскажу свою точку зрения независимо от того, найду ли приговор чрезмерно жестоким или, напротив, неоправданно мягким. Последнее тоже возможно: так, суд присяжных оправдал офицеров военной разведки, которые убили в Чечне ни в чем не повинных мирных жителей. Это серьезная проблема, и она меня сильно смущает. Я был сторонником суда присяжных, считая его более демократическим, менее коррумпированным: все-таки в нем заседают простые граждане. И вдруг суд присяжных выносит один за другим несколько очень спорных приговоров. Таков вердикт по делу предполагаемой террористки, ингушки Заремы Мужихоевой, приговоренной на 20 лет за то, что осенью прошлого года то ли хотела взорвать кафе в центре Москвы, то ли даже не хотела. Многие в нашем обществе сочли этот приговор сверх меры суровым. Особенно когда с другой стороны оправдали людей, которые убили невинных: они, дескать, выполняли приказ. Хотя был ли приказ или нет, точно не установлено.

Правда, насколько мне известно, военная прокуратура будет обжаловать этот приговор. Так или иначе, с судом присяжных возникает очень много вопросов. Он предусмотрен конституцией, следовательно, должен существовать, и я сторонник этого суда. Суд присяжных хорош тем, что не зависит от потенциально коррумпированных профессионалов, связанных со следствием. Но он зато очень зависим от общественного мнения. Поэтому необходимо тщательно продумывать, к примеру, вопрос, где судить, ведь, скажем, в Ростове общественное мнение настроено определенным образом, в Назрани по-друго-

му, и здесь, и там неизбежны предубеждения, следовательно суд должен происходить на нейтральной территории, а присяжных надо подбирать с толком, объективных, понимающих как ту, так и другую сторону. Все эти сложности весьма серьезны, я о них думаю, может быть, даже постараюсь сделать специальный доклад по проблемам суда присяжных.

Что вы лично собираетесь делать для преодоления национализма и ксенофобии в России?

Вы слишком высоко оцениваете либо меня, либо мою должность, если думаете, что я по мановению своего мизинца могу изменить ситуацию в этой области. Она вызывает большие опасения, тем паче, что в таких случаях всегда существуют две крайности. Экстремисты с одной стороны говорят, что страну заселяют инородцы, они теснят русских и т.д. Их оппоненты утверждают, что созданы фашистские группы, которые целенаправленно уничтожают инородцев, не дают им жить. Раз существуют такие крайние болевые точки, моя задача как российского омбудсмана искать и найти возможность диалога между сторонами. Попытаться отсечь обе крайности — слишком примитивно, одними наказаниями вопроса не решить. Вообще ни одну серьезную проблему невозможно решить методом одного только кнута. Пока необходимо начать обсуждать создавшееся положение хотя бы с теми, с кем можно. И с той, и с другой стороны есть люди, способные вести диалог, ценой компромиссов идти друг другу навстречу. К одному такому диалогу мы уже приступили. Как вы знаете, зимой в Воронеже был убит иностранный студент. Он стал жертвой ксенофобии. Мы отправили туда нашего сотрудника для проведения предварительных консультаций, а через какое-то время я сам обязательно поеду в Воронеж и попробую организовать беседы иностранных студентов с представителями властей, кое с кем из тех, кто недоволен поведением этих студентов, то есть надо дать высказаться всем создающим потенциально конфликтную атмосферу, чтобы попытаться найти какие-то способы жить вместе. Только так есть надежда урегулировать проблемы подобного рода. Можно действовать по китайскому принципу «отсечь собачьи головы», но, к сожалению, наш опыт показывает, что ни к чему хорошему это не приводит: пока одни считают головы других собачьими, а те в свою очередь того же мнения о них, ничего, кроме гражданского конфликта, из этого не выходит. А что такое гражданский конфликт, вам объяснять не надо.

О Чечне

Хорошей ситуации с правами человека в стране, где гремят выстрелы и взрывы, быть не может. Источником глубокого неблагополучия тут является сама затяжная война и все стороны, которые в ней участвуют. Война, где бы ни происходила, всегда порождает жуткую жестокость и несправедливость. Вот в Европе часто и не без основания ругали наши федеральные власти за нарушение прав жителей Чечни. А когда американцы и англичане предприняли военные действия в Ираке, что из этого получилось? Показали они безукоризненный пример уважения к правам человека?

Как выяснилось, отнюдь... Источники попрания гражданских прав могут быть разными, но так или иначе, эти нарушения происходят, и единственный выход их предотвратить — усилить контроль над всеми сторонами конфликта. Это задача и прокуратуры, и общественных организаций, которые там работают, Я с ними обязательно буду сотрудничать, поддерживать их. Рассчитываю добиться, чтобы в Чечне был свой Уполномоченный по защите прав человека.

7 мая на инаугурации президента в Москве мы с Кадыровым договаривались обсудить эту проблему после майских праздников. В России 27 субъектов федерации имеют собственных региональных омбудсменов, а в Чечне он должен быть обязательно. Там работают «Мемориал» и другие правозащитные организации, но я убежден, что необходима наряду с этим и государственная структура. Проблема в том, что омбудсмена назначает парламент, который в Чечне не избран. А сейчас вследствие трагических событий 9 мая и исполнительная власть исчезла.

Знаю, она многим не нравилась, ее деятельность и методы, какими она была там установлена, вызывали немало возражений. Но, на мой взгляд, в таких странах, как наша, возможно нечто похуже, чем любая власть — отсутствие какой бы то ни было власти. Как бы не наступил полный хаос, произвол тех, у кого ружье или автомат за плечами. Поэтому мне кажется, что лучше поскорее провести выборы. Конечно, я понимаю, как трудно в Чечне добиться, чтобы они были справедливыми. Но по крайней мере нужно, чтобы на них были хотя бы представлены различные группы и кланы. И чтобы парламент выбрал человека, который пользуется всеобщим уважением, а не репутацией, так сказать, марионетки любой власти. Он должен непременно сотрудничать и с федеральным Уполномоченным, с правозащитными организациями. Думаю, это повысит

возможности защиты прав местных жителей. Но окончательное решение вопроса будет возможно не раньше, чем перестанут стрелять и взрывать. Ведь сама по себе война не что иное как грубейшее нарушение самого основополагающего права человека — его права на жизнь.

Что до политической составляющей этой проблемы, моя личная точка зрения довольно проста. Я говорил об этом ичкерийской стороне, говорил публично, в Совете Европы. Международно признанные границы России должны остаться там, где установлены. Независимость Чечни, следовательно, исключается: это повлекло бы за собой изменение границ России — здесь компромиссов быть не может. По всем остальным вопросам надо вести переговоры.

Ответом мне было полное молчание. А ведь именно этот вопрос является причиной военных действий. Я знаю, о чем говорю: я участвовал в Хасав-юртовских соглашениях.

Владимир Петрович, кстати, о Хасав-юрте, коль вы сами его вспомнили. Оглядываясь назад, в 96-й год, как вы оцениваете эти соглашения сейчас? Помнится, за активное участие в них вы подверглись жесткой критике с разных сторон. Многие здесь считали достигнутые тогда договоренности предательскими по отношению к России, а там упрекали за заявление, будто бы сделанное вами, что «за пять лет Россия окрепнет и покажет вам...»

Я остаюсь сторонником той точки зрения, что Хасав-юртовские соглашения были абсолютно необходимы в тогдашней обстановке. Коль скоро решить проблему власти мирным путем оказалось невозможным, надо было отложить политические споры о статусе и обо всем прочем, дать людям спокойно вздохнуть без войны. Сами по себе соглашения давали эту возможность. Корень зла не в положениях принятого документа, согласию которым война прекращается, одна сторона разоружается, а другая выводит свои войска, а в том, что войска были выведены покойным Лебедем, не дожидаясь разоружения другой стороны. То есть договоренности не были реализованы в полной мере, что и обусловило их крах. В результате возникло то, что возникло: власть, формально руководимая Масхадовым, фактически обернулась безвластием и произволом различного рода полевых командиров. При подобной ситуации никто не смог воспрепятствовать вторжению в Дагестан. Создалось положение в духе троцкистской теории перманентной революции, только под другим соусом

и другими знаменами. Ответная реакция стала началом второй войны.

Теперь что касается якобы моих заявлений. Я ничего не скрываю, благо все эти материалы сохранились. Правда же состоит в следующем. Вскоре после Хасав-юрта ичкерийская сторона стала извлекать политические дивиденды, начались заявления, что Ичкерия уже признана независимой, хотя по договоренности решение вопроса о статусе было отложено. Я сказал — извините, я знаю текст соглашений, никакой независимости нет, это неправильно. Они на меня обиделись. Понятно, почему: позиция была такая — мы не дожали в тексте, дождем по существу. На заседании правительства России, где участвовали Черномырдин, Лебедь, Чубайс и др., а от Думы — я и покойный Рохлин, я сказал следующее: «Мы обязаны строго выполнять Хасав-юртовские соглашения, но мы не должны их выполнять односторонне. Нам нужно укрепить военные позиции в Кавказском округе, выводив войска из Чечни по мере разоружения противоположной стороны. Если пойдем по этому пути успешно, мы найдем общую формулу существования с ичкерийской стороной». Масхадов тогда говорил, что формально будет независимость, неформально же останется рубль, будут прежние границы России и т.д.

Я сказал, что мы должны иметь свои кнут и пряник. Кнут в том смысле, что необходимо показать этим людям, которые, в общем, понимают силу, что у нас есть здесь серьезные войска. Пряник же состоит в том, что если они будут выполнять соглашения, мы с ними наладим всякие конструктивные отношения — развитие экономических связей, восстановление республики и т.д. Оппоненты интерпретировали мои слова как угрожающий намек на подготовку нового нападения — то ли заблуждаясь, то ли просто спекулируя на этом сознательно.

Я от души желаю всем чеченцам, чеченскому народу, среди которого у меня есть старые добрые друзья, чтобы как можно скорее ужасы войны остались позади, чтобы Чечня стала страной, где уважают людей, их достоинство, где они сами чувствуют себя хозяевами родной земли, разумеется, в братском сотрудничестве с Россией, уважая российскую конституцию. Россия должна быть единой, а Чечня свободной. Не думаю, что это противоречивый лозунг. Уверен, что можно добиться и того, и другого. Мы, все друзья чеченского народа, будем активно работать, чтобы как можно скорее достигнуть этой цели. Но в первую очередь результат этих усилий, конечно, зависит от самих чеченцев. ■

Светлана АЛИЕВА

ПРАВО НА НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Да, я не оговорила — именно о приоритетном праве каждого человека на национальность хочется, наконец, сказать открыто и всерьез. Поразмышлять вслух без умолчаний, продиктованных текущей политикой, и условностей, определенных высшими идеологическими интересами. К ним мы сверх всякой меры приучены за годы советской истории.

Кроме того нам внушили считать национальное самоопределение и даже самосознание проблематикой неважной, незначительной, второстепенной, более того — тормозящей социально-экономическое развитие страны. Установили: сначала Человек, а потом его Национальность. Но найдите мне японца, китайца, англичанина и шотландца, ирландца, индуса или араба, того же зулуса или маори, а у нас татарина или чеченца (ряд намеренно неравноценный по степени этнической численности и социального развития) и всех остальных, которые бы отказались от своего национального имени, или стыдились бы его. И на то обратим внимание, что культ национальной японской культуры с ее древними традициями и ритуалами, совсем не помешал японцам выйти в авангард мировой научно-технической экономики. Остается задаться вопросами, кому мешает национальное самоопределение и самосознание, почему не рекомендуется, а точнее сказать пренебрегается говорить о национальной политике — особенно в такой, израненной межнациональными недоразумениями стране, как наша федерация. Не мешает, думается, вспомнить и о том, что страны на планете Земля носят этнические названия за исключением таких мировых «гостиниц», населенных эмигрантами со всего мира, как Соединенные штаты Америки, Соединенные штаты Бразилии... Но и здесь люди объединяются в национальные общины, помнят, кто они по национальности, а не по гражданству.

Заметим, кстати, что преступления совершает человек — и в этом случае национальность не играет роли.

В последние десятилетия мы особенно много рассуждаем о правах человека, сваливая в одну кучу все изобретенное и придуманное на эту тему к концу XX столетия. И потому, думается, стоит вспомнить, что в веке еще XVIII провозгласили всеобщее равенство людей как одну из целей борьбы за справедливое устройство мирового человеческого сообщества. Правда, здесь подразумевалось равенство социальное, организация внеклассового общества, но затем в само понятие «равенство» незаметно, постепенно вытесняя категорию исключительно социальную, классовую, ввели морально-нравственные и интеллектуальные характеристики: мол, все люди-человеки, а также мужчины-женщины равны.

Ловушка сработала, теперь это воспринимается как догма — все равны, или должны быть равны. За то и боремся, не жалея сил и жизней, не задаваясь никакими вопросами и ни о чем не задумываясь. А задуматься надо бы! Ибо равенство — идея утопическая, заводящая в тупик полного скептицизма, неверия в возможность улучшения жизни общества... и человека в этом созданном им самим обществе.

Нет равенства и не может быть уже потому, что человек неизменно и обязательно индивидуален — тому мы тьму доказательств биологических, физиологических, социально-психологических, экономических, национальных и прочих сыщем. Так что не надо их — человек — равнять, как это любили практиковать пережитые нами в XX столетии тоталитарные системы. Хорошо, что такое уравнивание удавалось только на парадах, когда демонстрировалось не богатство и многообразие людского сообщества, а ровные ряды одинаковости — роста, фигур,

одежды, причесок... Многих это умиляло — одинаковость безмыслия, а некоторых умиляет и сейчас, но, слава Богу, все больше таких, которые видят, что в подобных построениях присутствуют зомби, управляемые извне марионетки, с которыми не построишь нормального человеческого общества.

Итак, согласимся с тем, что понятие «равенство» в приложении к человеку — опасное заблуждение, утопическая идея, заведшая людей в тупик, и откажемся от него, заменив на более точное и необходимое — РАВНОПРАВИЕ.

Иными словами речь идет о защите права каждого человека на равные условия жизнедеятельности в обществе. Не так ли? И какое право выходит здесь на первый план? На мой взгляд и согласно моему убеждению — право каждого на уважение и признание национального достоинства независимо от места проживания, социально-экономического статуса и традиционного занятия.

Не знаю, как вас, а меня всякий раз корбит дешевый юмор, построенный на демонстрации акцента — чукчи, кавказца, азиата, европейца и т.п. Или анекдоты, где высмеивается чукча, кавказец, немец, еврей, армянин и т.п. Обычно национальные черты подаются в анекдотах этого рода как идиотизм, глупость, тупость изображаемого объекта и, к сожалению, вызывает подлинно идиотский смех аудитории. Самодовольный гогот — мол, есть же дураки в отличие от нас, понимающих юмор, умных. А ведь этот, якобы невинный смех выражает пренебрежение к представителям народа, виноватого лишь в том, что с акцентом говорит на твоём, чужом для него языке, не похож на тебя, смеет жить по-своему.

Ошибусь ли, назвав в качестве основоположника подобного жанра и типа отношения того, кто рассортировал народы и религии по иерархии важности: Нация — Народ — Народность — Национальное меньшинство — Этническая общность. В нашей стране в XX столетии официально утвердилось безбожие, но сверх того негласно подразумевался также иерархический порядок вероисповеданий — православие, старообрядчество, католицизм, христианские секты, иудаизм, мусульманство, буддизм и т.д.

Многоязычная и многоконфессиональная страна, назойливо демонстрирующая миру равенство и братство всех народов, установила такую официально узаконенную лестницу с чисто прагматической целью — для удобства управления полиэтническим сообществом. При этом такое циничное измышление играло жизненно важную, более того — судьбоносную роль в распределении прав, а также в формировании нравственного мировосприятия тех же народов, точнее — этносов. Отметим к тому же, что в нашей большой стране жили не съехавшиеся со всего мира народы-этноты, а коренные, располагающие своими территориями, из которых и составилось пространство Союза.

Между тем согласно узаконенной иерархии верховная власть, если и считалась (хотя бы номинально) с правами Нации, то о правах Народов, Народностей, тем более Национальных меньшинств и каких-то там Этнических общностей и не вспоминала, всю эксплуатируя принадлежавшие им территории с их надземными и подземными богатствами. С хозяевами всех этих земель и недр обращались так, как по разумению очередного временщика требовали «интересы» большой текущей государственной политики. Власть с ними играла, как ребенок со своими игрушками: хотела — передвигала-переселяла целые Народы с гор в пустыню, а из пустыни — в северную тундру, вычеркивала их названия из истории страны, даже из печатной продукции прошлых лет, а то и отменяла неудобную, «плохую» национальность совсем... Для содей-

ствия реализации таких планов организовывались пропагандистские кампании компрометации приговоренного к изоляции или практическому уничтожению Народа-Этноса.

Так возникали — вдруг, из ничего, безосновательно — плохие и хорошие Народы, одних возносили, других ввергали в зловонные ямы нареканий и клеветы, исходящей сверху, порождаемой верховной властью.

В результате (а отнюдь не по чьей-то злой воле конкретного человека) несокрушимый Союз — огромная страна — распался, что вызвало ряд социально-экономических и политических потрясений в жизни всех коренных народов, обреченных жить в государстве, которое не почиталось с правом своих граждан на национальность, а проводило по сути антинародную национальную политику.

Распад многонациональной страны, наследницы Российской империи, просуществовавшей почти три столетия, должен был чему-то научить верховную власть — сама история преподала ей наглядный урок неизбежных результатов пренебрежения национальным достоинством и интересами народа любой численности, подавления одних народов другими в системе нравственно-политических и следом социально-экономических установок.

В образовавшихся в результате распада странах прежде построения всех и всяких социальных и экономических программ, следует сформировать во имя сохранения и развития нравственно-духовного наследия титульного народа концепцию национальной политики.

Это было сделано уже в первой половине XX века в бывших российских колониях, ныне процветающих Финляндии и Польше. Такая работа ведется сегодня в Казахстане, Кыргызстане, Армении, Грузии, в Эстонии, Литве, Латвии...

Однако правительство Российской Федерации упорно хранит верность антинародной сталинской национальной политике вместо того, чтобы поторопиться с принципиальной ревизией самой концепции и созданием новой, без чего нам грозит аналогичный союзному распаду.

К сожалению, приходится констатировать, что сегодня у нас в Российской Федерации чем дальше, тем откровеннее проявляется расистское высокомерие по отношению ко всем Народам, кроме титульного. И никому невдомек, что, возводя русский этнос на недосягаемую высоту, приписывая ему исключительность, противопоставляя его другим, живущим в федерации этносам, мы впадаем в самоослепление. Не видим разрушения старых русских городов и деревень, опустошения русской этнической территории, кризисного сокращения рождаемости, нравственного оскудения, от которого не спасают все усилия православной Церкви, очевидного вырождения. Одно из особенно ярких свидетельств упадка — тупые, злобные попытки возложить ответственность за все эти социальные язвы на нерусские этносы страны, иначе говоря, фашизация некогда великого русского народа.

Нет смысла искать спасения в подавлении Чечни, которое все та же верховная власть, то ли слепая, то ли своекорыстная, так упорно именует борьбой с якобы международным терроризмом, (который сама же и породила), да и пора, наконец, прекратить поношение уже огульно скомпрометированных в духе сталинской пропаганды «лиц кавказской национальности».

Противопоставление русского народа всем его исторически предопределенным этническим соседям губительно для страны так же, как насильственное покорение инородцев. Десятилетняя война с чеченцами доказывает самоубийственную несостоятельность такой политики, ибо нет силы, способной покорить Народ, какой бы численности он ни был. Даже оставшись в критическом меньшинстве, подчинившись внешне, малочисленный этнос сохранит свою враждебность к покорителю, и в свое время она прорвется наружу.

Об этом даже говорить стыдно — имперское отношение к другим народам помимо титульного осталось в прошлом, мир

отказался от него. Одна лишь Россия тщетно, губя себя самоё, цепляется за обветшавшие обрывки прежней власти, гордится державностью, основанной на насилии вместо подлинно братского добровольного — договорного — объединения. Хотя только при этих условиях Российская федерация может стать истинно целостным и демократическим государством, каким уже не выглядит в глазах мирового сообщества.

Спасение русского этноса — народа — нации не в мнимом превосходстве, а именно в союзе с этносами, по историческому праву живущими на одной территории с русскими, в опоре на них, но не силовой, а дружеской, братской, в признании национального достоинства и самоценности, в уважении к их национальному имени, языку, нравам и верованиям. А следовательно в изменении психологической атмосферы, отношения общества к представителю любой нерусской национальности. Сегодня необходима большая просветительская работа, умная, тактичная пропаганда не недостатков, а достоинств каждого этноса. Утверждение равных прав всех, входящих в федерацию народов — без иерархической сортировки. Иначе говоря такого права на имя, когда инородец перестанет стесняться своей национальности, а с положенной гордостью скажет: я — чеченец, калмык, или балкарец, хакас, бурят, тувинец, чукча, татарин, башкир, чуваш, удмурт и т.д.

Только так, а не силовыми приемами Российская федерация сохранит свою территориальную целостность. Она должна переменить отношение к составляющим ее пространству этносам, сняв с их душ накопившиеся национальные обиды, побудив все свои народы не на словах, а вправду почувствовать себя братьями и стать на защиту границ родного государства. Необходимо выработать и ввести в государственную политику постоянное уважительное внимание к национальным культурам, к нравственно-духовной сокровищнице всех без исключения этносов — в них общее богатство страны. А если в этом процессе — воспитании уважительного понимания и внимания к духовному выбору этноса — примет участие и православное духовенство, настроенное сегодня миссионерствовать сверх меры, если оно признает право мусульман, иудеев, буддистов наравне с правами собственной паствы, тогда можно будет признать, что величие русского народа — не пустая претензия.

Грозный. 2004 г. Фото «ДОШ»

МЕЖДУ ГРОЗНЫМ И ТАМБОВИНЫ

Чеченская диаспора на Тамбовщине насчитывает порядка тысячи человек. Это те, кто приезжал сюда на сезонные работы, да так и обосновался в среднерусской полосе; кто остался после окончания Мичуринского аграрного университета; кто развернул здесь свой бизнес. Есть такие, кто живет в этих краях по 20-30 лет, не прерывая, однако, связи с родиной. О жизни диаспоры мы расскажем в одном из следующих номеров, а сейчас хотелось бы предоставить слово руководителя переселенческой общины, которая в силу специфики решаемых проблем существует в составе диаспоры несколько автономно.

Любовь Федюшкина — председатель Совета общины вынужденных переселенцев (на фото):

— Наша община — организация зарегистрированная, можно сказать, официальная. В ее составе более двухсот человек, 80 из них живет непосредственно в Центре размещения беженцев в Тамбове. Несколько человек, в том числе я сама, здесь еще с первой войны, остальные приехали уже после 1999 года — после начала так называемой контртеррористической операции. Что сказать о нашем положении? Если в целом, то мы, особенно те, кто живет здесь уже десять лет, оказались в тупике. Причины нерешенности и нерешаемости наших проблем разные. Взять, например, меня: я не попадаю под действие закона о выплате компенсаций, поскольку выехала из Грозного за два месяца до начала боевых действий. И все! В том, почему я была принуждена отсюда выехать, никто не станет разбираться...

А было так. Мы жили в поселке имени Кирова. В октябре 94-го года в дом ворвалась банда и вышвырнула нас на улицу. Сопротивляться им я, конечно, была не в состоянии. Я спряталась у знакомых своих двух дочерей, сама осталась у соседей, бродила вокруг своего дома, смотрела на него издали. Пошла к мullahу, обратилась в правоохранительные органы республики, но правды не добились. Добрые люди собрали мне деньги, помогли, посадили на автобус, и я приехала сюда: здесь у меня была родственница, она и сообщила, что существует такой Центр временного размещения для беженцев. А через два месяца началась война. Так что компенсация мне «не светит». Я через суд доказала, что привезла сюда детей, спасая от гибели. Суд признал, что я вынужденная переселенка, и постановил принять документы на компенсацию за жилье и имущество. Но у чиновников свои зацепки, они моих документов не приняли.

А мне до сих пор, чуть вспомню, как меня поволокли расстреливать, страшно становится. Если бы не знакомый, который шел мимо, мне бы конец — мы с ним вместе работали на заводе Анисимова, он меня и выручил.

Да я уже и не хочу компенсации, разве эти 120 тысяч возместят утраченное... Стою в очереди на жилье, но когда его получим, какое? Ничего не знаю.

После того, как миграционную службу передали из Министерства по делам национальностей Министерству внутренних дел, наше положение ухудшилось. С 2002 года перестали кормить, сказали, Москва, дескать, не финансирует. Тем, кто не имеет статуса вынужденного переселенца, предписали покинуть ЦВР. Мы судимся, пишем в Москву, а наши заявления пересылают тем, на кого мы жалуемся, вот так. Я ходила к начальнику, заступалась за этих людей, которых выселяют. Он утверждает, что они живут здесь незаконно. Я говорю: так не они же закон нарушили, вы сами это сделали, раз поселили их здесь. Теперь их гонят, а ведь они здесь прожили пять лет и больше. Вы закон нарушили, а они ни в чем не виноваты. Вы же твердили тогда: «статус не нужен, статус не нужен», а оказалось — без статуса они теперь никто. У нас проблема на проблеме, и нам их не решить. Здесь остались незащищенные люди, которые не сведущи в законодательных тонкостях. Сидим и ждем.

Дауд Ахмадов — член Совета переселенческой общины (на фото):

— К тем, кому «на вылет», отношусь и я. Родом я из села Малые Варранды, но с 1993 года жил в Грозном. Трое детей. Дочка вышла замуж, а два сына Висита и Ризван со мной. Хотя я и слышал, что обстановка в республике сейчас лучше, все же пока опасюсь везти туда сыновей, к тому же жилье потерял, надеялся получить здесь компенсацию. Но в данный момент уже ничего не жду. Мне автоматически отказали в статусе вынужденного переселенца, потому что я вовремя не обратился — не было паспорта, потерял в Чечне. Тут мне его только в 2003-м восстановили: пока в Грозный запрос пошлют, пока от туда ответ придет, то да се, вот время и ушло. Я подавал в суд, рассчитывал хоть так получить статус. Суд не удовлетворил мою просьбу. А без статуса меня не ставят в очередь на получение жилья. Мало того: теперь пришло предупреждение: раз статуса нет, освободите комнату, по закону вы не вправе здесь находиться. Непонятно: люди здесь столько лет проживали, зачем же их тогда приняли, если это незаконно?

На работу устроиться практически невозможно. Молодежь ходит, ищет, дадут на месяц-два, а то и всего на полмесяца подработать — и только. Теперь у нас в ЦВР еще новшество — ввели пропускную систему, без пропуска нельзя зайти в общежитие. Не знаю, кем нас тут считают. Говорят, это ради нашей безопасности. Десять лет о ней никто не беспокоился и вдруг такая забота. А стоит где-нибудь чему-нибудь взорваться — в первую очередь бегут сюда, след ищут.

Суды только на миграционную службу работают, они вечно на ее стороне. Мы всегда проигрываем. Сейчас уже и не знаем, что предпринять...

Зимой ездил в Чечню. Там в Шатое на блок-посту потребовали документы. Солдат вертит мой паспорт: «А где прописка?»

Я говорю: «Вытащи бумажку, посмотри». Он посмотрел, ухмыляется:

«Что, Тамбов? Тамбовский волк?»

Вот так и выходит: здесь я чеченский волк, а в Чечне — тамбовский.

Саид Удиев — предприниматель из г. Котовска:

— Я считаю, что сегодня порядка в республике заметно больше. Из Грозного, из Урус-Мартана родственники звонят, сюда тоже люди приезжают, говорят, что становится спокойнее. Недавно один наш земляк здесь гостил, он находит, что обстановка улучшилась в сравнении с прежним — на 70 процентов. Очень существенно! Все говорят, легче в том плане, что нет этих ненужных зачисток. Компенсации, как рассказывают, тоже выплачиваются. А восстановление? На это, конечно, уйдут многие годы, разрушения такого

масштаба восстановить очень трудно.

Я на Тамбовщине уже десять лет. У меня умер брат, оставил пятерых сыновей. Трех я забрал сюда к себе, они в Котовске учатся. В 96-м году получил здесь за свое утерянное жилье, за разбитую квартиру 120 тысяч рублей.

Во время войны у меня погибли несколько дальних родственников, а среди близких прямых жертв нет, но есть те, кто не перенес происходящего: от нервного перенапряжения умерли родные брат, сестра, тетя, меня вырастившая. Отношения с местным населением у меня лично складываются неплохо, жаловаться не приходится, но в целом на чеченцев смотрят косо, настороженно. Средства массовой информации пи-

шут о нас столько негативного, в том числе много бессовестной лжи. Да и сами мы недопустимо инертны... Та часть интеллигенции, которая могла бы прояснить ситуацию, рассказать здешним людям правду о Чечне, о наших обычаях, об истории, не берет на себя этого труда.

Как бы то ни было, душой я грознец: обязательно поеду домой. Мое пожелание всем чеченцам — благополучно вернуться, не забывать свою родину. Я пожелал бы всем народам благополучия, а правителям — ума. Не народы виноваты в том, что со всеми нами творится, — за это отвечают политики.

Милана АРАПИЕВА
Тамбов — Москва

ЗАГРАНИЦА

Тина БРЮССЕЛЬ

Соб. корр. «ДОШ» в Европе

СТРАСБУРГСКАЯ СИРЕНЬ

От Брюсселя до Страсбурга ехать ровно пять с половиной часов. Три часа едешь по Бельгии, затем минут тридцать по Люксембургу, а дальше — Франция с ее изумрудными лугами, карликовыми яблочными садами и бесконечными виноградниками.

— Если бы я стояла здесь на дороге, вы бы остановились или проехали мимо? — спрашиваю я у своих друзей. Мне всегда страшно от мысли, что с теми людьми, которых люблю, я могла не встретиться, что мы могли пройти мимо друг друга и больше никогда в жизни не увидеться.

— Что ты! Конечно, остановились бы и взяли бы тебя с собой, — смеются мои друзья. — Что нам делать в Страсбурге без тебя?

Страсбург появляется внезапно: не успеваешь подготовиться к встрече, как уже оказываешься в городе. Название говорит само за себя — Город на Дороге.

Это Франция, но Страсбург по своей архитектуре, по внешнему виду чисто немецкий город, вернее — эльзасский. Эта местность так и называется — Эльзас и Лотарингия, помните, из школьного учебника? Здесь был знаменитый угольный бассейн с очень

прогрессивными шахтерами-пролетариями, которые пугали своих хозяев профсоюзными правами. А еще отсюда родом знаменитая певица Патрисия Каас. Коренные жители называют себя эльзасцами, соответственно их язык тоже — эльзасский.

Страсбург постоянно переходил из рук в руки, так как находится на границе с Германией, да к тому же на главной дороге, соединяющей две страны. Лишь после Второй мировой войны он окончательно перешел к Франции. А Германия осталась за широким Рейном, через который перекинут красавец-мост.

В городе слышится немецкая речь, французская, английская. «По-эльзасски» разговаривают одни старожилы, сейчас этот язык изучается только в нескольких школах.

С недавнего времени в Страсбурге стали говорить и на чеченском, это произвело большое впечатление на нас — гостей из Бельгии, которых как раз встречали представители

чеченской диаспоры и члены французского Комитета «Чечения».

— Марша дог! ийла! — приветствует Бабетта, возглавляющая «Чечению».

— Бонжур! — улыбаются чеченские дети

с огромными букетами сирени, приготовленными для нас.

Ах, сирень, сирень... Белая, фиолетовая, розовая... У нас букет сирени всегда почему-то ставили в трехлитровую банку, она была в каждом доме, на столе, на окне, на холодильнике. Сирень цвела во дворе, за домом, на улице, во всех садах. Я помню тебя, сиреневый Грозный, сиреневый аромат моей Чечни... Сиреновой дымкой ты добрался до далекого Страсбурга и сжал мое сердце тоской...

...Хасан, живущий здесь уже несколько лет, повез нас к себе домой, где ждал королевский обед из чеченских блюд. Хозяйка дома - доктор, но сегодня она не работает и с удовольствием демонстрирует нам чеченский этикет, который доминирует в любом чеченском доме Европы. Их сыновья - все спортсмены и отличники в школе - стоят тут же, готовые выполнить любое пожелание гостя.

После небольшого отдыха - экскурсия по городу. Сопровождают нас Бабетта со своими друзьями и девочка Хеда, наша переводчица.

Бабетта рассказывает о городе, о его достопримечательностях, о чеченцах, живущих здесь, о том, как хорошо учатся наши дети, какие у них замечательные спортивные достижения.

Нашей юной переводчице Хеде пятнадцать лет. У нее густые, вьющиеся каштановые волосы, которые она подобрала в высокий «хвост». Ее красивое открытое лицо все время озаряет улыбка - «рот до ушей», ну чистый Голливуд! Хеда так великолепно владеет французским, что даже Бабетта восхищается.

- Она такая умница! Такая красавица! - повторяет она. - Хеда обязательно будет актрисой!

Хеда улыбается и рассказывает о Кафедральном соборе, построенном в средние века, примерно в XI-XV веках. Веточкой сирени она указывает на купол и говорит, что его высота 466 футов. Внутри собора - знаменитые астрономические часы, которые каждый день ровно в 12.30 оживают и начинается настоящее представление.

Если подняться наверх, на смотровую площадку собора, можно увидеть весь город, как на ладони. Но это не просто - забраться на такую высоту: очень уж круты ступеньки винтовой лестницы.

Затем Хеда ведет нас в квартал, прозванный «Маленькой Францией». Здесь жили раньше рыбаки, мельники и специалисты по выделке кожи - кожевики. Дома, построенные в XVI-XVII веках, плотно жмутся друг к другу, все они с внутренними двориками и с открытыми чердаками для сушки кож.

Типичная европейская архитектура.

Следующая достопримечательность - знаменитое здание Европарламента, где нам завтра предстоит встретиться с депутатами. Оно раскинулось на берегу Рейна, сияя синим стеклом, красиво отражающим белые облака. Кажется, будто весь город отражен в полукруглом зеркале. Мы с Хедой тоже глянули туда и поправили свои прически.

Немного дальше - здание Парламентской Ассамблеи Совета Европы со всеми европейскими флагами, развевающимися перед фасадом. Рядом, через дорогу, огромный парк с диковинными деревьями, изящными фонтанами. В глубине парка стоит белоснежный дворец, принадлежавший какой-то герцогине, в которую был влюблен какой-то король. Темная история, но гулять здесь очень приятно.

Мы идем к оранжерее, где Хеда обещает показать беседку Жозефины - возлюбленной Наполеона. Немного посидев в ней, вдыхая аромат пышно цветущей сирени, мы почувствовали себя чуть-чуть Жозефинами. Однако пора: возвращаемся в центр.

Наша небольшая группа размещается в уличном ресторанчике на площади Свободы. Здесь за чашкой кофе мы обсуждаем свои планы, говорим о Страсбурге, о Брюсселе и, конечно, о Грозном. Так бывает всегда, когда встречаешься с чеченцами: любая беседа переходит в воспоминания о доме, о родном городе, о друзьях и знакомых, с которыми расстались, кого-то и совсем растеряли за эти последние десять лет.

На наших столиках маленькие вазочки с букетиками сирени. - А помнишь, как она цвела около Университета? - А в парке Кирова? - На нашей улице у всех соседей была сирень! Только она пахла по-другому... Чуть сильнее... Если найдешь пять лепестков, надо загадать желание и съесть - обязательно сбывается!

Хеда быстро находит пять лепестков и говорит: «Хочу, чтобы всегда цвела сирень! Чтобы никогда не было войны! Чтобы у всех был родной дом и родной город!»

...Утро врывается в окно моей комнаты ярким солнцем и весенним ветерком. Весна пришла бесповоротно и окончательно. С ее приходом всегда что-то меняется к лучшему, она как надежда, как радостная весть. Что-то должно произойти хорошее, может быть, даже сегодня. Я смотрю на букет сирени на моем столе, надеваю сиреневый костюм и иду в Европарламент, чтобы сказать депутатам: «Господа, наступила весна, зацвела сирень! Хеда хочет, чтобы закончилась война и все чеченцы вернулись домой! Вам есть о чем подумать!»

Виктор КОГАН-ЯСНЫЙ

БОЛЬШАЯ ЕВРОПА

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ НОВОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Состоявшееся 1 мая 2004 года официальное расширение Европейского Союза — политический факт такого редкого типа, который на взгляд сегодняшнего российского либерала (в широком смысле) напрашивается только на положительные оценки и с политической, и с экономической, и с исторической точек зрения. (Не в счет — очень печальное недоразумение с Северным Кипром, но это, хочется верить, сейчас уже почти технический вопрос, требующий лишь времени.)

Восемь стран Восточной Европы, из которых четыре напрямую контролировались Советским Союзом, а три входили в его состав (*de facto*, — для крючкотворов и педантов) вместе со «старой» объединенной Европой, чьи контуры сформировались еще в конце сороковых — начале пятидесятых годов, смогли преодолеть политическую и историческую несправедливость Ялты 1945-го. Они получили шанс на кардинальную модернизацию цивилизационного стандарта в очень новых для себя условиях.

Решение, конечно, политическое: всем понятно, что, кроме Мальты и (с натяжкой) Кипра и Словении, никто из новых членов ЕС не отвечает и вряд ли в близко обозримой перспективе будет отвечать всем установившимся западноевропейским стандартам. Но это своевременное решение: дальше тянуть с вопросом о статусе восточноевропейских стран было, пожалуй, действительно нельзя.

Закончен период подготовки и связанных с этим смен «витрин» и «экстерьера» этих государств, рывков в сторону выполнения «условий Брюсселя», довольно мелочной политико-бюрократической торговли вокруг того или иного «приземленного» вопроса. Уже не нужно наблюдать забавную картину, как восточноевропейские руководители стоят в советской очереди к европейскому микрофону, чтобы еще и еще раз попросить новых «старших братьев» принять их в свои «доблестные ряды». Закончился период улаживания споров с Россией, когда российский обыватель изо дня в день слышал в новостях про новые и новые «антироссийские козни» Брюсселя или стран-кандидатов, будь то визы, тарифы, транзит, проблемы экспорта и импорта,

или же аспект русского языка, и когда с одной стороны правовая неизбежность, а другой — политическая вульгарность и просто глупость тех, кто принимал ряд конкретных решений порождали ощущение нарастания враждебности «расширяющейся Европы» к России и ее гражданам.

Теперь тряски, присущей периоду подвешенности, не будет. И не будет возможности на этом ловить всякую рыбу собственной мелкой выгоды. Не будет столь легкой возможности манипулировать общественным мнением на теме расширения Европейского Союза. В частности, в России не будет возможности столь легко организовывать на этой теме вульгарную политическую спекуляцию и пропаганду (к примеру, даже нарочито путать и подменять понятия Европейского Союза, Совета Европы и ОБСЕ).

Выступая с такой похвалой, я высказываю мой либеральный взгляд из сегодняшней России и отдаю себе отчет в том, что многие жители обновленного Европейского Союза не только приобретут новые возможности, но и столкнутся с рядом проблем в реальной жизни, в повседневности.

Я также с огромной досадой вспоминаю о том, что в середине 90-х годов, когда в США и «старой» Западной Европе принимались кардинальные решения по будущему европейскому развитию, они были приняты наподобие «ялтинской» схемы, и по отношению к России и другим странам СНГ был принят крайне заниженный стандарт отношений, совершенно другой, нежели по отношению к странам Центральной Европы и Балтии, которые сейчас вступили в ЕС.

Ко всему вышесказанному есть еще одна серьезная оговорка. Для того, чтобы сегодняшняя радость не оказалась кратковременным заблуждением, чтобы через несколько лет и дальше ощущать историческую правоту происшедшего события и пользу проведенной политико-мировоззренческой и практической работы, надо, чтобы обновленный Европейский Союз смог соответствовать уровню тех масштабных задач, которые перед ним стоят сейчас и будут стоять в обозримом будущем, чтобы он нашел ответы на вызовы не вчерашнего дня, а сегодняшнего и завтрашнего.

Или ЕС всегда будет «на уровне», или его раздерут противоречия и он переживет разрушительный упадок.

Сегодняшняя европейская политическая революция очень сильно отличается от той, которую западноевропейские страны совершали в 50-е годы, когда они создавали Сообщество угля и стали и шли к Римскому договору, и от той, которая произошла в 80-е с Маастрихтским интеграционным прорывом. Раньше — особенно на первом этапе — речь шла о воплощении «консервативно-либеральных» европейских ценностей, о сочетании на индивидуальном и коллективном уровне прагматичной рациональности с нравственной и гражданской ответственностью, о защите жизни, семьи и собственности каждого, о выстраданном историей сочетании свободы и ответственности, о морали как основе политики. Сейчас же мы имеем дело с процессом, где важнейшим действующим элементом стала тяжеловесная бюрократия, а критически важные вопросы сочетания моральной ответственности и свободы в плане как индивида, так и общества в целом, решаются на примитивном уровне «политкорректности». Мышление в духе основателей Европейского Сообщества, да и в духе политических авторов Маастрихта, становится в современной Европе, как в «старой», так и в «новой», аномалией и маргинальным анахронизмом. Сохраняется и бурно развивается форма, при утрате целого ряда фундаментальных элементов смысла и ответственности. И такой порядок вещей сулит мало хорошего.

К примеру, если внутри Европейского Союза наметится серьезное расслоение на те страны, в которых живут преимущественно конечные производители и страны с увеличивающейся прослойкой прямых или косвенных рантье, то конструкция ЕС может оказаться недостаточно эффективной перед лицом постоянного вызова развития и модернизации. ЕС формировался как разумно нормированное общество, а сейчас (эвтанизация, однополые браки, внезапные всплески крайних настроений) он приобретает ряд исторически новых негативных ненормированных черт, плохо поддающихся банальному анализу и прогнозу. Европейский стандарт цивилизации — огромное достижение

истории после Второй мировой войны — может не выдержать этого испытания и деградировать с глобальными разрушительными последствиями.

И здесь, с этой стороны, я хотел бы подойти к теме отношений обновленного Европейского Союза и России, имея в виду, что на данный момент парадигма «цивилизационного лидерства» ЕС продолжает работать и практически никем в России не ставится под сомнение.

Возвращаясь к недавней истории, в 90-е годы, приходится сказать, что странам бывшего СССР (за исключением особой Балтии) после его распада в 1991 году никто из мира «другого стандарта» так и не попытался обрисовать какую-либо интеграционную и вообще позитивную перспективу, и никто не пытался всерьез выдвигать требования в плане права и экономики. Это при том, что, пока СССР представлял собой при Горбачеве пусть и меняющуюся, но все еще коммунистическую сверхдержаву, то политические перспективы для него пытались открывать с Запада очень активно. Это при том, что без СССР (и без Российской Федерации) падение коммунизма в Восточной Европе и освобождение Балтии было бы невозможно. При том, наконец, что один из ярких, ныне совершенно забытый, документ эпохи падения коммунизма,

Парижская хартия для новой Европы 1990 года, четко формулирует философский принцип «единой Европы от Ванкувера до Владивостока» как основу будущих практических солидарных действий.

Но — Восточную Европу «взяли на буксир», Россию и СНГ оставили фактически за бортом. Класс постсоветской бюрократии был только рад, что его оставили в покое, наедине со своими собственными народами и дали возможность душить последствия кратковременного либерального прорыва. В России и странах СНГ установилась, мягко говоря, очень двойственная обстановка, но речь сейчас не об этом: политико-бюрократическая ситуация, скажем, Словакии или Хорватии, была вряд ли кардинально лучше российской. Речь о геополитическом решении всего Запада в целом, которое принималось по дешевому принципу «нужен — не нужен» и которое еще ждет своей детальной исторической оценки.

Известно, что просто дружбой с Брежневым проблему опасности иной системы западные лидеры решить не смогли, как не смогли ее решить простой гонкой вооружений. Решение оказалось куда более сложным.

Сегодняшняя Россия, несмотря на свои самые серьезные проблемы, все-

таки, меньше отстоит по совокупному измерению своих стандартов от Европейского Союза или от США, чем отстоял Советский Союз. И решать проблему несовпадения, разнонаправленности сейчас, если хотеть это делать, наверное, легче, чем это было 20 лет назад. Вот, было бы честное желание...

Я имею в виду желание тех, кто находится на западе от новой европейской границы и кто, несмотря на все оговорки, на сегодняшний день объективно, по факту, является носителем более высокого цивилизационного стандарта и — позволю себе сказать эту банальность — по факту несет за это определенную моральную ответственность. В процессах цивилизационного развития продвинутое сообщество в состоянии брать на себя роль лидера, буксира по отношению к соседям, и такие процессы, как видно из истории, проходят по подобному механизму. Позитивный результат возможен в случае сильной, но мирной политической воли, основанной на общечеловеческой морали, здравом смысле и компетентности, но ни в коем случае — не на произволе и дурном политическом вкусе.

Россия и страны бывшего СССР особенно нуждаются в привнесении нормы в свою жизнь и в правильном восстановлении мультикультуральности.

ти. Советский Союз брежневского типа был очень нормированным обществом, где универсальная норма не только и не столько идеологии, сколько поведения, господствовала над всей повседневностью, и при этом, невзирая на крайнюю нормированность, одновременно был обществом мультикультуральным: Таллинн и Бухара в одном государстве — это, безусловно, общество сосуществования исключительного разнообразия культур, при всем идеологическом и поведенческом нормировании, при всей, с одной стороны, тоталитарной нивелировке и при всем, с другой стороны, лицемерии, когда взаимная терпимость носила часто лишь поверхностный характер.

С концом Советского Союза мы стали свидетелями утраты одновременно и доминирующей идеологии, и нормы общественной жизни и поведения, и многих ракурсов мультикультуральности. В этих условиях проявились с виду неожиданные опасные общественные эффекты. Один из таких очевидных эффектов — с виду бессмысленное, без казалось бы рационального объяснения, следование даже не за лидером авторитарного типа, а за неким авторитарным образом подчас «виртуального» характера, которое носит никак не идейный, а чисто поведенческий характер, которое основано не столько на реальном принуждении со стороны, сколько на внутренних человеческих страхах, и с этой точки зрения может считаться вполне «добровольным». Другой эффект — крайний индивидуализм, доходящий до массовой достаточно агрессивной самоизоляции людей от попыток контакта и диалога со стороны, которые они воспринимают как агрессию, вторжение в их закрытый внутренний мир.

Общество, остро нуждающееся в норме, как известно из истории, может принять ее практически любую и из любых рук, оно не обладает большой разборчивостью. Чтобы Россия развивалась позитивно, та норма, которая в нее привносится, должна основываться на свободе, гуманной традиции, праве, открытости, демократической процедуре, сменяемости власти. И сейчас, в плане сегодняшней ситуации в России и ее будущего и в контексте отношений Европейского Союза и России, — когда речь идет не об их форме и не об отдельных прагматических фрагментах, а о попытке выработать серьезную содержательную базу таких отношений, в качестве основного встает вопрос о категорическом отрицании норм авторитаризма, ксенофобии и милитаризма как о государственном принципе и России, и всех европейских стран. Речь идет о постоянной работе в этом направлении как в связи с опасностью подобных исторических корней, так и в связи

с тем, что сегодняшний мир во всем его многообразии постоянно бросает подобный вызов, будь то внутри России и постсоветских стран, будь то где-то в самом ЕС, будь то где-то достаточно далеко от Европы.

В частности, очень труден, но необходим путь к преодолению сталинизма. Сталинизм как особая «скрытая» идеология и схема межчеловеческих, внутрисоциальных и межгосударственных отношений вовсе не вполне тождествен советскому коммунизму и большевизму и имеет куда большую историческую живучесть и опасность.

Режим Сталина выступил победителем нацизма во Второй мировой войне. В отличие от гитлеровского режима, сталинский не был побежден и устранен военной силой, а эволюционировал и в известном смысле продолжает эволюционировать сегодня. В силу этих факторов, если Гитлер и гитлеризм в любом вменяемом обществе рассматриваются как абсолютное зло, то Сталин и сталинская модель управления прежде всего в России, но и не только в России, но в какой-то степени почти повсюду в мире, в том числе и в Европе, при всех негативных оценках, остаются как бы в рамках «клуба политических приличий», «дискутабельности», «рукопожатности». И происходит это подчас тем в большей мере, чем сильнее уходят в прошлое и в сторону негативной оценки понятия «коммунизм» и «большевизм», — поскольку Сталин действительно выходит за эти рамки, а посредством несложных логических маневров уводит от них весьма далеко: одно дело — все вместе коммунисты, бессмысленные мечтатели и разрушители веками созданных устоев, другое дело — Сталин и его полководцы, которые победили Гитлера и которые в кратчайший срок создали новую российскую крепость с ее невиданной несокрушимой силой, ту, что в видоизмененном виде продолжает стоять и теперь.

История распорядилась так, что Гитлер остался в ней просто бандитом, а Сталин — жесточайшим, но и крупнейшим политиком, емким государственно-философским символом, не уходящей тенью сегодняшнего дня. (Если ФРГ не является полноценным правопреемником гитлеровского государства и не без оснований может утверждать, что не имеет с ним ничего общего, то Российская Федерация не только на формальном уровне сохраняет существенную часть международно-правовой преемственности по отношению к СССР, но и на уровне официальных символов и официальной позиции нередко выводит Сталина и его соратников из-под «слишком сильного» удара истории, пропагандируя отождествление именно с «сильным государством»

всего исторически позитивного, что достигалось в СССР, и при этом списывая лично на Сталина или на какую-то считающуюся заведомо одиозной личностью рангом ниже очевидно исторически позорные обстоятельства или же такие факты, по поводу которых есть некоторый риск понести сегодня формальную юридическую ответственность.)

Этот аспект исключительно важен и для России, и для всей Европы в целом, для основ европейского самосознания.

Отсутствие категорической десталинизации России, да и всей Европы, сохранение и подчас лелеяние преемственности тирану в институциональном и в образном плане — это исключительный серьезный тормоз не только российского, но и всего европейского развития.

Однако, для этого важнейшего вопроса нет какого-то слишком конкретного решения, тем более спекулятивного и вульгарного. Если массовое сознание на протяжении длительного периода, отталкиваясь в том числе и от реальных фактов истории, училось с той или иной мерой почтения относиться к тирану, привыкало внутренне опираться на его силу, то осознание вредности такой жизненной позиции на уровне общества происходит только в результате активного и кропотливого труда тех лидеров, которые ненавидят тиранию, не верят в ее продуктивность и, наоборот, преданы свободе как основе развития общества.

Тирания требует не вялого и двусмысленного, а жесткого безоговорочного осуждения. Без этого невозможно движение вперед. Чтобы сделать это убедительно, требуется свободный от замутнения нравственный взгляд, мужество и деликатность.

В том, что касается России, это, разумеется, прежде всего — вопрос о Сталине и сталинизме. Но, в рамках европейского сознания, в плане оценки подобное должно относиться к любой тирании, независимо от исторических и географических рамок. И если складывается необходимость выстраивать практические отношения с тиранией, такие отношения должны внутренне базироваться на честном осознании ее природы, ее безоговорочном осуждении и защите свободы, и вместе с тем на ответственности за каждый совершенный шаг, чтобы не сделать хуже, чтобы бездумно не подталкивать силу жестокости к поиску новых жертв. Они должны базироваться на намерении рано или поздно освободить жертвы насилия, а не подвергнуть их насилию еще больше. Принципы, свободу следует защищать не просто сами по себе как исходную позицию, но и как конечную цель, и как то средство, без которого невозможно защитить и оградить от опасности каждого конкретного человека. ■

В ГОСТЯХ У ДОЛГОЖИТЕЛЬНИЦЫ

Старейшей из людей, сегодня живущих на нашей планете, 124 года. Она живет в Чечне. Я захотела увидеть ее, поговорить, узнать, как ей живется.

Однако долгожителей, как это ни удивительно, в Чечне оказалось много. Поиски прославленной Пасихат Джукалаевой привели меня сначала в Шатой к Хаве Магомедшериповой 105 лет, которая в феврале посетила святую Мекку в Саудовской Аравии и, совершив хадж, благополучно возвратилась домой. Узнала я и о 119-летнем старике, который недавно женился, и об аксакале без малого восьмидесяти лет, которому 20-летняя жена подарила дочку...

Ту, кого искала, я нашла в совхозе «Родина» Грозненского сельского района.

Маленький дворик, два ветхих домика. Дверь мне открыла старушка лет восьмидесяти.

– Вы Пасихат Джукалаева? – удивленно спросила я.

– Нет. Я ее дочь. Меня зовут Ам. Нана (мама) дома. Входите...

Меня приветливо встретили хрупкая, немногословная Пасихат, «матриарх планеты» собственной персоной, и ее внучка, пятидесятилетняя Асет.

Тесная комнатенка, убогая мебель, местами проваливающийся пол, скрипучая дверь и окна в выщербленных рамах выглядели более чем скромно. Единственный, с позволения сказать, предмет роскоши – инвалидная коляска, которую подарили Пасихат представители ОРГ и РТР.

– Да, тесновато, но мы привыкли. У многих в Чечне сейчас

и этого нет, – сказала внучка, которая после развода с мужем вот уже много лет живет здесь, ухаживая за бабушкой, и вынуждена спать на полу: вторую кровать поставить негде.

А дочь Ам ютится по соседству в двухкомнатном домике с замужней дочерью и внучкой. Мужа она похоронила давно, в 1976 году.

Пасихат сидела молча. Мне сказали, что она плохо слышит. Я подошла к ней поближе, поприветствовала. Она очень дружелюбно ответила и, заботливо придвигая стул, сказала:

– Не стой, садись, садись вот сюда.

А внучку попросила поставить чай и разогреть обед. «Девочка с дороги, наверняка голодная».

Вот оно, чеченское гостеприимство 124-летней бабушки! Мне стало стыдно, ведь всего за несколько минут до того я спрашивала себя, в рассудке ли она.

На правое ухо Пасихат надели слуховой аппарат, и я стала задавать свои вопросы.

Если бы не надобность получить паспорт нового образца, вряд ли мир узнал бы о ее существовании. Первым оповестил СМИ о долгожительнице начальник паспортного стола. Удивление его сотрудников, увидевших дату рождения, понять можно, но ошибка, допущенная при записи фамилии непростительна – Джукаева вместо – Джукалаева.

Родилась Пасихат высоко в горах – в селе Тазбич Итум-Калинского района, в 1881 году, в многодетной семье – у нее было три брата и четыре сестры. Принадлежит горному тайпу Чанти (Ч1аьнти).

Сама Пасихат на вопрос «А когда вы родились»? отвечает так:

– Я родилась, когда детей заворачивали в овечьи шкуры, тогда еще не знали, что такое пеленки.

Замуж вышла приблизительно лет в двадцать за местного парня. Родила ему шестерых детей – двух сыновей и четырех дочерей.

В феврале 1944-го вместе со всеми чеченцами была выселена из родного дома, и ее с детьми долго везли в чужой край. По дороге от голода и холода скончалась двухмесячная дочь Песи.

Еле живую, с истощенными детьми ее поселили в селении Эмба Джурунского района, Актюбинской области, в республике Казахстан.

Жизнь на чужбине была трудна... Здесь она похоронила старшего сына Мовлу и шестилетнего Вахита – малыш попал под поезд.

В 1976 году Пасихат возвратилась в Чечню. Поселилась в совхозе «Родина» Грозненского района, хотя всегда мечтала вернуться в родные горы. Но строить дом было некому... Теперь только вспоминает: ее дочь Халимат поглотила земля, когда она добывала известь на полутораметровой глубине. Похоронила всех братьев, сестер. Так шли годы... Долгие годы рождений, смертей и похорон...

О том, что происходит сегодня в Чечне, говорит с болью... Столько крови безвинных людей... зачем? Почему? Простит ли Аллах?

Пасихат побывала в трех веках – родилась и вышла замуж в девятнадцатом, прожила весь двадцатый и вот перешагнула в двадцать первый. На вопрос, изменился ли мир в этом новом столетии, каким он стал, отвечает:

– Мир стал другим – злым, агрессивным, безнравственным. Традиции, обычаи, в которых я воспитывалась, мало кто соблюдает. Мужчины другие, женщины распушенные, дети знают больше, чем сегодня я. Молодежь другая. Я вот внуков и правнуков ругаю за нескромную одежду, раскрашенное лицо, громкий смех, непокрытую голову...

На глаза у нее то и дело наворачиваются слезы – она все возвращается к самому горькому: к утратам, выпавшим на ее долю. Ведь все, кто смолodu был ей близок, лежат в земле.

– Я их всех пережила. Зачем? Я не роппу на судьбу, но к чему мне это никчемное тело, которое еле двигается? Старая я стала, очень старая, не та, что была... Но Аллах не забирает меня к себе. Значит, время еще не пришло. И я смиренно жду своего часа. Не хочу мучить детей, внуков, правнуков, хотя последние меня и не знают, – обиды прорывается в голосе Пасихат. Ее тихая речь, еле различимые слова с каждой минутой все невнятнее. Кажется, будто подавленный вопль распирает ей грудь. Взгляд становится отчужденным. Все ее тело на мгновение замирает, лишь слезы, в молчании стекающие по щекам, выдают ее боль. Она ловко, торопливо их утирает, стараясь, чтобы никто ничего не заметил. Не желает показывать окружающим свою слабость. В эти минуты, поймав мудрый взгляд ее серых глаз, начинаешь понимать, не вполне, но хоть отчасти, что пережила эта женщина, как принято говорить, на своем веку, хотя ее-то испытаниям больше ста лет. Догадываешься о страданиях, о сверхчеловеческих тяготах, которые судьба свалила на ее хрупкие плечи и беззащитную душу. Пасихат прожила куда какую нелегкую, но чистую жизнь. Ее любят дети, уважают соседи. О ней отзываются, как об очень доброй, милосердной, трудолюбивой и аккуратной женщине, которую усталость столь долгих лет не отучила отзываться на чужую боль.

Она овдовела в шестьдесят три года, осталась без опоры, своего самого родного человека Мажи. Воспитывала детей, содержала огород, скотину, стряпала, убиралась, шила. Всего лишь полтора года назад она еще вела не по годам активную жизнь: кроила и шила платья себе и другим – с детства привитое умение. И пока она могла трудиться, старость не тяготила

ее так, как сейчас. Страдая от собственного бессилия и хлопот, как ей кажется, причиняемых окружающим, вынужденных теперь ухаживать за ней, она часто сетует, что зажила на свете... В конце 2002 года она, подвернув ногу, очень неудачно упала, получила открытый перелом коленной чашки. Когда ее привезли в больницу, врачи то ли потому, что престарелая пациентка не в состоянии им заплатить, то ли действительно считая (как они сказали ее внучке), что «она слишком старая, кость вряд ли срастется», не оказали больной должного внимания.

Пасихат ежедневно сама массирует себе ногу, и через пару месяцев кость все же срослась, но неправильно. Уверенно ступать на нее теперь невозможно, однако мужественная женщина все равно старается передвигаться самостоятельно. В инвалидную коляску садится редко – не любит.

Она и теперь, как поступала всю жизнь, поднимается чуть свет, умывается, чистит зубы – протез и будит внучку, приговаривая:

– Вставай, не пристало женщине так долго спать, проспишь все на свете, кто рано встает, тому Бог подает!

По внучкиным словам, со здоровьем у бабушки проблем нет. Разве что изредка суставы заноют или желудок беспокоит. Она ни разу не слышала, чтобы бабушка стонала или жаловалась. Единственное, из-за чего они подчас ссорятся, это бородавка на щеке у старухи: внучка ее лечит, а Пасихат все норовит сковырнуть, не дает зажить, говорит «она мне мешает, бородавки на лице не смотрятся». В общем, она по-горски здорова, аппетит хороший, не привередлива нисколько – ест все то же, что и семья. Любимое блюдо – «жигиг галнаш» (галушки с мясом). Причем галушки предпочитает не из кукурузной муки, как большинство стариков, а из пшеничной. Воду любит пить холодную. Зато чай, напротив, горячий с шоколадом, да не просто каким ни попадя, а с классическим темным «Бабаевским». Газированных напитков не признает, но может выпить сок. Не любит цветных нарядов. Любимое платье в горошек. Цвет предпочитает белый. Очень любит чистоту, в том числе моральную – строгая поборница нравственности во всем. Не одобряет толстых женщин, говорит, что женщина должна быть стройной, изящной. Внучка Асет жалуется, что и ей часто от бабушки достается: «не так одеваешься, не так красишься... зачем вообще нужны краски? Все должно быть естественным, вот когда я была молодой...» Во всем ставит в пример себя. Хочет, чтобы всё было по ее и все поступали, как она. Ложится рано, встает чуть свет. «После шести, самое позднее семи часов вечера ничего не ест и меня приучила», – говорит Асет.

Пока мы общались с внучкой, смотрю, Пасихат что-то приуныла. Сидит такая грустная... И мной овладело сильное желание вывести ее из этого состояния. Я сказала, что она для своих лет хорошо выглядит:

– Наверное, в молодости вы были очень красивы? Расскажите, как вы впервые встретились со своим мужем. Он вас долго добивался?

В глазах Пасихат блеснула искорка:

– Да, я смолodu хороша была. Высокая, стройная. Мне тогда было девятнадцать лет. Он – из местных, рослый, статный мужчина из уважаемой семьи. Его звали Джокалийн Мажа (то есть Мажа, сын Джокалия). Свидания, как бычий велит, происходили либо в доме знакомых, либо у родника в горах. Я надевала свое красивое глабали (нарядное платье, украшенное вышивкой – традиционным национальным орнаментом). Меня на свидания сопровождала подруга или родственница. Он приходил с другом.

– И вы общались при свидетелях?

– Нет. Они, согласно вайнахскому этикету, здоровались друг с другом, справлялись о здоровье родных и близких, а потом отходили в сторону, давая нам возможность потолковать наедине. В основном говорил он. Я стояла, не поднимая глаз, и как можно короче отвечала на его вопросы.

Пасихат с дочкой Ам, с внучкой Асет и с правнучкой Дашо

Между разговорами я фотографировала бабушку. Ей нравилось такое внимание. Она с удовольствием, самостоятельно меняла свои наряды. И перед каждым кадром выпрямляла плечи, аккуратно разглаживая складки платья. Казалось, в эти мгновения она снова: как встарь, чувствовала себя красивой... Когда я дощелкала почти всю пленку, она попросила внучку показать мне фотографию, где она еще молодая – всего лишь шестидесяти лет.

Теперь Пасихат стала очень популярна. Ей посвящают

стихи и пишут письма из-за границы. Ею гордятся соотечественники. Кто к ней только не приезжает! У нее побывали представители всех местных, российских и зарубежных СМИ. Приезжали еще какие-то люди в галстуках, которые, уходя, попросили внучку и дочь (пятидесяти и семидесяти семи лет) сохранить им должностную печать.

Каков цинизм! Выражают заботу, поручая ее тем, кто и без того делает все, что может, но чтобы улучшить условия ее жизни, никто даже не заикнулся. А это так нужно, так остро необходимо им, всем трем! Это видно невооруженным взглядом всякому, кто здесь побывал.

Когда я прощалась, дочь Ам обратилась ко мне с горячей просьбой:

– Вы уж скажите там, пожалуйста, кому следует, чтобы нам, как старым одиноким женщинам, хлеб опять бесплатно выдавали!

Дело в том, что полгода назад им прекратили выдачу хлеба, а когда они спросили, почему, получили лаконичный ответ: «Вам не положено».

Важным людям из правительства и СМИ женщины, видимо, не решились пожаловаться на эту обиду. А просят-то они всего ничего.

Французы свою Жанну-Луизу Кальме, дотянувшую до 122 лет, берегли, почитали за символ нации. А что же мы? Мы старейшую жительницу планеты не можем даже обеспечить хлебом насущным...

Тамара АХТАЕВА
Грозный – Москва

Кавказ славится долгожителями, но явление Пасихат Джукалаевой, которой по свидетельству Грозненского паспортного стола ни много ни мало 124 года, потрясает.

Возможно ли такое?

Мыслимо ли хрупкой женщине дожить до таких лет и оставаться в полном разуме, сохранить адекватную реакцию при общении с внешним миром, с аппетитом есть, со вкусом одеваться (!), посылить участвовать в событиях, происходящих вокруг – видеть, понимать и здраво судить. Она только слышит плохо, что, вероятнее всего, происходит от недостатка заботы со стороны медицины.

Мало сказать – недостатка: медицина не уделяет Пасихат никакого внимания. Да и откуда ему взяться при тех обстоятельствах, в которых старейшая жительница планеты провела все эти 124 года и находится по сей день?

Родилась в высокогорном чеченском ауле, прожила там не менее полувека – вышла замуж, родила шестерых детей, делала все, что должна делать крестьянка, а повидала сколько!

Предреволюционное брожение, революция, ожесточенные бои гражданской войны, которые происходили и совсем рядом, в ее родных горах, затем перестройка сельской жизни на новый советский лад, коллективизация, так и не понятая, не принятая чеченцами. В эти годы росли дети, дочек выдавала замуж, сыновей женила, устраивала их отдельную жизнь, встречала первых внуков... Грянула Великая Отечественная, ушли на фронт все молодые мужчины села, сыновья и зятья. А там – смерть мужа, вдовья доля, правда, тогда ей уже было за шестьдесят...

И вдруг новое, нежданное, нежданное и, главное, непостижимое бедствие: всеобщее выселение неведомо куда. Сначала грузики с наскоро собранным скарбом, потом телячьи вагоны, долгий путь в стуже и голодухе, со смертями без похорон, под надзором солдат со штыками наперевес. Привезли и бросили в огромной, без гор и рек чужой степи. Другой народ, другой язык...

Рассказывая о своей жизни, она ошибается в датах и событиях: путает гор своих детей, рожденных в начале двадцатого века, с внуками, затем с правнуками, праправнуками. Ясно запечатлелись в памяти лишь их болезни, смерти от недугов и несчастных случаев... Зато она отчетливо и радостно, в мельчайших деталях вспоминает первые встречи с будущим мужем, помнит, что чувствовала тогда, в свои девятнадцать лет, еще в девятнадцатом столетии. Это было счастье. Кажется, единственное в ее жизни. Дальше потянулась череда непрерывных забот, хлопот, старания накормить домашних, обустроить быт... – все 124 года без передышки.

Вы только подумайте – наша современница Пасихат видела три столетия! А кого это волнует, кто проявляет заботу об этой необыкновенной женщине?

Могут возразить: до нее ли сейчас в Грозном, в Чечне, где, что ни день, гремят взрывы, автоматные очереди, гибнут молодые здоровые люди... Повезло, мол, бабке – живет и живет, помирать вроде не собирается.

Да, редкостной жизненной силе старой горянки можно позавидовать! Мало кому столько дано, однако попробуйте вообразить, дорогие соотечественники, как носились бы с Пасихат, будь она гражданкой одного из тех государств, где столь удивительный феномен оценили бы по достоинству! И не надо говорить, что нам-де «не до жиру»: в любой стране, даже не самой процветающей, если ей не безразлично здоровье и благополучие своих граждан, власть просто обязана обратить внимание на подобное чудо долголетия. Ученым, психологам, врачам сам Бог велит изучить ее организм, проанализировать образ жизни, да, вероятно, и мироощущение, привычки, правила, которых она придерживалась столько лет. Администрация же обязана взять под контроль ее жизнь, проявлять поистине неусыпную заботу о ней. Ведь Пасихат Джукалаева, как, впрочем, и другие долгожители, перешагнувшие рубеж столетия, не просто рядовые граждане республики Чечня и всей Российской Федерации. Эти люди – наша гордость, наше богатство, общее достояние. А у Пасихат даже и хлеба, говорят, не вдосталь. В голове не укладывается. Если так, нам должно быть стыдно. Всем!

Редколлегия

ГОЛОС БАНЫ

Кто не забыл античных мифов, помнит, конечно, и этот, один из самых известных – о Кассандре, троянской царевне, наделенной пророческим даром. Она оплакивала грядущие бедствия родного города, она предупреждала, но люди ее не слушали. Вечная драма одинокого прозорливца, тщетно взывающего к самонадеянным слепцам.

Читая сегодня стихи и прозу Баны Гайтукаевой, ее кроткие увещевания, призывы к доброте, разуму, терпению, душераздирающие жалобы и безутешные неистовые плачи о горькой судьбе Чечни, трудно поверить, что все это создавалось не вчера, что автора уже одиннадцать лет нет на свете.

Мои рассуждения о творчестве Баны могут показаться взглядом стороннего наблюдателя. Да, мне, увы, не посчастливилось лично знать ее. Но ее поэзия – а в данном случае я бы назвала так и то, что лишь по сугубо внешним признакам можно определить как прозу, – глубоко и на всю жизнь поразила меня. Возвышенная чистота души, отразившейся в этих сильных и бесхитростных строках, мера запечатленного в них страдания едва ли под силу сытому человеку, укrywшемуся под сенью цивилизации, в тепле и спокойствии. Бана внушает невольную робость, она кажется святой, а ведь совестно прикасаться к святости. Слишком остро чувствуешь собственное несовершенство, это смущает. Но поэзия Баны не к одним праведникам обращается, она великодушна, и грешник не перестает быть ей братом...

Мир прекрасен. Мы то и дело забываем об этом, и все же несмотря на природные катаклизмы и распри народов, на вражду, людские склоки из-за власти и денег, наперекор всем подспудным козням и кровавым разборкам Божий мир все еще хорош. Может статься, благодаря тем немногим, которые способны согреть окружающую выстуженную атмосферу, заставить безответственных задуматься, вернуть заблудших на правый путь. Судя по свидетельствам знавших Бану, она была именно такова. Похоже, ее любили все вокруг.

Сходство с Кассандрой бросается в глаза, однако же оно не абсолютно. Бана была добрым гением Чечни. Ее предсказания не отвратили беду, но она была услышана. Ее горячее сердце, ее печально отточенное слово остались в душе народа, который ныне в страдании взывает к Богу.

Бана – непорочный, трепетный, но и отважный голос нации, тысячелетний организм которой крепок своими устоями и памятью. Такой голос может достигнуть небес, заглушив даже грохот войны. Потому что он и сам не от мира сего. Это голос высокого духа, это его плач. Такое даруется свыше...

Творчество Баны не поддается ни эстетскому смакованию, ни сухому академическому разбору. Пытаясь хладнокровно насладиться ее красотою или проанализировать ее структуру, неизбежно попадаешь под власть этой поэзии. И твоя душа плачет о страданиях родины, и твое сердце наполняется то непреклонным мужеством, то нежной любовью к ее хрустальным родникам, к брату, матери, сородичам, другу. Оттого и эта моя попытка взглянуть со стороны заведомо неисполнима – Бана становится родной, близкой каждо-

му, кто вступает в магический круг ее поэтических образов.

Царевне Кассандре было суждено увидеть въявь все то, о чем она тщетно пыталась предупредить своих соплеменников: кровь, пожары и руины, разрушенную Трою, гибель близких. К Бане Гайтукаевой, которую недаром порой называют «любимицей Бога», судьба оказалась милостивее. Она, которая мучительно содрогалась при одном звуке выстрела, не услышала автоматных очередей и грохота рвущихся снарядов и бомб, не увидела танков, посланных для усмирения «непокорных». Не допустил Господь. Ее не стало за несколько месяцев до этого кошмара.

Медленно рассеивается серый смог над опаленной Чечней.

Но он рассеется.

Пока исцеление кажется мечтой. –

Но оно наступит.

Это – главное, и чистый голос Баны останется с нами. Он помогает уверовать в оздоровление нации – физическое и духовное.

Замечательно, что появилась книга Баны Гайтукаевой. Пусть ее читают люди всех стран. Пусть узнают ее у нас, в России, где найдется много родственников ей душ.

Ее любят все.

Инна БЕЛЯЕВА-АРСАНОВА

Книга Баны Гайтукаевой издана в рамках проекта «Института толерантности» ВГБИЛ при поддержке Института «Открытое общество» – Фонд Сороса, России и журнала «ДОШ».

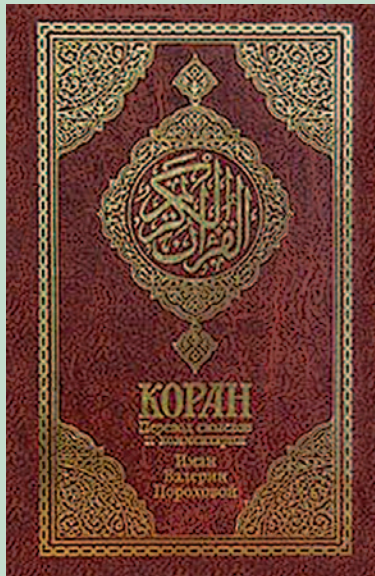
ИМАН-ВАЛЕРИЯ ПОРОХОВА:

Я СЧАСТЛИВА, ЧТО УСПЕЛА СТАТЬ МУСУЛЬМАНКОЙ

*Творцу молитесь; он могучий,
Он правит ветром; в знойный день
На небо насылает тучи,
Дает земле древесну сень.*

*Он милосерд: Он Магомету
Открыл сияющий Коран,
Да притечем и мы ко свету
И да падёт с очей туман.*

А.С.Пушкин Подражание Корану

Удивительно, но будь Иман-Валерия Порохова современницей А.С. Пушкина, я бы сказал, что он написал это, подражая ей. Коран пытались, да, именно пытались перевести на русский язык и Г. Саблуков и И. Крачковский. Отдавая должное этим двум авторам, я не могу назвать иначе как попыткой их перевод по сравнению с переводом Пороховой. С её легкой руки Коран зазвучал наконец-то и на русском языке, волнуя и пленяя миллионы сердец, как он доселе делал это только на арабском.

Иман-Валерия Порохова – женщина известная и почитаемая во всем мире, особенно в мусульманском. Действительно, остаться равнодушным и не прочитать ее невозможно.

Если вы хоть раз читали перевод Смыслов Корана В. Пороховой, вы сами все поймете. Труд, вложенный ею, хрупкой женщиной, в этот перевод, неимоверно велик.

Помимо труда, в него, как говорит сама Иман, вложена часть ее души. Наверное, именно поэтому перевод Смыслов Корана Пороховой так легко ложится на ум, так завораживает сердца. Мы долго говорили с ней на разные темы. Мы беседовали об Исламе, о женщине в нём и о многом, многом другом. Эту беседу мы приводим здесь с некоторым сокращением...

Валерия Михайловна, ваш перевод Смыслов Корана на русский язык стал своего рода эталоном для переводов, он уже признан всеми авторитетными исламскими богословами как самый достоверный из существующих переводов. До вас Коран переводили на русский язык несколько раз. Еще в 1871 году такую попытку предпринял генерал Д. Богуславский, в 1878 году Г. Саблуков, и наконец, в 1963-м был опубликован перевод И. Крачковского. Что побудило вас перевести Коран на русский язык еще раз при наличии стольких предшественников? Можно ли сказать, что это было вызвано несовершенством прежних переводов?

Я бы не сказала, что мое решение перевести Коран на русский язык как-то связано с несовершенством переводов Г. С. Саблукова или И. Ю. Крачковского. Любой перевод всегда отличается от оригинала – это неизбежно. Просто мне хотелось, чтобы Коран был переведен на рус-

ский язык не человеком, как говорится, со стороны, а именно уверовавшим в то, что он проповедует. Только так можно передать его суть, его смысл без предвзятости и предубеждений. Коран – не книга, которую можно перевести просто филологически, это совокупность Божьих законов, охватывающих все сферы жизни на все времена. Это вечная книга. Что касается моей работы, я в отличие от традиционно академического перевода старалась эмоционально и стилистически приблизить его к оригиналу, чтобы хоть в какой-то мере погрузить русскоязычного читателя в живую атмосферу стиха Господнего, хотя думаю, что никакие переводы, даже все они вместе взятые, не смогут передать Божественной красоты аятов Корана.

А как вы пришли к Исламу? Поговорка гласит: не терявший не поймет, потеряв и нашедшего. Что вы чувствовали, когда настал этот миг? Можно ли вообще объяснить это словами?

Я читала Коран, и в какой-то момент ощутила некое

озарение, охватившее меня изнутри. Всем сердцем я чувствовала, что я мусульманка и нет в этой священной книге ни единого слова, с которым моё сердце было бы не согласно. Я так хотела на весь мир произнести шахаду (Ла илаха иллаллах, Мухаммаду расулуллах – то есть нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его – Слова, обязательные при принятии Ислама, – прим. автора), чтобы все люди узнали об этом! Я нашла, нашла-таки истину! Я так была счастлива, что успела стать мусульманкой в этой жизни, что успела придти к единобожию. Не знаю, как это передать. Слова здесь точно бесильны. Да я и не хочу это описывать, наверное, такое каждый переживает по-своему. Это когда тебе очень хочется плакать от счастья и не знаешь точно, что именно с тобой происходит...

В Коране, в суре Нур сказано, что лучшее из одежий для вас – таква. Это слово, то есть таква, трактуется богословами по-разному – кто говорит, что это джилбаб, кто считает, что это паранджа, а некоторые полагают, что это вообще следует понимать в переносном смысле. Хотелось бы узнать ваше мнение на этот счёт.

Во-первых, должна заметить, что я не претендую на роль духовного авторитета. И все, что я скажу, – это мое сугубо личное мнение, сформированное на основе тех знаний, которые я черпала из Корана и его тафсиров, сделанных такими почитаемыми в исламском мире людьми как ат-Табари, аль-Куртуби, Ибн Касира, Саид Кутб и т.п.

Во-вторых, никакой паранджи и чадры в Исламе нет. В 24-й суре Корана сказано: И пусть набрасывают шаль на голову и на грудь И никому свои красоты не являют, Кроме своих мужей, своих отцов.. (Нур/31), а чтобы лицо закрывали, об этом в Коране не сказано нигде. Более того, в той же суре в 60-м аяте, а также и по Сунне Пророка Мухаммеда (а.с.), старым женщинам, потерявшим интерес

и всякую надежду на замужество, даже разрешено не носить хиджаба, то есть накидки поверх одежды.

А ношение черной одежды женщинами-мусульманками на Ближнем Востоке – это тоже один из постулатов Ислама?

Черная одежда, которую женщины носят, в частности, в Саудовской Аравии, в Иране и в большинстве арабских стран, как говорится, их проблема. Я это сказала даже чрезвычайно влиятельному правителю одной из исламских стран. Черный – это цвет траура. Согласно Корану, насколько я знаю, траур по усопшему длится ровно 4 месяца и 10 дней, а ношение черной одежды в течение нескольких столетий – всего лишь дань национальной традиции.

Никто не имеет права налагать запрет на то, что разрешено Аллахом, кроме него самого. Никто не вправе запрещать женщине красиво одеваться и носить украшения. Ведь в Коране Аллах говорит: Кто наложил запрет на прекрасные дары, которые я посылаю для тех, кто в меня уверовал? В кругу семьи женщина может носить все, что угодно, чтобы понравиться своему мужу. Но на улице или в присутствии мужчин не из семейного круга одежда женщины-мусульманки не должна быть облегающей, ибо, как написал Аллах в Коране, всему, что может возбудить сексуальные желания мужчины, надлежит быть закрытым (см. суру Нур/31). Одевайтесь красиво, но в тех рамках, что определены Всевышним.

Тогда сразу возникает следующий вопрос: можно ли заставлять женщину, будь то жена, сестра или еще кто-либо из родственников, насильно надевать платок, чадру и т.п.?

В Коране сказано: Аллаху угодно только искреннее обращение к нему. Неискренность неприемлема пред лицом Аллаха, потому что это не что иное как лицемерие. А лицемерие, я вам скажу, большой грех. Те, кто насильно принуждают кого-либо надевать платок или молиться, лице-

рят, сами того не осознавая. А те, кто творит молитву или надевает платок под чьим-то давлением или из страха перед смертным, но не оттого, что боится гнева Аллаха, должны знать, что тем самым они лицемерят уже в открытую. Никто не вправе насильно заставлять другого. Каждый должен решать такие вещи сам, исходя из своего собственного волеизъявления. Человек должен прийти к истине сам, добровольно, всем сердцем и душой. Только такое благочестие приемлет Всевышний. Ла икраха фидин — в религии нет насилия, гласит 2-я сура Корана. Вот главный постулат Ислама. Ислам — религия мира, а не насилия и войны.

Допускает ли Ислам, чтобы женщина работала? И если да, то существуют ли какие-либо ограничения в этой области?

Разумеется, она может работать. Только надо согласовывать это с мужем. Воспитание детей — тоже большая и трудная работа. Поэтому если семья — многодетная, воспитывать их — главный, самый ответственный труд женщины. Больше скажу: если позволяют средства, муж должен нанять жене помощницу: Ислам того требует.

Насчет ограничений в каких-либо сферах. Естественно, что мусульманка не может работать в развлекательном шоу-бизнесе так же, как не может работать в этой сфере и мужчина-мусульманин. Но в производительной сфере никаких ограничений нет. Важно только, чтобы работа женщины не была связана с большими физическими нагрузками. Везде в СМИ дело представлено так, будто женщина в арабском мире и, в частности, в Иране, бесправное, второсортное существо. Ничего подобного! Я была во многих арабских странах, в Иране в том числе, и скажу вам, что на престижных местах во всех сферах, где физические нагрузки невелики, будь то редакции газет, банки, преподавание в университетах, работа в музеях, в госучреждениях, — везде много служащих-женщин. Женщины там занимают огромную социальную нишу.

Давайте поговорим о полигамии, то есть о многоженстве. Почему-то все уверены, что у правоверного мусульманина должно быть именно четыре жены, — это действительно предписано Кораном? Насколько женщина может и должна с этим мириться?

Многобрачие так же, как и единобрачие, — естественные состояния человека. Незаконное многобрачие, по моему, хуже узаконенного, так как первое толкает мужчину на притворство и развивает в нем лживость. Истинное единобрачие есть идеал и совершенная форма человеческой любви. В 4-й суре (Ниса) Корана в 3-м аяте сказано: Берите в жены тех, которые любимы вами, (будь то одна, иль) две, иль три, или четыре, но если есть в вас страх, что справедливости вы к ним не соблюдете, берите в жены лишь одну. Когда читаешь подобные аяты Корана, очень важно хорошо знать арабский язык.

Здесь слова насчет боязни, что справедливости не соблюдете, звучат как предостережение: а вам ее не соблюсти, берите лишь одну, ибо люди не ангелы и остаются людьми всегда. Человек не может при здоровой и добропорядочной жене ради похоти просто взять и жениться. Те, кто ссылается в этом вопросе на Пророка Мухаммеда (а.с.), должны знать, что браки, заключенные им, были в большинстве своем социально-политическими. Женясь на знатной и на рабыне, на бедной и на богатой, на христианке и иудейке, Он создавал исторический прецедент.

В наши дни полигамия может быть одобрена и разрешена в особых случаях, как, например, при сексуальной несовместимости супругов, или если женщина по состоянию здоровья не может иметь детей, или же когда речь идет о социальных и военных катаклизмах. Но даже в таких случаях согласие первой жены, согласно Исламу, играет немаловажную роль.

В СМИ очень много говорится о ваххабизме. Существует ли он вообще и правильно ли использовать этот термин в Исламе?

Ваххабизм — это религиозная доктрина, имеющая в своей основе прекрасную идеологию и очень кровавую стратегию. А раз стратегия кровава, из этого следует, что она исчерпала себя, так как была порождена определенным временем и конкретной ситуацией. Это ситуативно-религиозная доктрина, привнесенная в Ислам Абдель Ваххабом. Он сам был исключительно порядочным человеком, его религиозная доктрина имела цель вернуть заблудших на путь истинный. Она носила временный характер и была необходима на тот период, как сказал Шейх Кардави, подобно болезненной операции, чтобы излечить организм от недуга. Но есть силы, желающие продлить эту доктрину до наших дней, хотя она исчерпала себя и всецело принадлежит тому времени и месту, где зародилась. Пролить кровь невинных людей и тем более своих единоверцев — большой грех. Аллах это запретил, о чем говорится во многих аятах Корана.

В чем отличие ваххабизма, когда он практикуется в Саудовской Аравии и когда он переносится сюда, в Россию? Там, как мы знаем, эта идеология является основополагающей, но тем не менее там нет войны, крови никто не проливает, люди живут в достатке. Почему в России он возникает только в агрессивных формах?

Это прежде всего следствие невежества. У нас очень мало образованных, по-настоящему ученых богословов. Даже в медресе много людей, крайне несведущих в Исламе. Кроме того, у арабов более традиционно-национальное понимание Ислама.

Во-вторых, как мне кажется, на просторах бывшего СССР проявления того, что мы называем ваххабизмом, именно в сугубо агрессивной форме кому-то выгодно, какие-то силы очень заинтересованы в том, чтобы дискредитировать Ислам как религию. Эти силы поддерживают и стимулируют такую агрессивность. Нам, мусульманам, надо как-то противостоять этим проидам, а не сидеть сложа руки. Прежде всего необходимо просвещаться и просвещать других.

Реалии сегодняшней жизни научили нас, к сожалению, очень многим доселе несслыханным терминам. Скажите, «смертник-шахид» каково его место в Исламе и есть ли оно вообще?

Во-первых, шахид — это человек, отдавший свою жизнь на пути Аллаха и за веру. Воздаянием ему, как сказано в Коране, является рай, потому что он не пожалел даже своей жизни за веру и ради Всевышнего. Смертник же — человек, идущий на самоубийство, заведомо зная, что он убивает не только врага, но и себя. Самоубийство Ислам запрещает как большой грех и над самоубийцей не читается поминальная молитва. А уж тем более, если человек взрывает вместе с собой мирных людей — это уже смертный грех. Ислам — религия, никоим образом не проповедующая и тем более не подстрекающая верующих на совершение таких действий. Хотя СМИ именно так это и преподносят. Нет! Скорее всего люди, идущие на такой шаг, охвачены жадной расквитаться за гибель родных и близких, ими руководит чувство личной мести. А если так, они совершают это не ради Аллаха.

Сегодня исламский мир отстал от Запада во всех сферах, хотя он и снабжает тот же Запад жизненно важными энергоресурсами и т.д.. Чем объяснить такое бедственное положение мусульман?

По моему убеждению, главная причина в разобщенности и падении общественной нравственности в мусульманских странах. Происходит заметная деградация мусульманских общин, особенно в арабском мире. Арабский мир из-

балован, развращён изобилием и богатством, которые обрушились на него в последние десятилетия. Именно поэтому он так разобщён. Материальные ценности там, к сожалению, взяли верх над духовными. Я считаю, чтобы выбраться из такого бедственного положения, Исламу нужен простор.

То есть надо побольше нововведений бид ат?

Важно определить, что под этим понимать. Ведь под бид ат стараются подгонять очень много чего. Я думаю, здесь прежде всего боязнь определенного круга людей выпустить из рук власть и влияние на Ислам. Таким образом его хотят монополизировать и прибрать к рукам. К примеру, сегодня Ислам как бы централизуется в Саудовской Аравии, ведь две из трёх святынь нашей религии находятся именно здесь. Другие мусульманские страны не хотят мириться с таким положением вещей, когда лидирующая исламская страна погрязла в нечисти и допустила к святым местам откровенно враждебные Исламу силы. Однако узурпировать Ислам непозволительно никому – это религия, посланная всем народам и на все времена, без географических, временных либо национальных ограничений или государственных границ.

Валерия Михайловна, богослов хоть и благородная, но в миру не очень благодарная профессия. Быть богословом трудно, а женщине вдвойне. Почему вы пожелали стать именно богословом?

Когда я читала переводы Корана на английском и немецком языках, я была просто ошеломлена глубиной его содержания. Коран пленил моё сердце, и я подумала: неу-

жели другим, тем, кто знает только русский язык, останутся неведомы суть и смысл этого Божьего послания?! Я услышала что-то вроде зова души. Именно тогда у меня и возник этот смелый замысел: я решила взяться за перевод. Возможно, что благодаря этому я и стала тем, кем являюсь сегодня. Но я не претендовала на полное воспроизведение Корана, истощающее его перевести может только сам Аллах. Я же недаром на всех своих трудах в обязательном порядке пишу Перевод Смыслов Корана, а не просто Перевод Корана. Моей главной задачей было донести до людей, не знающих арабского языка, именно не искаженную суть и смысл Корана. Надеюсь, что это у меня получилось.

Когда вы говорите или читаете аяты из Корана, я заметил, вы всегда улыбаетесь. Почему?

Мрачное лицо – не по-исламски. Это упрек Всевышнему за созданные обстоятельства. Пророк сказал (а.с.): если вам нечего подарить, то дарите людям хотя бы улыбку. Поэтому что угрюмое лицо распространяет вокруг себя уныние, а улыбающееся сеет доброту. Когда я была в 1992 году в Грозном, студенты из ЧГУ задали мне точно такой же вопрос. Я открываю Коран и вдохновляюсь, читая его, я улыбаюсь от радости. Я теперь всегда, всю жизнь буду улыбаться. Я приняла Ислам, я встала на правильный путь. Я так счастлива, что успела стать мусульманкой! Успела сделать это в этой жизни, поправить всё! Чувство, что я теперь на верном пути к Аллаху, наполняет меня радостью. Да, я теперь всю жизнь буду улыбаться, не устывая. ■

Беседу провел И. Курбахажиев.

Ася МУРТАЗАЛИЕВА

ТАЛАНТ РАДОСТНЫЙ И ЧЕЛОВЕЧНЫЙ

Дом, где живет известный писатель Хож-Ахмед Берсанов, в Шаами-Юрте знают все. И кто бы ни пришел сюда с визитом, его радостно встретит гостеприимный хозяин. Он уже в летах, но сохранил твердый уверенный голос, а до общения с людьми жаден по-молодому.

В этом селе прошли первые годы жизни писателя. Детство сельского мальчишки, отличавшегося от своих сверстников лишь чрезвычайной любознательностью.

Эта пытливость, упрямая жажда знаний привела его в школу-интернат в Серноводске. Здесь он учился, одолевая программу двух классов за один учебный год. И, оказавшись среди старших по возрасту, снова становился лучшим в классе по всем предметам.

Отца Хож-Ахмед потерял очень рано. Он почти не помнит его.

Знал о нем лишь по отзывам людей: Берси Ахмат был для многих непрекрасимым авторитетом. Люди, попавшие в сложную житейскую ситуацию, частенько шли к нему за советом, а он охотно помогал разобраться, в просьбах не отказывал.

Матери Хож-Ахмеда Зану выпала нелегкая доля одной растить четверых детей.

Хож-Ахмед жалел ее, старался во всем помогать. Иногда, соскучившись по ней, он, не дожидаясь выходных, пешком через вечерний лес добирался из Серноводска в Шаами-Юрт.

Эти места он с детства знает наизусть. Часто в суровой казахстанской ссылке ему снились березы, растущие в окрестностях села, и речка Шалажинка.

Односельчане вспоминают, как, вернувшись из Казахстана в родные края, тогда еще молодой Хож-Ахмед на полпути вышел из машины, нырнул в речку, у которой так тосковал, и вплавь добирался до своего села, хотя весенняя вода была еще очень холодной...

Но жизнь сложилась так, что

осесть все же пришлось в городе. Хож-Ахмед успел получить диплом и в Казахстане работал по своей специальности – главным зоотехником в совхозе, заведовал конефермой. Тем не менее, литературным творчеством он занялся еще там, ощутив с особой остротой сладость родного языка, необыкновенную любовь к нему. Он поступил на историко-филологический факультет Грозненского пединститута. Стал работать в республиканском Министерстве культуры.

Это было в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов – в пору всеобщего энтузиазма, надежд на лучезарное будущее и веры, что оно вот-вот наступит.

После долгой разлуки вайнахи возвращались в родные места. О той эпохе грозненская журналистка Людмила Калита рассказывает так: «Каждый день был наполнен радостным созиданием. Будто наперегонки афиши приглашали изголодавшихся по радостным впечатлениям людей то на выставку художников, то на открытие театра и премьеру известной и любимой в народе пьесы, то на встречу

с ансамблем песни и танца, то на концерт стремительно восходящего на хореографический Олимп Махмуда Эсамбаева.

Это было время буквально взрыва народного творчества. Смотры художественной самодеятельности длились неделями, а финал выливался в многоцветный народный праздник. На сцене выстраивались многолюдные хоровые коллективы».

Интерес к народным истокам одушевлял и деятельность Берсанова в области культуры. Он не только стал возрождать старые праздники (в том числе праздник ашугов — одно из самых популярных его начинаний), но и создавал, внедрял в жизнь прежде небывалые.

Множество новых обрядов и праздников с его легкой руки стали в республике традиционными. Праздник животноводов, праздники дружбы, торжественные проводы в армию — всех не перечтешь, как не сосчитать счастливых мгновений, подаренных им людям.

«Первый праздник животноводов прошел в Итум-Кале. В его подготовку включились, кроме министерства сельского хозяйства, также музеи, профессиональные и самодеятельные артисты.

И вот день праздника настал. Живописную поляну заполнили люди, она огласилась звуками песни, зацвела красочными лозунгами и плакатами. Музеи организовали выставки. Автолавки привезли продовольственные и промышленные товары, книги. На встречу с животноводами приехали писатели, лучшие коллективы художественной самодеятельности Грозненского и Советского районов.

Звуки оркестра неслись над горами, разгоняя вековую тишину. Эхо перенесло музыку через границу республики — в соседнюю Грузию, и чабаны-грузины, слышав в горах звуки музыки, прискакали в самый разгар торжества, преодолев на лошадях несколько десятков километров» — писал в 1984 году об одном из таких праздников всесоюзный журнал «Культурно-просветительная работа».

Стиль этих газетных реляций, конечно, грешит казенной пышностью, неизбежным пороком всей советской периодики. Но сами-то праздники были уже тем хороши, что дарили людям встречи в непринужденной обстановке с народными любимцами — Махмудом Эсамбаевым, Марьям Айдамировой, Валидом Дагаевым, Шитой Эдисултановым. Знакомили с творчеством новых восходящих звезд — Тамары Дадашевой, Билухажи Дидигова, Раисы Кагермановой. Здесь могли проявить себя и начинающие артисты,

для многих это был бесценный шанс.

А потом люди уходили, унося в душе пережитую радость и надеясь на новую. И Хож-Ахмед никогда не подводил: каждый следующий праздник был еще лучше, красочнее, оказывался еще более запоминающимся.

На одном из последних праздников, который проходил в высокогорном селении Борзой, присутствовали журналисты из Швейцарии, гости из Иордании. Они не могли скрыть своего восхищения увиденным.

Теперь, мысленно возвращаясь в прошлое, можно по-другому оценить те давние торжества. Это была не просто форма организованного досуга или конкурс самодеятельных артистов. Народные праздники на лоне милой с детства природы под звуки родных мелодий сближали людей, здесь происходило удивительное единение душ, люди ощущали себя частью одного целого — вайнахского этноса.

Методический кабинет Министер-

ства культуры Чечено-Ингушетии, возглавляемый Берсановым, не раз был отмечен как лучший в РСФСР.

Часто из центра приезжали представители федерального Министерства культуры для проверки работы подведомственной структуры, коллеги из других регионов тоже посещали методкабинет, стремясь позаимствовать передовой опыт. Берсанов делал все от него зависящее, чтобы гости остались довольны не только его работой. Прилагал массу усилий, чтобы они увезли с собой хорошее впечатление о республике, о народе. И ему это удавалось. Я почти уверена, что сегодня всякий, кто тогда побывал в Чечено-Ингушетии, несмотря на усилия официальной пропаганды, сохранил самые лучшие впечатления о нашем народе.

Виктор Темуркаев, который работал в те годы заведующим культпросветучилищем в Грозном, рассказывал:

— Однажды — это было в Саратове — звонят мне в гостиницу: «Вы из Чечено-Ингушетии? Хотелось бы встретиться».

Это был Васильев, заведующий методкабинетом областного управления культуры. Прочитал в афише, что приехали земляки Берсанова, с которым он был хорошо знаком, решил проявить гостеприимство и пригласил их к себе домой.

— Зная Берсанова, нельзя не почувствовать симпатию к его народу, к республике, — говорил Васильев. — Поэтому мне и с вами захотелось познакомиться поближе.

Изобретательность Хож-Ахмеда как устроителя торжеств была, надо думать, связана и с тем, что он являлся любителем и знатоком народных традиций. Не секрет, что в те времена подобное умонастроение требовало большой личной независимости. Ведь официальная советская идеология многие традиции народов страны относил к вредным пережиткам прошлого и призывала бороться против них. Министерству культуры полагалось усердствовать на переднем крае этой борьбы. Х. Берсанов, напротив, болел душой оттого, что созданные веками традиции могут исчезнуть. Он немало сделал для их возрождения и пропаганды. Использовал любую трибуну — телевидение, радио, прессу, личные встречи с молодежью, чтобы донести до нее это прекрасное наследие предков.

Как-то он выступал в одном из сельских клубов с рассказом о наших обычаях, нравах, нормах поведения и т.д. После лекции встал один молодой человек и, обращаясь к старикам-односельчанам, спросил: «Вы знали обо всех этих вещах?»

«Знали», — откликнулся кто-то

из зала. «А почему вы не учили нас этому?» — последовал второй вопрос юноши.

И тогда у Берсанова возник замысел написать книгу... Как оказалось впоследствии, именно ей было суждено стать главной книгой писателя.

«Гиллакх» — понятие, на котором зиждется нравственная основа образа жизни вайнахов. Слово «гиллакх» почти непереводимо. Примерный перевод — «кодекс чести» — дает лишь отдаленное представление о содержании этого понятия. Оно очень объемно: благородство, рыцарство — все, что возвышает дух человека, входит в этот кодекс достоинства и морали.

К несчастью, в последнее время молодежь забывает святыне для наших отцов и дедов нормы поведения. Жизнь от этого становится намного беднее, теряет былую прелесть и вкус. Мыслящие представители старшего поколения, остро ощущая эту опасность, пытаются вернуть заблудшим душам детей спасительное стремление к нравственным высотам: любви, чистоте, взаимопониманию и уважению, основанному на принципах благородства.

Есть надежда, что этой возвышенной цели послужит недавно вышедшая в Грозном книга «Гиллакхийн хазна — ирсан некъаш» («Сокровищница мудрости — пути к счастью»). Ее воздействие может стать сильнее оттого, что автор Хож-Ахмед Берсанов — такой известный в республике человек. Он часто выступает на телевидении, по радио, в печати, пишет книги для детей и взрослых — все для того, чтобы дойти до сердца каждого и подарить нам простую истину: нет для человека более достойных целей, чем вершины человеческого духа. И, не щадя себя, помогает нам, ведет по пути достижения этой цели.

Так отозвалась на публикацию республиканская газета «Комсомольское племя» в номере, вышедшем без малого четырнадцать лет назад. Мысли, выраженные в той короткой заметке, актуальны и сегодня. Отнюдь не устарела и книга, о которой там идет речь.

«Этот труд должен стать настольной книгой в каждой семье, чтобы каждый день брать ее и читать, как Суру из Корана, впитывать мудрость написанных в ней слов, очищать наши души неисчерпаемым родником доброты, который льется из строк этой книги» — такой теплый отзыв на труд Х. Берсанова прислал в редакцию «Комсомольского племени» житель села Гойское А. Исмаилов. Благодарный читатель восклицает: «Так и хочется крикнуть людям: оцените этот бесценный дар! Извлеките из этой книги для себя пользу. Очистите свои сердца!»

Наш соотечественник из Америки

Салаудин Гугаев, который одним из первых еще в рукописном варианте ознакомился с книгой Х.Берсанова, писал о ней: «Если бы эту философию перевести на все языки планеты и преподавать с первого класса детям всех национальностей, войны между народами, ненависть и презрение одного человека к другому если не исчезли бы с лица Земли, то во всяком случае намного уменьшились бы!»

Когда писались эти строки, никто и не подозревал, что через четыре года война придет на нашу землю. Война, которая продолжается по сей день.

Изданная в 1990 году тиражом в пять тысяч экземпляров, книга Х. Берсанова разошлась моментально и стала библиографической редкостью. Конечно, она не стала настольной книгой в каждой семье и дошла не до каждого сердца. А если бы дошла, как знать, может, ненависти и презрения между нами впрямь стало бы меньше.

Год назад книга была переиздана с некоторыми изменениями.

И опять разошлась мгновенно. Это тоже ведь не случайно.

Война изменила моральные приоритеты. Зло и несправедливость, обрушившиеся на нас в последние годы, ожесточили людей, произошла переоценка ценностей, утеряны нравственные ориентиры. Можно найти массу объяснений и оправданий тому, что происходит сегодня с нами, с нашей моралью. Но это не дает нам права отказываться от традиций, которые некогда тоже выковывались в суровых испытаниях, народ их создал и донес до нас сквозь века наперекор тяжелейшим невзгодам. Наш долг — сохранить все это и в свой черед донести до будущих поколений. Если эта цепь оборвется на нас, потомки нам не простят. Вот какой мыслью хотел автор поделиться с читателем в предисловии к новому изданию своей книги.

Русский поэт девятнадцатого столетия Н. Некрасов выразил свои мысли о долге литератора в известном афоризме «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Автор не повинен в том, что усилиями советской школы эта фраза превратилась в затрепанный лозунг. Однако и Джон Голсуорси, один из крупнейших английских прозаиков века двадцатого, находил, что

«Писать имеет право только тот, кого волнуют большие общечеловеческие и социальные проблемы».

Эти слова можно в полной мере отнести к Хож-Ахмеду Берсанову. Дар его жизнерадостен, но творчество для него дело серьезное, ответственное. Здесь нет противоречия. Вместе со своими соотечественника-

ми он прошел все тяжкие испытания, выпавшие на их долю и в прошлом столетии, и в веке наступившем. «Он чутко воспринимает боль своего народа и делает все, что в его силах, чтобы облегчить эту боль», — пишет в предисловии к книге «Гиллакхийн хазна — ирсан некъаш» академик, профессор, доктор филологических наук Ибрагим Алероев.

В биографии писателя есть факты, подтверждающие, что это далеко не пустые слова. Во время депортации Хож-Ахмед шестнадцатилетним подростком вместе со своими земляками участвовал в работах по восстановлению железнодорожной ветки, ведущей в Магнитогорск. Условия труда были ужасающие. Среди рабочих свирепствовал тиф. Трупы умерших выносили из барачных, закапывали в общую яму. Юный Хож-Ахмед на своих плечах доставлял заболевших на станцию, оттуда на пригородных поездах отвозил их в Караганду, в госпиталь. Сам заразился тифом. Тяжело больной, нашел в себе силы и мужество написать письмо Сталину о беззакониях, творимых на железной дороге с его земляками.

Через некоторое время из Москвы приехала комиссия, условия труда и быта рабочих были немного улучшены.

Спустя много лет Хож-Ахмеда Берсанова разыщут студенты из Казахстана, члены клуба «Поиск», и в музее Карагандинского госуниверситета появится уголок, посвященный чеченскому писателю, спасавшему в далекие сороковые больных тифом спецпереселенцев.

Был в его жизни и другой страшный февраль — февраль 2000 года. Когда в село вошли отступившие из города боевики, стало ясно, что Шаами-Юрт будут бомбить. Хож-Ахмед не покинул односельчан, не смог бросить их на произвол судьбы, хотя у него была серьезная травма ноги — поранился топором, когда колол дрова.

Вместе со всеми жителями пережил бомбежку. А на следующий день, когда в селе началась «зачистка», нашел в себе мужество защитить тех, кто мог стать невинными жертвами. Сколько молодых жизней было спасено в тот холодный февральский вечер благодаря дипломатии писателя, его мудрому и настойчивому слову!

Нет ничего удивительного в том, что человека такого масштаба окружают друзья и коллеги, также во многих отношениях примечательные

Жизнь не раз сводила Берсанова с интересными личностями, людьми с богатой биографией, сложной и драматичной судьбой. Чаще всего они и становились персонажами его книг,

таких, как «Дружба, скрепленная кровью», «По следам отца», «Стальная искра». Персонажи этих произведений, среди которых Герой Советского Союза Хансултан Дачиев, герой войны Магомед Гайсуркаев, майор Шумов из Ростова, оставались друзьями писателя до конца своих дней.

Он поддерживал тесные связи и с коллегами по перу – Магомедом Сулаевым, Ахмадом Сулеймановым (ему Хож-Ахмед Ахматович помогал составлять топонимику Чечено-Ингушетии), Нурдином Музаевым. Берсанову было суждено пережить уход из мира этих выдающихся людей, и всякий раз утрата глубоко ранила его. А вернувшись с похорон Шиты Эдисултанова, он сам тяжело захворал. К счастью, ему все-таки удалось победить болезнь.

Ныне он продолжает трудиться, считая каждую потерянную минуту прожитой напрасно. Люди удивляются его работоспособности. Он пишет не только прозу, но и стихи, поэмы, сказки, научные труды и учебники.

Мало того: Х. Берсанов еще занимается художественным переводом. Объемистый роман молодого прозаика Канты Ибрагимова «Прошедшие войны» он перевел с русского языка на чеченский чуть ли не за три месяца.

Рассказывая о Берсанове-литераторе, не пристало, однако, забывать, что он достаточно ярко проявил свой многогранный дар и как художник.

Впервые к изобразительному искусству Хож-Ахмеда потянуло еще в Казахстане – написал портрет матери и молодой жены.

Когда вернулся на родину, поглотила работа, учеба, семья – стало не до кисти.

Но как-то получил травму руки. Впервые в жизни попал на больничный. Не привыкший сидеть без дела, места себе не находил. Достал с чердака краски, привезенные еще из Казахстана. Разбавил, и краски двадцатилетней давности ожили на холсте.

С тех пор Хож-Ахмед не расстаётся с кистью. Особенно вдохновляют художника любимые с детства местные пейзажи.

Он не только рисует природу, но и изучает. Знает все лекарственные растения, собирает их, сушит. Кто бы из односельчан ни обратился к нему за помощью, в зеленой аптеке писателя найдется средство от любого недуга.

Книга «Звери и птицы родного края» – итог многолетнего изучения живой природы Чечни.

Благодаря спонсорской поддержке

Хож-Ахмед с внучкой Хавой

Саид-Эмина Умаева эту книгу получили в дар учащиеся почти всех школ нашей республики. А земляки из Турции, к которым книга попала случайно, поместили ее в Интернет, чтобы с ней могли ознакомиться чеченцы, живущие в любом уголке планеты.

Сейчас к публикации готовится учебник природоведения, составленный Берсановым – «Алаам довзар».

Рассказывая о человеке, сыгравшем столь значительную роль в культурном развитии своего народа, заслужившем у него высокое уважение, казалось бы, необходимо упомянуть о наградах и тому подобных знаках общественного признания. Однако по отношению к Берсанову эта тема представляется несущественной.

Хож-Ахмед Ахматович никогда не был карьеристом, не гнался за почетом и выгодой, не пытался выслужиться перед властями. Если бы не это редкое и благородное качество, наград, надо думать, было бы немало. Звание «Заслуженный деятель культуры», которое было присуждено ему в 1985 году, – едва ли исчерпывающая оценка труда, которому он отдал более тридцати лет жизни. Спустя еще год он был принят в Союз писателей СССР, весьма многочисленное сообщество, мягко выражаясь, не равноценных персон. Кто только в нем не состоял! Истинное признание заслуг Берсанова как творческой личности и общественного деятеля гораздо выше, это такая любовь и благодарность сограждан, какие даются немногим.

Говоря о том, что успел на своем веку совершить Хож-Ахмед Ахматович, весело вспомнить расхожую поговорку: за свою жизнь человек должен вырастить сына, посадить дерево, на-

писать книгу. Коли так, житейских свершений Берсанова хватило бы на изрядное число полноценных биографий. Что до книг, он написал около двух десятков. А домов построил целых три. Не считая тех, что строил в Казахстане, когда работа вынуждала переезжать из района в район.

И не дерево он посадил, а сад, притом не один. До сих пор, несмотря на преклонный возраст, сам ухаживает за своим садом.

Вместе с женой Аминат, которая рядом с ним вот уже пятьдесят три года, он вырастил десятилетних детей. Есть среди них и экономисты, и историки, и географы, и будущие юристы, и работники культуры. Одна из дочерей Берсанова – Залпа унаследовала почти все таланты отца. Она занимается наукой, защитила кандидатскую диссертацию на кафедре этнологии МГУ.

По итогам конкурса 2002 года Залпа стала обладателем гранта американского «Фонда Мак-Артуров». При том, что отбор был очень строгий, проводился среди 727 претендентов – видных ученых из стран СНГ, в числе которых и профессора встречались, и академики.

Сейчас Залпа работает над докторской диссертацией и занимается литературным творчеством. Две ее повести – «Я выбираю горы» и «Купленное счастье» – вышли в Москве. Третья – «Дорога домой» готовится к изданию в США. Кроме того, она пытается на должном уровне овладеть родным языком. Мечтает писать на чеченском, как отец.

Так получилось, что два последних юбилея Берсанова – 70-ти и 75-летний – пришлось на войну. Общественность Чечни не смогла отметить их так, как того заслуживает этот замечательный человек. Народ разоренного края был лишен возможности воздать должный почет автору любимых книг, да и ему самому, творцу стольких праздников, стало не до веселья. Дети хотели собраться, чтобы отпраздновать юбилей отца в семейном кругу. Но он даже этого не позволил: «Какие тут торжества, кругом столько горя!»

Хочется верить, что к его следующему юбилею в республике, наконец, воцарится настоящий мир и восьмидесятилетие Берсанова будет отмечено, как подобает...

Тогда его дети, разлученные, разбросанные войной от Франции до Камчатки, соберутся в родительском доме.

Это будет лучшим подарком для писателя. ■

БАНА ГАЙТУКАЕВА

ХЪАН ЯРА-КХ СО...

Хъан цийнах яра-кха со, Нохчийчоь, хъан цийнах яра.
 Нахана длайийца ворхле а ден це а хилла.
 Хъан царца яьхна со, Нохчийчоь, хъан царца яьхна.
 Хъешана хлоттадан комаьрша шун а сан хилла.
 Хъан юх ас ларийна сайн эхь-бехк, сайн сий санна,
 Къа доцчу сан сина теш хлотта Терк а ду сийна...
 Хъайбахехь ягийна, да вийна мостагла санна!
 Сайн кхерчах йохийна, мисккъал а бехк боцуш бийца.
 Безам а сан хилла, дуьненал лекха со хлотто,
 И тешо са оьзда клентий а сан новкъахь хилла.
 Дуьнен чохь мел болчу зударел со маьрша къасто
 Бахъана цхьаь хиллакх – со ларян къонахий хилла.
 Ткъа тахна со лаьтта хъан лаьмнийн когашкахь йоьхна,
 Хлара дуьне ладдол мохь-члогла сайн кийрахь къуьйлуш.
 Яхь йолчу сан сийца хьаг! лаьцна йилбазан мохо,
 Доккхачу дуьненчохь яржийна сан деган аьхкаш...
 Хъан къина со йилхина, блаьрхиш а чекхдевлла лекъна.
 Нохчийчоь, со йисна ца кхеташ хуьлчух тахна.
 Йилбазо члабанаш лачкъийна, йовлакх а даьхъна.
 Орцаха ялахъа! Сан сих ма хъаьрчина лаьхъа.
 Гой хуна, къийгаша гуо бина длаалаьцна стигал?
 Царна а ма гоме хилла-кха сан гларгулийн илли.
 Ас лоху сайн хилла аматаш хъан блаьвнийн кхерчахь.
 Ас лоху... Ткъа суна жоп дала цхьа а вац уллохь...

Нохчийчоь, тховса ма глайглане йоьжна хьо.
 Со-м кхета хуна хъан глайгланех.
 Нохчийчоь, ас хуна ца буьллу бехк,
 Ца глерта хьо тховса теян а со.
 Елха хьо, мохь тоххий,
 Со хьалхара йоьлхур ю хьоьца.
 Нохчийчоь,
 Кху буса, кхета со, бакьо яц ела.
 Киллоша бен члаглар мер дац тховса.
 Нохчийчоь, ло оьгу... Дарц цийза,
 Когаш а луьйра сийначу Сибреха
 Хъан бераш длахьовсош,
 Хъан кийрахь иккхинчу лазаран
 Мохь хезна, со тахана хъан къина йоьлху.
 Бакьо яц сан тховса ела,
 Нийсарой, ма билла суна бехк.
 Нохчийчоь, мохь тоххий елха,
 Со хьалхара йоьлхур ю хьоьца...

Гельеллий хьо? Кладъеллий хьо?
 Хъайн корта сан кера биллий,
 Цхьажимма садалахъа,
 Цхьажимма дог дастахъа...
 Самаьрша, дог довха,
 Куьг цлена Нохчийчоь!..

Длаелла неларш, длаелла!
 Кхин цхьа седа а
 Длабай хъан стиглара,
 Кхин цхьа узар дели
 Хъан кийрара,
 Цхьа каш совдели,
 Кхин цхьа чурт а текхийти.
 Хъан латтана.

1992 шо, Соьлжа-гӀала.

ПАРИЖСКИЕ ТАЙНЫ СУЛТАНА

Витебск, «Славянский базар» 2001 г.

В марте этого года европейских чеченцев ожидала большая радость – гастроль Тамары Дадашевой и Султана Исламова. Турне, состоявшееся благодаря совместным усилиям Бельгийской организации Рах Christi Flanders, Ассоциации Бельгийских Чеченцев и журнала «ДОШ», оставило неизгладимый след в сердцах наших земляков, ныне жителей Антверпена, Брюсселя, Дюссельдорфа, Кельна, Тулузы, Парижа, Осло и Вены.

Новая программа Тамары Дадашевой, с которой она выступила после большого перерыва, связанного с личной трагедией, и неувядающий юмор С. Исламова вызвали бурю эмоций у людей, волей судьбы оказавшихся на чужбине. Здесь были слезы умиления, восторга, гордости за землю, которая несмотря ни на что остается Родиной и посылает весть своей любви людям, истосковавшимся по ней, по ее мелодиям и поэзии, по своеобразному чеченскому юмору.

Артист театра и кино, мастер разговорного жанра, а сейчас еще – музыкант, исполнитель, да и просто любимец публики Султан Исламов рассказывает о своих впечатлениях от этой поездки.

– Европейская публика, конечно же, немного другая. Я очень волновался поначалу, когда выходил на сцену. Понимаете, юмор – это особенная

вещь, он очень специфичен, его могут понять только те, кто вырос в среде, откуда шутка происходит. Сложность еще в том, что многие шутки невозможно перевести на другой язык – теряется самобытность. В нашем случае, конечно, не нужно было ничего переводить, но я боялся, что выехавшие несколько лет назад из Чечни люди могли отчасти утратить вкус к нашему

традиционному юмору. К счастью, мои опасения оказались напрасными. С первых же минут с залом устанавливалось полное взаимопонимание. Я очень благодарен публике, меня это здорово вдохновляло.

Мое внимание привлекла еще одна особенность поведения чеченских зрителей в Европе – сдержанность. Но это поначалу. Должно быть, чопорная Ев-

ропа все-таки оказывает влияние. Но через несколько минут чеченцы становятся чеченцами, раздаются ободряющие выкрики из зала, свист, «незаменимый» на наших концертах, и все остальное, свойственное только нам.

Меня очень порадовали дети. Они отлично говорят по-чеченски, притом без употребления в своей речи русских слов, что поначалу совершенно непривычно для моего «московского» уха. И так же свободно болтают на всех европейских языках. Вообще, дети всюду «в своей тарелке», и это от радно. Они наша надежда.

В своих выступлениях я старался обыгрывать особенности жизни чеченцев в новых условиях, публика этого не ожидала и была заметно растрогана. Ведь у чеченцев в Европе сейчас несколько другая жизнь, иной быт, а следовательно, рождаются и другие шутки, которых не поймут в Москве или в Грозном.

По словам Султана, особенное впечатление на него произвел, конечно, Париж. Он, правда, и раньше бывал во Франции, но успел посетить только юг страны. А сейчас французы через Ассоциацию Бельгийских Чеченцев решили провести в Париже презентацию фильма А. Михалкова-Кончаловского «Дом Дураков», где Султан играет одну из главных ролей.

— Приехав в этот город, я понял, что значит выражение «Увидеть Париж и умереть!» Это, конечно, шутка, но Париж действительно — чудо. Ощущение, что ты находишься в Париже — чувство, ни с чем не сравнимое, оно сродни вдохновению. Да-да, такое может испытывать поэт, нашедший достойную рифму, артист, когда почувствует контакт с аудиторией. Ты находишься на сцене, а Париж — это публика! Попробуй, расслабься — она не простит.

Удивительно осознавать, что прикасаешься к стенам Нотр-Дам — Собора Парижской Богоматери, или, забравшись на Эйфелеву башню, с высоты птичьего полета окидывать взглядом этот замечательный город, а то и просто ощущать, как подошвы твоих ног соприкасаются с мостовой Монмартра, где бродили и посиживали в многочисленных ресторанчиках столько знаменитостей!

Шикарные магазины на Елисейских Полях удивляют ценами, Лувр пленяет богатством фантазии человека, сумевшего так красиво потратить деньги. По знаменитой Белой Площади я не преминул прогуляться, но в Мулен-Руж не заходил по моральным и финансовым соображениям.

Чеченцы, живущие здесь, похоже, и не осознают своей редкой удачи.

С солистом театра Пьера Кардена Стефаном РОШ

«Париж как Париж...», — говорят они. Кстати, для многих из них это вообще первый город в их жизни. Они словно бы прилетели прямым рейсом «Хасав-Юрт — Париж», без посадки в Грозном. И на меня смотрели, как на «колхозника», впервые оказавшегося в областном центре. Я прощаю им эту иронию. Пусть они тоже меня простят!

Почти все чеченцы знали, что Султан снялся в фильме А. Кончаловского «Дом Дураков», но не всем удалось его посмотреть. Тем понятнее было желание земляков послушать об этом фильме, получившем Гран-При на международном кинофестивале в Венеции, Премии организации «Кино за мир» и Премии ЮНИСЕФ.

— Я очень счастлив, что мне довелось работать с таким выдающимся режиссером и человеком как Андрей Кончаловский, с не менее замечательной актрисой и женой Андрея Сергеевича — Юлией Высоцкой. На съемочной площадке неизменно царила атмосфера взаимопонимания, и уважение также было взаимным. Андрей Сергеевич — настоящий художник, и он дает артисту возможность свободно выразить себя, советуется с ним, прислушивается к его мнению.

Фильм очень сложный для восприятия. Зритель сегодня избалован боевиками, сериалами, которые можно смотреть без малейшего умственного и душевного напряжения. Там не нужно, не о чем думать. А здесь это как раз необходимо. Картина не навязывает зрителю какую-то определенную мысль, но побуждает к размышлению о многом. У каждого свое восприятие, оттого и впечатления о фильме, конечно, самые противоположные, вот и хорошо.

Не скажешь, что это-де фильм о Чечне, он также и не о войне. Это фильм о любви. О любви к людям, к миру, к Богу и еще — о любви Бога к человечеству.

Главная героиня фильма Жанна — живое воплощение любви. Она знает истину: нужно любить друг друга, тогда разрешатся все конфликты, любые проблемы. Но мир несчастен и жесток, потому что забыл эту истину, а Жанна находится в приюте умалишенных. Любось заперли в Дом Дураков! И миру так удобно. Можно убивать, можно ненавидеть, можно предавать. Этому никто не удивляется, таков закон жизни для тех, что обитают за воротами приюта. И мой герой Ахмед, осознав, что мир потерял гармонию и сошел с ума, остается в Доме Дураков — в единственном месте, где еще живут любовь и сострадание, где тебя не предадут.

«Я больной, мне нужно лечиться», — говорит он в конце фильма. Это значит, что наш мир болен, его-то и впрямь необходимо лечить. И вот обитатели этого Дома на всех языках молят единого Бога, или, как говорит Жанна, «вообще Бога», чтобы он спас обезумевший мир, простил и вразумил людей, «пожирающих друг друга».

Фильм ставит перед зрителем вопросы, что такое мир, что такое война, что такое свобода, что такое любовь. Каждый волен отвечать по-своему, ведь фильм ничего не навязывает. Все зависит от того, что мы называем сегодня Домом Дураков, как мы определяем то место, где сами живем...

В общем, я провел великолепный месяц в Европе, познакомился с замечательными людьми, узнал много интересного. Я набрал большой материал для своей новой программы, получил огромный заряд бодрости и желания работать для самой благодарной аудитории — моих любимых земляков, которые всегда остаются чеченцами со всеми вытекающими из этого обстоятельствами, куда бы их ни закинула сложная «чеченская судьба»!

С Брайаном АДАМС на съемках фильма «ДОМ ДУРАКОВ»

Прощай, Париж, здравствуй, Грозный!

Тина Брюссель
Париж

ПЕВИЦА, КОТОРУЮ НЕ ЗНАЮТ В ЛИЦО

*Я бежала к ручью напиться,
Услыхала, как пела птица.
Ой, не пела она – стонала.
До воды я не добежала...*
(Из чеченского фольклора)

Молодой человек занял очередь к телефонной кабинке за двумя подружками, которые о чем-то оживленно разговаривали. Лицо одной из них поразило его. Особенно глаза: большие, темные. Такие обычно называют оленьими. Но про эти хотелось сказать, что они не просто оленьи – это были глаза раненой лани, такая неизъяснимая таилась в них печаль.

Когда девушка с оленьими глазами зашла в кабинку, парень спросил ее подругу: «Кто это с тобой?» – «Лиза Умарова, певица. Разве ты не знаешь?» – «Та самая?!...» Лиза Умарова?!...» – «Да, та самая». – «Не может быть!...

Молодой человек не поверил: как так? Самая популярная в республике исполнительница героико-патриотических песен, чей голос нынче звучит в каждом чеченском доме, чьи записи крутят торговцы кассетами на каждом углу Грозного и даже федеральные солдаты на блок-постах, – и вот так просто ходит по улицам, будто обычная смертная. Да она должна на «Мерседесе» ездить, благодарные слушатели должны сдвигать с нее пылинки! Он так и сказал, когда Лиза закончила свой телефонный разговор. Она засмеялась: «Если бы я ездила на «Мерседесе», то, наверное, не пела бы таких песен. Я должна жить так, как живет мой народ».

Она не ездит на дорогой машине. Просто у нее ее нет. Как нет и дома. И стабильно оплачиваемой работы. Как нет покоя и мира в душе. Все это отняла война, Лиза Умарова сегодня просто выживает, как выживают тысячи и тысячи ее соотечественников. Она открыла свое небольшое дело: интернет-магазин «Вайнахам», через который распространяет книги о Чечне, кассеты с записями популярных вайнахских исполнителей и журнал «Дош»... Тем и живет. Но, кроме всего этого, она еще и поет.

Ну что можно здесь, на журнальных страницах, сказать о песнях, которые обжигают таким душевным жаром, что загораются сердца всех, кто их слушает, и слезы наворачиваются даже у мужчин?

Не стоит ждать от текстов этих песен поэтического совершенства – его там нет. Тщетно было бы искать там изысканных метафор и заковыристых рифм – их тоже нет. Там живет боль, от которой не уйти. Там интонации древних плачей, которые хранит фольклор каждого народа. Там обнаженный нерв, голос самых сокровенных чувств каждого из нас – грозненцев, жителей Чечни. Ни капли наигранности, она не нужна, когда слова и мелодия вырываются глубины души и льются свободным, естественным потоком. Так испокон веку создавали свои бессмертные песни народные певцы. Народные не по званию, а по сути. Столетия проходят, а красота созданных ими образов не увядает, точность и ясность мысли остаются источником вдохновения для новых поколений профессиональных поэтов. Это сокровищница культуры, где хранится душа народа, за плечами которого история, полная испытаний. Наша современница Лиза Умарова – настоящий бард. Не случайно ее сравнивают с «воробушком Парижа» – незабвенной Эдит Пиаф. Причиной тому не только звучный, сильный голос чеченской певицы, но и близость к народу, причастность к его судьбе и умение с такой страстью выразить это в песне.

Лиза всегда, сколько помнила себя, мечтала стать актрисой, выступать на сцене, сниматься в кино – редко какая девчонка об этом не грезит. С ранних лет любила петь. В доме всегда звучали песни и музыка: мама и ее брат хорошо играли старинные чеченские мелодии на гармошке. Но вот пришло время определяться с профессией, и Лиза заколебалась. Ее скромность, природная застенчивость, строгое традиционное воспитание – все побуждало остановить выбор на совсем другой, более земной профессии. Она стала швей-модельером. Но судьба внимательно опекала ее, вела к вершине, для которой была рождена эта девушка: сотрудница обкома комсомола буквально втолкнула сомневающуюся в своих дарованиях Лизу в чеченскую труппу, которую набирали для обучения в Ярославском театральном институте имени Волкова. В то же время ее пригласили на новую работу – директором Дома культуры знаменитого деревообрабатывающего объединения «Терек». Так и пошло. А навыки модельера оченьгодились, когда наступили безденежные 90-е годы и пришлось шитьем зарабатывать на жизнь. Выходит, и тут Провиденье позаботилось о своей подопечной, ничего не бывает случайного в жизни...

А вот в лицо Лизу Умарову действительно мало кто знает. Ее не приглашают для участия в концертах. Она не мелькает на телеэкране. На кассете, которую она записала с музыкантом и композитором Мусой Масаевым, всего восемь песен. В общем-то, негусто для такой востребованной исполнительницы. Увы, проза жизни: просто-напросто нет средств, чтобы озвучить еще два десятка уже готовых песен. Запись каждой стоит минимум 300 долларов, а таких денег у Лизы нет, несмотря на то, что кассеты с ее записями и компакт-диски (за которые она, кстати, не получила ни рубля) разошлись за полгода почти миллионным тиражом. А что же наши бизнесмены, крутые «новые чеченцы»? Может, они ничего и не слышали об этой Умаровой, певице, незаметной в тени издавна гремящих имен? Нет, еще как слышали. Слышали, слушали, продолжают слушать и прекрасно знают, как она популярна. Потому и приглашают к себе на дни рождения и тусовки в московские рестораны – порадовать публику сюрпризом. За такие выступления Лизе предлагали и тысячу долларов, и две, но она даже от трех тысяч отказалась. Приглашающий удивился: «Таких денег за выступление мы никому не платим, для тебя это неплохая сумма...»

Что спорить: неплохая. Но... «А вы слышали мои песни? Как вы думаете, стану я петь их перед жующими людьми? Это же про вас я пою: вам Канары, казино, рестораны, а в Чечне идет война!» Так и не уговорили – непреклонная. Да, в этом вопросе у нее четкий принцип, сформулированный в одном из стихотворений Расула Гамзатова: «Будь проклят голос, петь готовый в любом кругу, на все лады». Лиза верна своему высокому дару: петь на потребу сомнительного вкуса не станет. А вот реализовать серьезный продюсерский проект с Умаровой этим бизнесменам в голову, к сожалению, не приходит.

Не балуют своим вниманием новую чеченскую звезду и организаторы концертов, которые нередко проходят в Москве и области и собирают практически всю чеченскую

ЛИЗА УМАРОВА. ФОТО ЖУРНАЛА «ДОШ»

ДОШ

диаспору. Сразу возникает вопрос: а почему? Почему Умарова не вписывается в традиционную программу? Именно потому, наверное, и не вписывается, что программа традиционно развлекательная, люди приходят отдохнуть. А Умарова заставляет думать и переживать. Того певца, который выйдет после нее на сцену, просто слушать не будут. Не потому, что не захотят, что он хуже, а потому, что уже не смогут его слушать. Есть такое свойство у ее песен: даже умолкнув в эфире, они еще долго звучат в сердце, стучат, словно пепел Клааса, призывающий к мести. Но она требует не отмщения, а мира, взаимопонимания, сострадания. О страданиях Чечни Лиза Умарова поет на русском языке, и каждый слушатель, откуда бы он ни был, воспринимает эту трагедию как общероссийскую и общечеловеческую. Так оно и есть на самом деле. Кто бы что ни говорил, как бы ни относился к исполнительской манере певицы, она поет о драме своего народа — поет так, что никто не в силах остаться равнодушным.

Вот почему преждевременно выскакивает из маршрутного автобуса в Грозном сорокалетний пассажир, до слез взволнованный песней «Грозный — город-герой», которую включил водитель: мужчина не хочет, чтобы женщины, сидящие в маршрутке, увидели его увлажнившиеся глаза. И потому в далекой благополучной Германии, закрыв лицо руками, навзрыд рыдает девятилетний чеченский мальчик, услышавший песню Лизы Умаровой «Душа моя». Потому с раннего утра в военном городке федеральных сил в Ханкале на полную громкость звучит официально запрещенная в Чечне призывная «Вставай, Россия!» Потому несколько международных правозащитных организаций избрали своими гимнами песни из репертуара Умаровой. Однажды в Тбилиси на многотысячном антивоенном митинге, когда кто-то из ораторов сказал: «Пусть хоть одна чеченка выступит, ведь это там идет война», на трибуну поднялась сотрудница этой организации и, не сказав ни слова, запела об измученной родине, теряющей лучших сынов, о залитой кровью земле... Так запела, что даже выдавшие виды мужчины оцепенели, завороченные скорбной, суровой мелодией.

Нет, творчество Умаровой не усаждает слух благозвучием лирических пассажей — оно вызывает высокие гражданские чувства, гордость за маленький мужественный народ, за разрушенный, но непобежденный город. Это публицисти-

ка самой высокой пробы, точной и действенной направленности. Наверное, потому таких певцов, в общем-то, и в политику не вмешивающихся, всегда не любили властители: их слово могло сделать больше, чем долгие речи завзятых оппозиционеров, чем подковырные интриги заговорщиков. С такими расправлялись, заставляли умолкнуть, как заставили когда-то умолкнуть дагестанскую певицу Анхил Марин, зашив ей рот...

«Вставай, Россия! — зовет Умарова. — Воспрянь ото сна!» И хотя все как будто знают, что идет война, многие привыкли, позевывают, слыша, что где-то там опять новые жертвы, ее песня впрямь заставляет пробудиться, почувствовать, как это страшно, какое безумие, когда

«с автоматом в руках

Брат на брата идет...»

Рефрен этой песни — стон нестерпимой боли: «Гибнет Родина моя!...» Крик матери, пытающейся защитить, спасти своих детей... Плач дочери, потерявшей мать... — Умарова каким-то чудом все это умеет вложить в одно короткое восклицание.

Песни Лизы Умаровой рождены сердцем, обожженным войной, потому-то они находят отклик в каждом доме, — в Чечне нет домов, которые так или иначе не задела бы война, — в сердце каждого слушателя. Те полчаса, пока мы с ней разговаривали, ее мобильник не умолкал. Звонили люди откуда-то с севера — «Спасибо за ваши песни!»; из Ингушетии — «Не думайте, что вы дороги только чеченцам, ингушам тоже!»; из Екатеринбурга позвонили прямо с первомайской демонстрации — «Лиза, мы вас любим, слушайте, что вам люди говорят!» и многоголосое: «Ли-за, мы с тобой!» Русские беженки звонят из Санкт-Петербурга: «Мы собираемся вместе, слушаем ваши песни и плачем»... И как только телефонный номер узнают?

Но есть среди чеченцев один человек, который не плачет под песни Умаровой, а ... засыпает. Это годовалый мальчик. Родители позвонили в журнал «Дош» и рассказали такую историю: раньше малыш любил засыпать под песни Аллы Пугачевой, но когда однажды поставили кассету с песнями Лизы Умаровой — все, другой колыбельной ему теперь не надо. Включают по-прежнему Аллу Борисовну — капризничает, пока не поставят Умарову, ни за что не уймется... Разбирается человек.

Мария КАТЫШЕВА

На концерте с группой «Отражение». Грозный 2004 г.

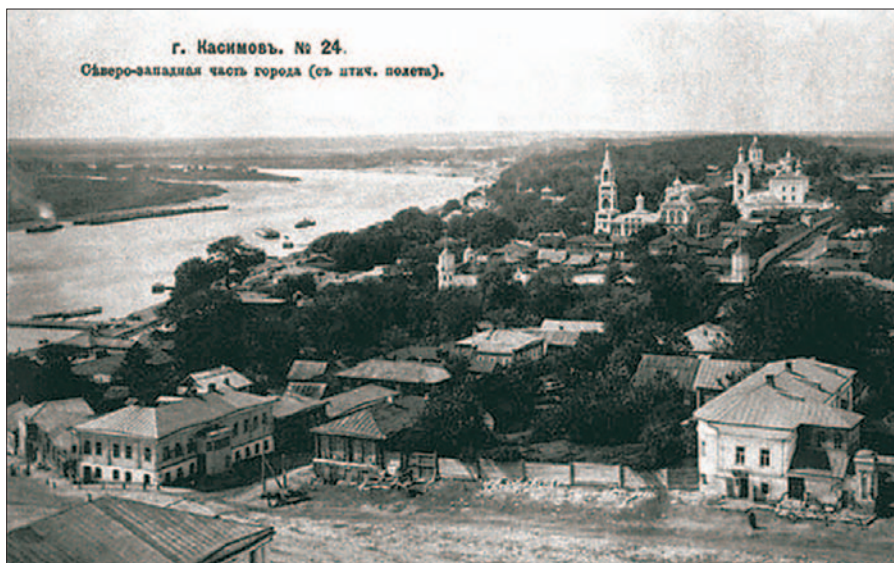

Леча КУРБАНОВ

Леча КУРБАНОВ:

в 1999 г. на чемпионате Европы по каратэ в Киеве занял 3-е место;
в 2001 г. – первые места на чемпионатах Европы в Азербайджане и Венгрии;
в 2002 г. – 1-е место на чемпионате Японии по каратэ киокушинкай;
в 2004 г. 30 мая – победитель боя в турнире гечигэки среди профессионалов, проходившего в Токио.

ГОРОД КАСИМОВ

Рязанской области –
600 лет на
перекрестке культур.

ЮБИЛЕЙ

Мэтру чеченской музыкальной культуры, тому, кого смело можно назвать человеком-легендой, народному артисту ЧИАССР Имрану Усманову исполнилось пятьдесят. Все песни, которые Имран писал и исполнял, тут же становились достоянием народа, поэтому естественно, что более тридцати лет он остается на вершине славы и всеобщей любви. Он обладает удивительно тонким чувством музыки, средства которой заодно со стихами служат ему для волнующего поэтического выражения состояния души. Творчество Имрана Усманова дорого нескольким поколениям чеченцев. О чем бы ни пел, Усманов всегда умеет затронуть самые потаенные струны в сердцах слушателей, а слушатели тем более.

Имран Усманов и сегодня, как пятнадцать-двадцать лет назад, творит выдающиеся музыкальные и поэтические произведения, оставаясь самым популярным артистом. Красота и сила его голоса, глубокое философское содержание стихов и, конечно же, неподражаемый стиль исполнения никого не оставляют равнодушным. Его песни вошли в золотой фонд чеческого музыкального искусства. Даже произведения, которые Имран создает для других исполнителей, отмеченные печатью его неповторимого таланта, становятся шлягерами.

Дорогой Имран! Редакция журнала «ДОШ» поздравляет Вас с юбилеем, желает крепкого здоровья, новых авторских достижений. И всегда оставаться на волне народной любви, которой был отмечен весь Ваш путь композитора, поэта, певца. Мы же со своей стороны охотно окажем информационную поддержку Вашим творческим проектам.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

Вышел в свет первый диск юного, но уже успевшего завоевать популярность, любимого слушателями и зрителями певца **Шамхана Далдаева**. В свои шестнадцать лет Шамхан сам и пишет стихи, и сочиняет музыку к собственным текстам. В диск вошли десять песен на его родном чеченском и на русском языках. Восточный стиль исполнения придает особенное очарование манере юного артиста. Такое яркое начало позволяет надеяться на прекрасное продолжение.

Уважаемые читатели!

Журнал «ДОШ» открывает новую рубрику «Диалог».

Вы можете присылать интересующие вас вопросы политикам, артистам, общественным деятелям и деятелям искусства по почте в редакцию и по электронному адресу журнала. Тот, кто наберет наибольшее количество вопросов от читателей ответит на них в следующем номере «ДОШ».

Надо ли говорить, насколько важно сохранять культурное наследие народа, уберечь все до последней страницы, особенно в годы, когда под угрозой само его существование. Это прекрасно осознали утредители Благотворительного фонда «Солнце» под руководством Джамалдина Курумова, который наряду с другими культурными проектами задумал и издал первую в истории Чегни «Антологию тегенской поэзии» на родном языке.

Эта книга могла бы не увидеть света, если бы кропотливо собранный для нее материал - поэтическое наследие многих поколений тегенских поэтов - не был буквально вынесен из огня и восстановлен. В нее вошли как произведения нашего фольклора, сказания «Илли», так и лучшие творения тегенских классиков и современных поэтов с 20-х годов XX столетия до 2000 года.

Согласно оригинальному замыслу издателя, книга иллюстрирована талантливыми картинами известного - правда, более за рубежом, чем в России - тегенского художника Шамсуддина Ахмадова, который живет и плодотворно работает в Европе. Так что в этом издании представлена не только неповторимая тегенская поэзия, но в известной мере и изобразительное искусство Чегни.

«Антология тегенской поэзии» - подлинное событие в национальной культуре тегенцев. Пусть оно будет не последним!

«МОЛИТВА». Художник Шамсудин АХМАДОВ